

ВЛАДИМИР ВЛАДКО
АРГОНАВТЫ
ВСЕЛЕННОЙ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

АРГОНАВТЫ ВСЕЛЕННОЙ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
(первая редакция 1935 года)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ»
2020**

Публикуется в рамках проекта «Космическая советская фантастика 30-х годов XX века». Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для любого коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п. Данная электронная сборка не является копией какого-либо полиграфического издания. Это компьютерная компиляция текста и различных элементов оформления книги.

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

АРГОНАВТЫ ВСЕЛЕННОЙ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

(первоначальная редакция 1935 года)

В конце 1933 года киевский журнал «Знання та праця» анонсировал этот роман Владимира Владко, однако его публикация в журнале началась только через год — в 1935 году (№№ 1-21). В том же году вышло первое книжное издание.

Художники: Й.Дайц, Г.Малаков, М. Штаерман

РАКЕТА ВЫХОДИТ НА ОЗЕРО

— И все-таки, как она прекрасна, эта наша старенькая Земля! — задумчиво сказал инженер Вадим Сокол. — Вот смотришь, возможно, в последний раз... и вспоминаешь: много чудесных минут и часов дала она мне!..

Он стоял на высокой вышке, держась обеими руками за перила. А вокруг, правда, было на что посмотреть.

Слева, на западе — леса, которые резко обрывались, освобождая место для большой площади, где стояло грандиозное сооружение. Оно поднималось вверх широкими своими стенами, как гигантский шатер. На востоке, за несколько десятков метров от главных ворот сооружения, начиналась серебристая поверхность великого Иван-озера. Спокойное и тихое озеро разлеглось необозримой гладью, сливаясь с далеким горизонтом. Сквозь открытые ворота сооружения видны были выпуклые контуры своеобразного аппарата, похожего на дирижабль. Было видно, что аппарат этот стоял на рельсах, которые выходили из ворот и тянулись дальше, к озеру, исчезая там под его серебристым зеркалом.

Вся площадь вокруг громадного сооружения и вдоль рельс была окружена часовыми; охранялась и часть озера. А за ровной линией часовых гудели толпы людей, тысячи зрителей, съехавшихся сегодня в этот уголок, прославленный газетами всего мира.

С самого утра специальные поезда и бесконечная процессия автомобилей привозили сюда делегации рабочих, колхозников, научных деятелей из всех республик и краев необъятного Советского Союза. Делегации съезжались с праздничными знаменами и расцветченными лозунгами, радостные, взволнованные тем, что они будут свидетелями невиданного и неслыханного в истории человечества события. И теперь Сокол со своей вышки видел эти тысячи людей, которые следили с берегов Иван-озера за каждым движением около гигантского шатра.

Высокий, спокойно сосредоточенный, путешественник и охотник Борис Гуро ответил Соколу не сразу. Он взглянул на геолога внимательными и холодными глазами, аккуратно прижимая пепел в неизменной своей коротенькой трубке, взглянул еще раз — и едва заметная усмешка пробежала по его энергичному лицу,

— Что касается внутренности Земли, — сказал он, наконец, — возражений нет, ее вы хорошо знаете, Вадим. Я уверен: вас можно привести с завязанными глазами в первую попавшуюся пещеру, в любой овраг самого неисследованного медвежьего уголка земного шара, — и вы точно определите, что это за место, какие в нем есть породы, слои и прослойки.

— Благодарю за комплимент!

— Подождите, я еще не кончил. А вот что касается приключений и опыта на поверхности нашей Земли, — мне думается, тут я изведаль больше вашего. Европа, Азия, Африка, Америка, Австралия... вот несчастье, что частей света у нас всего лишь пять! Видите ли, Вадим, если человек хорошо учился попадать в цель где-нибудь в Африке, то его пуля безупречно попадет в животное и в пустынях Азии... Знаете, уже несколько лет я мечтаю о какой-нибудь новой шестой части света, где все было бы не так, как в известных мне пяти. Все по-иному!.. Даже законы природы!

— Вот вы и получите, наконец, это иное.

— Надеюсь, по крайней мере. И честное слово, я с удовольствием поохочусь на тех чудовищ, которых, как вы уверяете, мы встретим на нашей далекой соседке. Никогда еще, смею сказать, не приходилось мне посылать пулю в грудь какого-нибудь игуанодона или бронтозавра.

Вадим Сокол резко повернулся к Гуро. Его глаза сверкали под круглыми очками. Он нервно поправил рукой прядь волос, которая спадала ему на лоб.

— Вы черствый человек, Борис, — запальчиво сказал он. — Вы не поэт, не лирик!..

— Гм... правда, стихов не писал никогда, — спокойно согласился тот.

— Да не в стихах дело! Вы не способны почувствовать подлинную красоту такой необычайной минуты. Поймите, наконец, что сегодня мы в последний раз смотрим на Землю. Прощаемся с нею, понимаете? В последний раз наблюдаем эти суровые и

в то же время роскошные пейзажи, леса и горы, множество людей, наших братьев, товарищей, которые остаются тут...

— Относительно друзей и товарищей, — согласен. А вот пейзажи...

Сокол, казалось, не слышал его. Он говорил вдохновенно, он делал широкие жесты руками, словно призывая в свидетели себе и озеро, и леса, и небо. Гуро с усмешкой слушал его горячие слова:

— В последний раз видеть все это, в последний раз!.. И не знать, увидим ли еще когда-нибудь!

— А ведь я надеялся и завтра, и послезавтра еще понаблюдать эту самую Землю, правда, немножко с иной точки зрения, — с иронией ответил охотник. — Разве стекла в окнах нашей ракеты перестали быть прозрачными? Разве, удаляясь, мы не будем смотреть сквозь них на старую Землю?. Разве... гм, разве не придется мне выслушать еще много лирических вздохов одного моего хорошего приятеля, вздохов о милой старой Земле, которая, так сказать, осталась где-то в безднах мироздания?

— Может быть и вздохну еще, и не один раз. Потому что я всюду чувствую красоту. А вы — сухарь, вы...

Гуро нахмурил брови:

— Можно было бы и не горячиться так, Вадим. Ведь я согласился с вами, когда разговор зашел про друзей, товарищей. И если б вы вместо таких общих мест, как леса и небо, — вспомнили, скажем, про вашу невесту, я никогда не отважился бы...

— И не рекомендую отваживаться. Я вам вот еще что хочу сказать...

Борис Гуро усмехнулся и остановил геолога:

— Обождите, Вадим. Отложим наш весьма интересный разговор. У вас еще будет время вдоволь поругать меня. Вот Николай Петрович. Аккуратен, как всегда. Сейчас, должно быть, начнем.

Приветственные возгласы долетели до них снизу. Люди на берегу приветствовали академика Рындина, который, выйдя из автомобиля, спешил к вышке. За ним шел мужчина с фотоаппаратом, на ходу записывая что-то в блокнот.

Николай Петрович быстро поднялся по крутой лестнице на вышку. Глаза академика удовлетворенно остановились на фигурах двух его будущих спутников.

— Привет, товарищи! Кажется, я не опоздал? Начинаем! Вадим, дайте сигнал.

Сокол положил руку на доску с кнопками, нажал на одну из них, — и сразу же оглушительно завывла сирена. Прекратилось всякое движение. Люди внизу застыли на своих местах, не отрывая глаз от огромного сооружения с широко раскрытыми воротами. Даже Гуро, всегда спокойный и сдержанный Борис Гуро, слегка заволновался.

Сирена смолкла. Над площадью воцарилась тишина. Не слышно было ни одного звука снизу. Настала минута торжественного молчания. И вдруг затрещал какой-то механизм на берегу озера.

От рельс, которые соединяли обширное сооружение с озером, будто подпрыгнули вверх стальные тросы. До сих пор они неприметно лежали на рельсах, — теперь они натянулись как струны. Казалось, тросы должны были бы тянуть к озеру весь шатер, потому что они шли куда-то далеко в его широкий зев.

И снова тишина, напряженная тишина ожидания. Но вот прозвучал глухой стук, словно гигантский вагон прошел колесами по стыку рельс. И снова молчание. Глубокое молчание многотысячной толпы, в которой, казалось, каждый боялся не только промолвить слово, а даже дышать.

Еще один глухой стук, — и где-то внизу в толпе прозвучало взволнованное, звонкое восклицание:

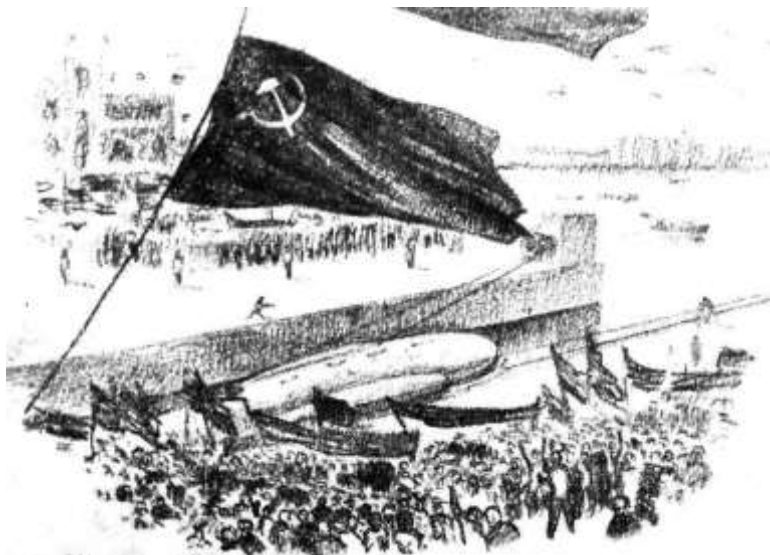
— Идет!.. Идет!..

Фоторепортер, стоявший на вышке возле академика Рындина, поспешно щелкнул затвором. Николай Петрович произнес:

— Так. Идет ровно...

Из огромного широкого сооружения медленно, — так медленно, что его хотелось подтолкнуть руками, выползал гигантский аппарат. Его длинное тело поблескивало, словно отполированное серебро. Тупой выпуклый нос, который раньше напоминал дирижабль, вышел из сооружения целиком. Он ширился, заполнял собою все, закрывая широчайшие ворота сооружения. На его блестящей поверхности можно было рассмотреть большие круглые окна, которые смотрели вперед, как глаза. С боков аппарата отходили металлические выступы, каждый, из которых держал на себе по большой блестящей сигаре с тупым концом вперед.

Ракета вышла из ангара целиком.

Это была ракета, ракетный корабль, который завтра утром должен был оторваться от земли и понестись во вселенную. Межпланетный корабль академика Рындина!

Борис Гуро с погасшей трубкой в зубах смотрел на ракету так же взволнованно, как и те, которые видели ее впервые. Даже сам Николай Петрович Рындин, творец ракеты, ощущал некоторое беспокойство. Ему самому это было немножко странно: ведь все шло так, как было предвидено, он знал не только каждое движение ракеты в будущем, он знал ее до малейшего винтика, до отдаленнейшего ее закоулка. Но зрелище было настолько грандиозно, что заставляло волноваться каждого.

Вот ракета вышла из ангара целиком. Ее длинное сигароподобное тело заметно сужалось к концу. Три одинаковых стабилизатора заканчивали главный корпус. Один из них смотрел вверх, два были направлены в сторону с заметным наклоном вниз. Ракета медленно подвигалась по рельсам к озеру, подтягиваемая стальными тросами.

— Не могу отделаться от впечатления, что она сейчас потонет, — растерянно обратился к Рындину человек с фотоаппаратом, не переставая однако щелкать затвором. — Ракета кажется такой тяжелой... Как может она держаться на поверхности воды?

Рындин усмехнулся:

— Этого не очень-то легко было добиться. Потому-то и пришлось делать ракету из нового интересного сплава металлов: супермагния. Этот сплав самый легкий из всех известных нам доселе металлов и сплавов. Вот почему мой корабль не может потонуть в воде, — разумеется, если он не наполнится водой. Но такая возможность, как вы сами понимаете, мало вероятна.

— Однако зачем вам обязательно нужно лететь с поверхности воды? — не унимался его собеседник. — Ведь можно же было отправить ракету, скажем, с высокого помоста, с эстакады... Ну, вот так, как вы отправляли ту ракету, на Луну...

Академик Рындин не успел ответить. Вадим Сокол сердито обрattился к незнакомцу:

— А там, на Венере, нам точно также выстроят эстакаду? Или, может быть, по-вашему, нам лучше просто остаться там — без малейшей попытки возвратиться назад?

Гуро дотронулся до руки Сокола:

— Вадим, — тихо оказал он, — вы слишком раздражительны! Неудобно...

Сокол пожал плечами и вновь повернулся к перилам. Николай Петрович тем временем объяснял:

— Первые ракеты мы отправляли пустыми. Они не должны были возвращаться назад, кроме последней. А она, эта последняя, как вам известно, облетела вокруг Луны и, не спускаясь на нее, повернула назад и снова прилетела на Землю. Теперь перед вами пассажирский ракетный корабль. Мы спустимся, как вы знаете, на Венеру. Затем нам нужно будет снова вылететь, чтобы вернуться на Землю. А на Венере, как сказал товарищ Сокол, для нас эстакады нет, никто ее не приготовил. Вот поэтому мы предполагаем стартовать и на Венере с водной поверхности... если нам посчастливится найти ее. А не будет воды — тогда, конечно, придется стартовать и с материка. Хотя это не так безопасно, но мы подготовлены и к этому. В моем корабле есть механизм, который позволяет поставить всю ракету на колеса. Понимаете? Чтоб не было надобности в эстакаде, мы и сделали наш ракетный корабль возможно более легким.

— Вот как... — пробормотал его собеседник. Он с минутку подумал и потом мечтательно добавил: — Вы знаете, я так увлекся вашим предприятием, что даже провел несколько вечеров в

обсерватории... Смотрел в телескоп на Венеру. Очаровательная планета! Я просто не отрывал глаз, разглядывая каждый ее лучик...

Гуро чмокнул потухшей трубкой; в его глазах мелькнула ироническая усмешка.

— Внимательно рассматривали, товарищ?

— Ну, разумеется, внимательно.

— Да? И как же, по вашим наблюдениям: не заметно на поверхности Венеры каких-нибудь штормов или бурь и тому подобного? Мне очень интересно было бы узнать об этом. Боюсь, как бы не помешали нам там какие-нибудь атмосферные осложнения.

Человек с фотоаппаратом сконфузился, не понимая, шутит или серьезно говорит Гуро. Лицо охотника сохраняло невозмутимое выражение.

Николай Петрович рассмеялся.

— Оставьте шутки, Борис! Посмотрите-ка лучше — вот ракета уже приближается к воде.

Действительно, нижняя часть корабля дошла до воды. По поверхности озера побежали широкие полукруги. А ракета ползла дальше. Вот она уже вдвинулась передней частью в озеро, вот заколебалась, качнулась. Стальные тросы тянули ее дальше, слышались всплески.

— Плывет!.. Плывет!..

Это был тот самый, взволнованный, молодой и звонкий голос, который в свое время оповестил всех про выход ракеты из ангара. Борис Гуро поднес к глазам бинокль и посмотрел туда, откуда доносился голос. Охотник увидел невысокого парня в юнгштурмовке, который толкал руками девушку, стоявшую перед ним, и выкрикивал:

— Смотри! Смотри! Плывет!

Гуро опустил бинокль: какой-то восторженный юноша, вот и все. Из породы тех энтузиастов, которые не спали все эти ночи, мечтая о будущем старте ракетного корабля. Сколько их, таких, в этой толпе? И каждый мечтает о том, чтобы принять участие в полете. Каждый пишет влюбленным письма Рындину, Соколу, ему — Гуро, каждый требует немедленного ответа, присылает свои собственные предложения и советы. Молодежь, молодежь!

Человек с фотоаппаратом перестал, наконец, щелкать затвором. Он смотрел теперь на Рындина, обдумывая, по-видимому,

еще какие-то вопросы. По всем признакам ему очень хотелось еще о чем-то спросить Николая Петровича. Но академик не отрывал глаз от ракеты, внимательно следя за каждым ее движением. Человек с фотоаппаратом перевел взгляд на Гуро:

— Извините, говорят, что там, на Венере, живут всякие чудовища... Мне... гм, мне очень интересно было бы осведомиться, как вы вооружены на случай встречи с чудовищами, который вы, возможно, встретите там? — он неопределенно показал рукой куда-то в небо.

— На Венере? — переложил трубку в другой угол рта Гуро. — Могу, могу вам сказать. Я всегда отдавал особое предпочтение автоматическим винтовкам. Вот и в этом случае я возлагаю свои надежды на такую тридцатизарядную винтовку. Если добавить, что в ее магазине будут лежать к тому же не обыкновенные, а разрывные пули, то...

Он недвусмысленно улыбнулся и положил руку на перила. Его сильные пальцы стиснули металл. Перила зашатались. Собеседник его с любопытством и почтением взглянул на руку, перевел взгляд на самого Гуро, снова на руку. Охотник добавил:

— Там, где нужно, будем применять разрывные, возможно, используем и бронебойные. Вообще, я думаю, как-нибудь справимся.

Раскатистое «ура» прозвучало над озером. Ракета остановилась. Она слегка покачивалась на поверхности воды. Стальные тросы ослабли и упали в воду. Еще несколько колебаний, и супермагний корабль спокойно застыл на воде.

— Если мы также спокойно вылетим завтра в эфир, я ничего большего не желаю, — сказал академик Рындин, обращаясь к остальным. — Борис, как вы думаете? Вадим, что это вы помрачнели? С Землей не хочется разлучаться?

В голосе Рындина прозвучала нотка нежности. Сокол по своей давнишней привычке потер себе левое ухо:

— Нет, Николай Петрович.

— А что ж тогда?

— Так, настроение какое-то такое... — Сокол замаялся.

— Он хочет сказать, Николай Петрович, что он настроен лирически, — бросил с усмешкой Гуро. — Он и мне на это жаловался. Такая, он говорит, эта старенькая Земля мягкая, такая нежная... Прямо, ложись на нее и умирай, вместо того, чтобы ку-

да-то там лететь... Я пытался возражать, доказывать, что у нас еще есть надежда не только увидеть вновь эту красу, а даже любоваться иными, невиданными человечеством пейзажами. Да куда там! Как рассердился наш Вадим, как начал меня ругать: и сухарь я, и кто его знает чего...

Теперь Сокол рассердился окончательно:

— И действительно, Борис нисколько не понимает красоты, Николай Петрович! Такие тут виды с этой вышки, а ему кто совершенно безразлично. Сухой человек! Привык быть узко-практическим. Ему бы только дырять пулями живые существа. Разумеется, ничего такого про умирание на Земле я и не думал говорить, это он выдумал, только на такие глупости он и годится. Не понимает, что если уж выдумывать, то нужно по крайней мере выдумывать что-нибудь более поэтичное. Действительно, сухарь!

Рындин засмеялся:

— Ничего, ничего, не спорьте, друзья мои. Вы, Борис, не задевайте Вадима. Мы еще успеем увлечь его чарующими картинами вселенной, дивными пейзажами на Венере. А вы, Вадим, не ругайте Бориса сухарем. Уверяю вас, кое-что он чувствует очень тонко, иногда даже увлекается красотой...

— Где, когда? — искренно удивился Сокол. Даже Гуро взглянул на Рындина с любопытством. Что он хочет этим сказать?

Николай Петрович весело усмехнулся:

— Ну, например, если он, наш поэтичный охотник, рассматривает чудесную, новую винтовку, или изучает новую систему разрывных пуль. Вы знаете, Вадим, у него тогда такой восхищенный взгляд, так блестят глаза, что, кажется, вот-вот он начнет писать стихи. Только то и мешает ему, что он не умеет рифм находить, честное слово!

Общий смех был ему ответом. Гуро, который ищет рифм для стихов, лирических стихов о новой системе разрывных пуль... Да, это действительно трудновато было себе представить!

— Впрочем, — продолжал Николай Петрович, — кто знает, в ком раньше проснется поэт, когда мы очутимся в межпланетном пространстве. Отложим пока эти споры, друзья мои. Пошли, нужно в последний раз все проверить.

Они уже спускались по ступенькам, когда человек с фотоаппаратом решил порасспросить еще кое о чем.

— Извините, Николай Петрович, я вот никак не пойму, каким же образом ваша ракета отделится от земли. Вот именно — отделится. Крыльев у нее нет. Как же?..

Вадим посмотрел на Гуро: тот подморгнул ему — ну, чего, дескать, и ожидать от невежественного человека? Но Николай Петрович обнял фоторепортера за талию и терпеливо начал:

— Для чего нашему кораблю крылья? Ведь это не самолет. Вы, должно быть, забыли про управляемое действие наших ракетных двигателей. Мы оттолкнемся от воды таким же образом, как могли бы оттолкнуться от земли или от воздуха. Правильнее, мы оттолкнем сами себя. Сначала поплывем по воде, подпрыгнем над водой, как глиссер, потом полетим в воздухе по геометрической касательной линии, понемногу отдаваясь от земли. А затем... затем перегоним землю в ее движении вокруг оси — и все!

Видя, что собеседник все еще как следует не понимает, Рындин добавил:

— О целях нашего путешествия, как вы знаете, я сегодня буду докладывать всему миру. А завтра... ведь завтра вы придете сюда зафиксировать наш старт? Вот и увидите все своими глазами. Ну, всего хорошего, я спешу.

И он, похлопав собеседника по плечу и усмехнувшись еще раз будущим своим спутникам — Соколу и Гуро, — быстро бежал по ступенькам на площадь, где уже нетерпеливо сигналила поджидавшая его машина.

Приветственные возгласы мощной волной прокатились по рядам людей, стоявших на берегу. Должно быть, тут не было ни одного человека, который не знал бы знакомого всем облика всемирно знаменитого академика Николая Петровича Рындина, творца первого межпланетного корабля, смелого инициатора этого первого в истории человечества межпланетного путешествия.

Автомобиль медленно ехал по широкому коридору, созданному раздвинувшейся толпой. Со всех сторон в автомобиль летели цветы. Николай Петрович чуть-чуть сконфуженно улыбался, приветствуя толпу рукой: его смущали такие горячие овации.

Гуро взглянул на часы:

— Ого, уже половина двенадцатого! Ну, Вадим, скорей! Осталось всего полчаса до начала доклада. Пойдем ко мне.

ДОКЛАД ВСЕМУ МИРУ

Радиоволны обежали вокруг всего земного шара и возвратились назад. Их возвращение обозначили точнейшие и чувствительнейшие приборы мощной радиостанции имени Коминтерна. Дежурный техник посмотрел на часы: да, до последнего сигнала осталось еще пятнадцать минут. И хотя радиоволны принесли к каждому радиоприемнику в мире лишь короткий резкий звук звонка, — не было на старой Земле человека, который, сидя возле репродуктора, не сказал бы себе того же самого:

— Еще пятнадцать минут!

Во всех странах, во всех городах и местечках человечество ожидало этого сигнала, который облетел землю ровно без четверти двенадцать. Те, кто был дома, в последний раз старательно настраивали приемник; люди, проходившие по улицам, искали глазами ближайший репродуктор, чтобы остановиться возле него и слушать.

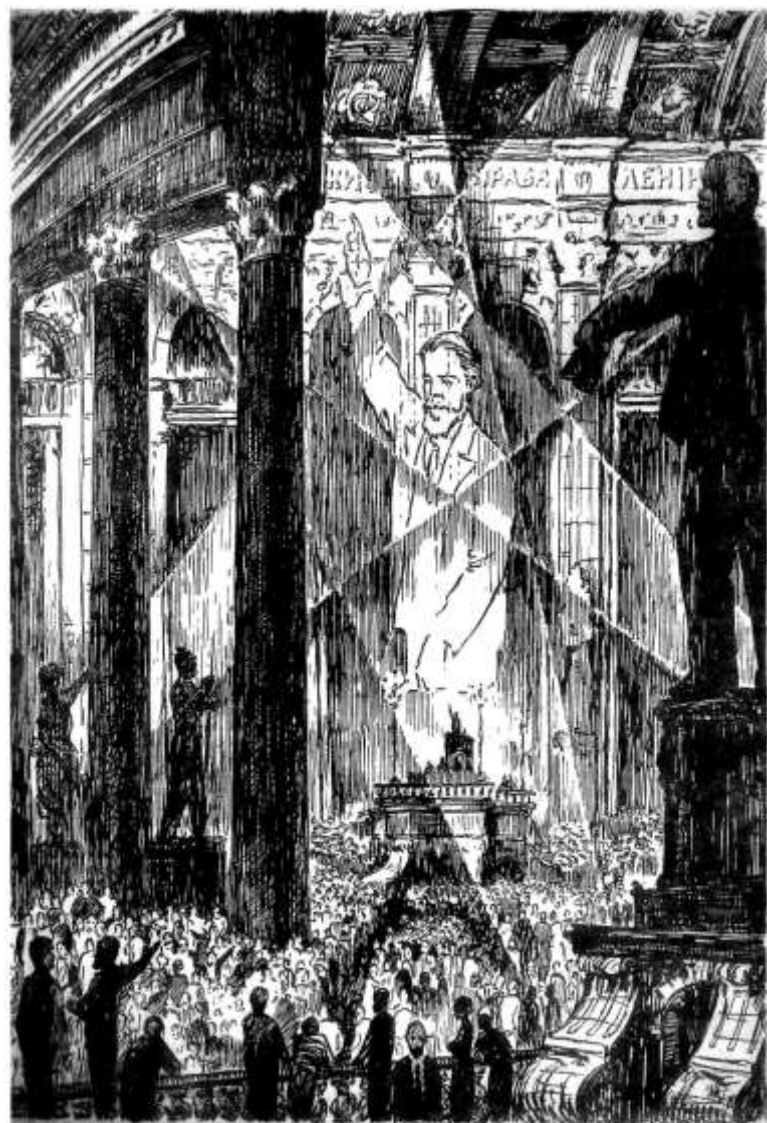
Старая Земля слушала.

Бесспорно, самыми счастливыми следовало считать тех, у кого была возможность включиться в колоссальный людской поток, отдаться ему целиком до той секунды, когда этот поток внесет человека в гигантский Дворец науки и культуры, протолкнет счастливца на его место в одном из бесчисленных концентрических кругов самого большого в мире главного зала и оставит там. Однако для этого нужно было присутствовать в столице великого Советского Союза, в красной Москве, где высился дворец.

Минуты текли нестерпимо медленно. Казалось, что они превратились в часы. Уже не было ни одного места в главном зале от стола президиума до самых верхних рядов стульев. Необычайная тишина царила в зале, несмотря на то, что здесь собралось около пятидесяти тысяч человек; такая же тишина, которая царила возле каждого в мире радиоприемника, настроенного на Москву.

И вот канули в вечность последние секунды. Минутная стрелка накрыла часовую; обе вместе они указали на циферблате цифру XII. И весь зал, все человечество, прикипшее к приемникам и репродукторам, — услышали еще один короткий резкий звонок. Последний сигнал!

Кожен бачив збільшені риси обличчя всесвітньо відомого академіка

За ним прозвучали двенадцать громких и долгих ударов часов. И когда еще были слышны эти удары, оранжевым светом засияли экраны телевизоров по всей земле, четким и ярким рисунком возникли на них очертания огромного зала Дворца.

В напряженной тишине растаял последний удар часов. И должно быть, никогда еще не вслушивалась так Земля в тихий шорох, который доносился из громкоговорителей. Еще секунда... две... три...

— Всемирное собрание объявляю открытым! Слово имеет академик Николай Петрович Рындин.

Взрыв, смерч, буря рукоплесканий разорвали тишину и штормом пронесли по земле. Люди в зале, люди в городах и местечках, которым до этого нестерпимо тягучими казались секунды, забыли про время, про секунды и минуты, стараясь как можно громче, как можно дольше рукоплескать.

И среди этой бури не слышно было уже ничего, потому что люди и не слушали ничего. Они лишь смотрели, как твердыми, решительными шагами прошел на трибуну в центре зала человек, как он остановился, положил руки на барьер, поклонился.

Почти одновременно с разных сторон ударили белые лучи прожекторов. Лучи скрестились у трибуны, залили своим светом крошечный издалека силуэт человека. И мгновенно этот силуэт неимоверно вырос, превратился в великана, который почти упираясь головой в потолок дворца. Силуэт слегка колебался в воздухе, он был словно из какого-то полупрозрачного вещества — присматриваясь, можно было увидеть сквозь него противоположные стены, едва заметные вдали. Это было последнее достижение оптической техники: освещенные прожекторами зеркала на трибуне отбрасывали вверх гигантский светящийся силуэт, рельефное изображение оратора.

Теперь уже каждый видел увеличенное до грандиозных размеров, знакомое лицо всемирно знаменитого академика Николая Петровича Рындина. Вот характерная шапка его седых волос, энергичные, нависшие над пронзительными глазами брови, ровный нос, усы и подстриженная борода. Новая буря рукоплесканий пронеслась по залу, разлилась по всей земле: это он, он!..

Но вот академик Рындин решительно поднял руку. Она, казалось, пронзила потолок и исчезла за ним. Академик потребовал тишины. Этого было достаточно: за несколько секунд зал затих

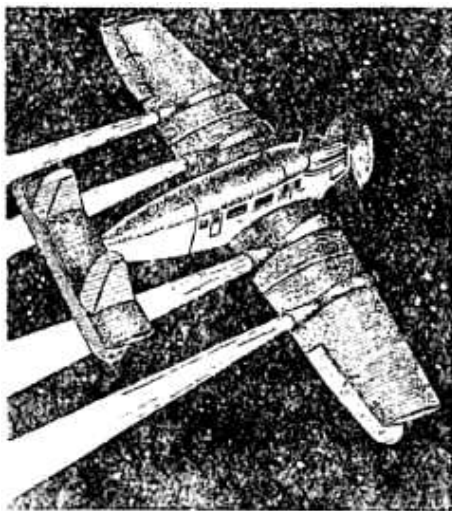
так, что каждый мог слышать дыхание своего соседа. Академик оперся руками на барьер трибуны.

— Уважаемые товарищи! Моя задача сегодня не особенно сложна, и я попытаюсь выполнить ее как можно быстрее — ведь я должен лишь кратко и ясно напомнить вам о том, что все вы уже неоднократно читали. Вы знаете, что сегодня мы встречаемся в последний раз, — по крайней мере в последний раз перед разлукой на долгое время. Когда мы снова увидимся с вами? Это будет, я надеюсь, через два года и пятьдесят шесть дней. Может статься, что нам не посчастливится использовать нужный момент: тогда мы вернемся через четыре года и сто двенадцать дней. Но может быть и иначе...

Короткая, насыщенная какой-то тревогой пауза заставила всех вздрогнуть. Да, может быть и иначе... Неведомые опасности ожидают отважных путешественников по неизвестным пространствам космоса: что ожидает их на далекой соседке Земли?

— Однако мы уверены, что выполним наше задание. Этого требует наш великий Советский Союз, наша великая родина. Для чего мы покидаем завтра нашу старую планету, для чего летим мы в безграничные пространства вселенной? Ответ очень краток — всего два слова: коррозия и энергия. Сначала о первом, коррозии.

Что это такое? Как вам известно, коррозией называется химическое разрушение металла вследствие различных влияний. Ржавчина на железе, зеленая окись на меди — все это коррозия. Это страшный враг, который похищает у нас невероятное количество металла. Мы утрачиваем ежегодно около сорока процентов — почти половину! — того металла, который добываем на протяжении года. Мы боремся с коррозией, мы

Пассажирський ракетоплан

изыскиваем разнообразные способы сплавлять железо — с никелем, с хромом и другими элементами. Но этого мало, враг все равно крадет металл. И мы хотим окончательно преодолеть его. Как?..

Академик Рындин осмотрел притихший зал.

— Вспомните известную таблицу элементов великого химика Менделеева. Вспомнив ее, вы сразу увидите, что она, в современном виде, как-то неожиданно обрывается на элементе номер девяносто два, на уране. Элементов тяжелее урана на Земле до сих пор найти не удалось. Но можно ли из этого сделать вывод, что таких, более тяжелых элементов не существует вообще? Нет. Ученые давно уже мечтали о возможности расширения таблицы Менделеева. Кое-кто даже выдвинул определенное предположение о том, что сверхтяжелые элементы должны существовать в природе вселенной. Почему же они не найдены? Потому что, как мы знаем, некоторые элементы сами постепенно распадаются (это относится к радиоактивным элементам), некоторые же из них имеются в земле в весьма малом количестве или в совсем неприступных для человека сферах земного шара, скажем, — в его раскаленных недрах. Посмотрите сюда!

В сверкающем свете с потолка опустилось большое полотно, на котором каждый мог узнать знакомые графы таблицы Менделеева. Но таблица имела все же не совсем обычный вид. Ее ровные ряды не заканчивались ураном, элементом номер девяносто два. Нет, эти ряды продолжались далее и ниже, в их клетках виднелись условные обозначения еще неизвестных новых элементов. Академик указал на эти обозначения:

— Смотрите! Мы продолжили ряды элементов. Минуем некоторые из них, они сейчас для нас неинтересны. Но вот мы дошли до элемента номер девяносто семь. Вот тут, налево, под незаполненной еще клеткою элемента номер восемьдесят семь. Взгляните внимательно: еще выше, одним лишь рядом выше вы увидите клетку золота, клетку элемента номер семьдесят девять. Какие выводы мы можем сделать относительно свойств интересного для нас элемента номер девяносто семь? В силу общих данных, этот элемент должен повторить в себе свойства золота, только все эти свойства должны быть выявлены в нем значительно сильнее. Мы имеем все основания думать, что это — наилучший металл, который не только сам не поддается коррозии,

но и предохраняет от нее все остальные металлы, если только примешать его к ним хотя бы в ничтожнейшем количестве. Вот — наше возможное оружие против коррозии: этот необычайный элемент номер девяносто семь, который мы условно называем ультразолотом.

По залу пробежал тихий говор. Ультразолото!.. Таинственный, загадочный металл. Не о нем ли мечтали средневековые алхимики? Ведь они пытались найти «философский камень», с помощью которого можно было бы превращать в золото все другие металлы... И точно так же ультразолото дает, как говорит академик Рындин, возможность придавать всем металлам свойство благородного золота — не поддаваться коррозии...

— Однако, — где взять этот воображаемый элемент, это ультразолото? До сих пор, как я сказал, нам не удалось найти его на нашей земле. Мы можем лишь предположить, что ультразолото прячется от нас где-то в глубине земли, в ее раскаленных недрах. Достать его оттуда мы не можем, даже вооружившись всей нашей современной техникой.

Аудитория ответила глубоким вздохом:

— Не можем!

— Оставим на минуту ультразолото. У нас есть еще одна большая угроза. Это — недостаток энергии. Мы затрачиваем слишком много энергии. Мы расходует ее в форме угля, нефти, торфа и так далее. Правда, мы используем еще белый уголь — энергию воды, голубой уголь — энергию ветра, используем уже желтый уголь — энергию солнечного сияния, однако всего этого недостаточно. Мы пробуем использовать энергию, освобождающуюся при распаде атомного ядра. Но это слишком сложно. Энергия атомного ядра освобождается столь быстро, таким молниеносным взрывом, что мы и до сих пор никак не научимся ее использовать. Есть еще энергия чудесного элемента, который все время разрушается сам и освобождает энергию, — энергия радия. Однако ее мы также бессильны использовать для наших энергетических надобностей. Радий разлагается слишком медленно — и мы не знаем способов ускорить его разложение. Энергию радия мы применяем лишь для медицинских потребностей. Где же найти новые источники энергии?

Академик Рындин улыбнулся и вновь указал на большое полотнище с таблицей Менделеева.

— Вот здесь! Чтобы не перечислять элементы, представим себе, что мы продолжили и этот добавочный ряд, в начале которого стоит обозначение нашего ультразолота. Закончив этот ряд, мы снова возвращаемся влево — и тут, в другом месте, слева, как раз через один ряд от радия, мы находим клетку воображаемого элемента номер сто шесть. Что это за элемент, который мы условно называем инфрарадием? Опять-таки, мы знаем, что в силу общих законов этот элемент должен повторять в себе свойства радия, только проявлять их значительно ярче. И вот мы считаем, что наш воображаемый пока что инфрарадий — это один из самых могучих источников энергии. Да! Инфрарадий должен выделять энергию в миллионы раз медленнее, чем разрушенное атомное ядро, но в сотни тысяч раз бурнее, чем радий. Мы высчитали: одной десятой части грамма инфрарадия хватит на то, чтобы снабжать энергией большой завод на протяжении десяти лет!

Глубокая напряженная тишина была ответом на смелые утверждения академика Рындина.

— Но и этот элемент, к величайшему сожалению, нам до сих пор не удалось найти. Есть ли вообще он на земле? Мы не знаем. Возможно, что он уже полностью успел разложиться за миллионы лет существования нашей старой планеты. Но возможно, что он, как и ультразолото, тоже скрыт глубоко в раскаленных недрах нашей Земли. Не он ли и подогревает эти недра?.. Мы не знаем. Однако, — вот факты. Если мы предположим, что воображаемые нами элементы номер девяносто семь и сто шесть скрыты от нас в глубинах земного шара, то мы принуждены признать: современная техника бессильна достать их оттуда. И от такой мысли можно было бы впасть в отчаяние. Ведь нам недоступны, таким образом, самые драгоценные элементы: один из них дал бы нам окончательное освобождение от необходимости платить громадную ежегодную дань нашему врагу — коррозии, а другой явился бы новым могущественнейшим источником энергии.

Академик Рындин выпил воды. Его гигантский силуэт колебался. Глаза всего мира следили за его движениями на экранах телевизоров.

— Но не такова наша советская наука, чтобы отступить и сложить оружие. Ладно, мы не можем пока что найти эти элементы в глубинах нашей Земли. Но — почему бы не поискать их во вселенной? Ведь есть планеты моложе Земли. На их поверхности

инфракрасный, возможно, не успел еще разложиться как на Земле, возможно, он не скрылся так глубоко. Ведь все планеты нашей солнечной системы зародились из одного первичного гигантского огненного шара. Химический состав их должен быть одинаковым — или почти одинаковым, пропорционально возрасту планеты и связанному с ним процессу разложения элементов. Лучше всего элементы должны были бы сохраниться на Солнце, нашем раскаленном сияющем светиле.

Новое полотнище опустилось с потолка. Теперь на нем красочно заиграли спектры — длинные, пестрые полосы, на которых яркие цвета как в радуге переходили один в другой.

— Прежде всего наша советская наука решила проверить свои предположения на Солнце. Новый спектральный анализ открыл нам, что эти элементы — и ультрафиолетовый, и инфракрасный — на Солнце имеются. Это произошло совершенно так же, как в свое время с элементом гелием. Ведь вы знаете, что наука с помощью спектрального анализа нашла сначала этот элемент на Солнце и уже затем на Земле. Потому и назван этот элемент гелием, — ибо древнее греческое название Солнца — Гелиос. Вот таким же образом, при помощи усовершенствованных спектроскопов, мы установили, что ультрафиолетовый и инфракрасный есть на Солнце. Но разве мы можем хотя бы мечтать о том, чтобы когда-нибудь добыть их с бурно-клокочущего огнем центрального светила нашей системы? Мысль об этом была бы безумной фантазией. Мы же с вами — люди реалистические, мы мечтаем лишь о том, что можно сделать, чего можно достигнуть. И вот мы задумались над новой проблемой. Наши драгоценные элементы могут быть на других планетах; что ж, есть ли они там?

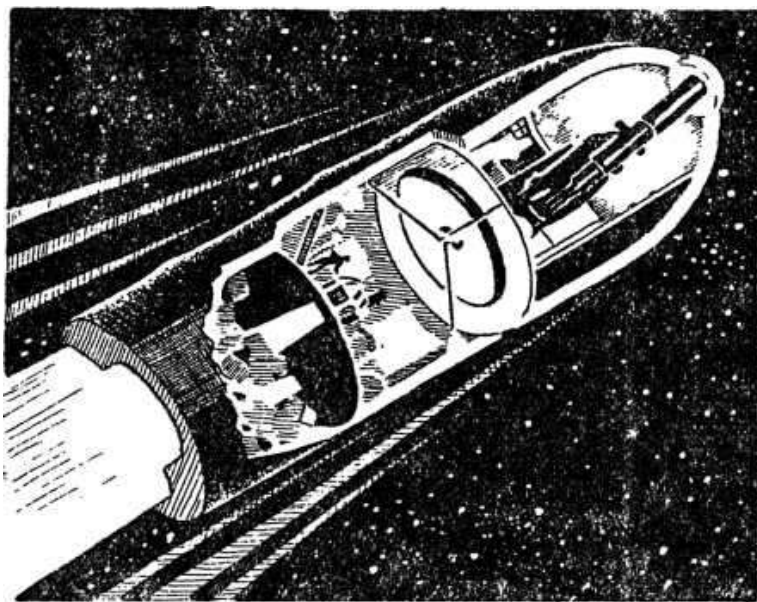
Во время паузы было слышно, как кто-то нервно закашлялся.

— Мы установили, что они есть на других планетах! Прежде всего, на ближайшей нашей соседке — Венере. Она моложе Земли, она сохранила эти элементы во внешних своих слоях. Все вы слышали про загадочное голубоватое сияние, которое окружает время от времени Венеру. В течение столетий ученые не могли разгадать загадку этого сияния. Но мы знаем спектр инфракрасный. И мы установили, что сияние Венеры является следствием бурных излучений инфракрасного. Мы раскрыли эту тайну нашими советскими спектроскопами при помощи мощных трехсотдюймовых рефлекторов. Мы нашли в таинственном до сих пор излучении

также и следы газоподобных соединений ультразолота. Мы с полной уверенностью говорим: да, наши воображаемые элементы есть на Венере! Мы продолжили нашу мысль: если они там есть, — мы, советские ученые, должны их достать!..

Впервые за время речи зал вновь загремел рукоплесканиями. Нервное напряжение слушателей, пораженных смелыми утверждениями Рындина, должно было найти себе выход. Академик Рындин переждал, слегка усмехнулся и поднял руку: точно!..

— Действительно, почему нам не отправиться на Вечеру? У нас есть такой изумительный способ передвижения, как ракетные корабли, которые еще пятьдесят лет тому назад представлялись лишь смелою фантастикой даже лучшим ученым. Всего пять лет назад мы отправили наш первый ракетный корабль на Луну. Правда, он летел без пассажиров, нам нужно было только проверить свои вычисления. Мы начинили корабль взрывчатыми веществами, превратив его таким образом в гигантский снаряд, грандиозную бомбу. И этот ракетный снаряд подтвердил все наши

Проект міжпланетного корабля Лабадн

расчеты. За предусмотренное вами время он долетел до Луны, он упал на Луну — и астрономы всего Земного полушария видели в свои телескопы сверкающий взрыв на Луне. Это разорвался на спутнике Земли наш первый корабль-снаряд, подав нам торжественный сигнал: межпланетное сообщение открыто!

Вновь по залу пронеслась буря рукоплесканий.

— Два года назад с Земли вылетел второй наш ракетный корабль. Он облетел вокруг Луны, подчинясь нашим расчетам, и, повернув назад, прилетел на Землю. Все вы знаете об этом. Вы видели фотографии, снятые автоматическим аппаратом, который был в ракетном корабле. По этим фотографиям мы окончательно установили, что на Луне нет и не может быть жизни. Теперь мы имеем громадный опыт, накопленный нашей социалистической наукой. Мы можем лететь на Венеру, чтоб найти там ультразолото и инфрарадий, взять их и привезти на Землю. Несколько лет мы готовились к этому полету. Мы рассчитали все, мы приняли во внимание все возможности, какие только можно было предусмотреть. Мы вооружены нашими знаниями, нашим опытом, вооружены почетным доверием к нам нашей великой советской Родины. Экспедиция, во главе которой я стою, выполнит свое задание!

Еще раз загремели аплодисменты. Однако академик Рындин сразу же их остановил.

— Друзья мои, подождите. Лучше поберегите ваши рукоплескания до того времени, когда мы вернемся. Перед нами — большое, трудное и долгое путешествие по неведомому океану вселенной. Помните ли вы древнегреческий миф про аргонавтов? Я напому вам его. Отважные легендарные герои древности, греческие моряки отправились из Греции в далекий путь. На своем маленьком корабле «Арго» они проплыли по Средиземному морю, переплыли неведомое им бурное и страшное Черное море. Они искали сказочное золотое руно чудесного барана, которое, как они были уверены, могло творить чудеса. Они, говорит миф, нашли свое золотое руно в Колхиде, как называлось тогда нынешнее Закавказье. Героические пловцы на корабле «Арго», отважные аргонавты преодолели трудности. Разве не такие же самые аргонавты и мы?.. Мы, которые отправляемся на нашей маленькой, микроскопической в масштабах вселенной, ракете? Ведь и мы также поплывем неизведанным и безграничным океаном

космоса в поисках за нашим золотым, ультразолотым руном. Новые аргонавты, аргонавты вселенной!..

Академик Рындин взволнованно остановился и посмотрел в окно.

— Однако, это, разумеется, лишь поэтическое сравнение. Друзья мои, сегодня мы прощаемся с вами. Как вы уже знаете, завтра мы вылетаем. Завтра состоится старт нашего ракетного корабля, который теперь плавно колышется на поверхности Иван-озера. К старту все готово. Три человека будут пассажирами этого корабля. Я руковожу экспедицией. Со мною летит Вадим Сокол, известный инженер и геолог, который обязан разыскать и добыть на Венере драгоценные элементы. Третий наш спутник — прославленный путешественник и охотник, исследователь далеких неизученных уголков нашего земного шара, Борис Гуро. Я знаю, кое-кто из вас удивляется — для чего в состав экспедиции входит охотник, а не научный работник? Сейчас вы все поймете. Прежде всего, товарищ Гуро такой же научный работник, как и мы с Соколом. Но, кроме того, у него есть чрезвычайно ценный опыт путешественника, охотника, человека, который умеет сохранять мужество в моменты неожиданнейших опасностей.

А наша экспедиция должна быть готова ко всему. Даже к встрече с теми допотопными чудовищами, которые, надо полагать, существуют еще на Венере. Да, да, эта молодая планета настолько моложе Земли, что там, вероятно, теперь длится период, аналогичный земному юрскому. Как и когда-то на Земле, там нет еще человека. Среди диких зарослей папоротников и других доисторических растений там свободно разгуливают удивительные чудовища — полуфантастические игуанодоны, бронтозавры, мегалозавры...

Мы увидим их, встретимся с ними. И Борису Гуро придется взять на себя оборону своих товарищей от никогда невиданных хищников. Вот почему он летит с нами. С его помощью мы выдержим возможное нападение на нас допотопных чудовищ. Больше того, мы можем лишь сожалеть, что в нашем ракетном корабле не поместится какой-нибудь из этих ящеров. Потому что наверняка Борис Гуро помог бы нам поймать, привести сюда и показать вам, например, хотя бы одного мегалозавра...

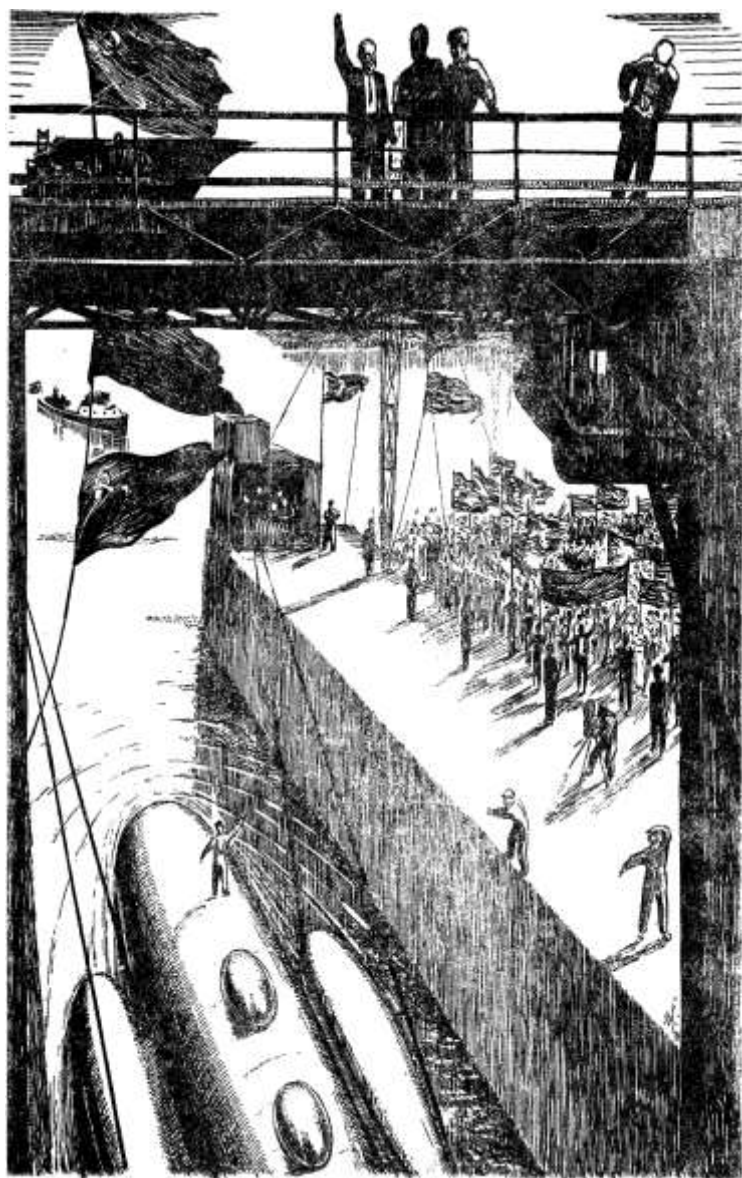
Академик Рындин переждал, пока прекратится вызванный его шуткой смех, и закончил:

— Все мы, пассажиры нашего ракетного корабля, знаем и любим друг друга, доверяем друг другу. Наша большая ракета вмещает все, необходимое нам на время путешествия. Через сорок шесть дней мы будем уже на Венере, на этой молодой и незнакомой еще нам планете. Мы изучим ее, мы найдем и добудем там нужные нам драгоценные элементы — и привезем их сюда на пользу нашей советской Родины. Я не хочу затруднять ваше внимание перечислением наших специальных научных заданий, — как, например, изучение условий межпланетного путешествия, влияние космического излучения, изучение фауны и флоры Венеры. Но я хочу подчеркнуть: мы счастливы, ибо уверены, что выполним все наши задания. Я рад, что мы заканчиваем наше с вами прощание веселым смехом. Бодрость и уверенность в своих силах, — вот что является залогом успеха нашего дела. До свидания, мои друзья и товарищи, до свидания! Я надеюсь, что с помощью инфрарадия, который мы добудем на Венере, мы перевыполним наш план и вернемся не через два года пятьдесят шесть дней, а значительно раньше. Однако мы готовы путешествовать все это время — и даже больше! — лишь бы возвратиться с успехом. Завтра старт нашей ракеты. Завтра мы вылетаем во вселенную. До свидания, друзья и товарищи!

И снова рукоплескания разнеслись по всему земному шару. Академик Рындин сходил с трибуны. Гигантский силуэт его сходил вместе с ним, медленно расплываясь в воздухе. Огромный зал гудел.

И так же гудели все радиоаудитории мира, где только был слышен голос академика Рындина. Уже потухли экраны телевизоров, уже замолкли репродукторы, а люди сидели и сидели, смотря на экраны и словно ожидая еще чего-то.

Двадцать четыре часа отделяли человечество от великого, невероятного события — отправления огромной космической ракеты с тремя пассажирами наперегонки с Венерой, на борьбу с неизвестными опасностями, на поиски загадочных драгоценных элементов: ультразолота и инфрарадия. Двадцать четыре часа!

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОЕ

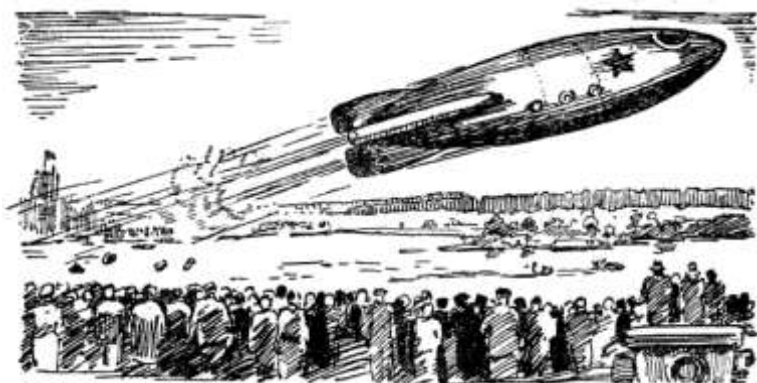
Держась руками за край верхнего люка, который выходил на крышу ракеты, Николай Петрович смотрел на горизонт. Легкий ветерок колыхал его седые волосы. С далекого берега до него доносились приглушенные звуки — словно где-то рокотал прибой. Николай Петрович посмотрел туда. Звуки усилились и слились в неясное гудение. Десятки тысяч биноклей и подзорных труб, направленных с берега на ракету, нашли на ней седую голову академика Рындина. И обладатели этих биноклей и подзорных труб горячо приветствовали возгласами отважного командира ракетного корабля. Впрочем, Николай Петрович не слышал ни одного слова: до берега было очень далеко, все сливалось в неясный шум.

Да, Николай Петрович понимал волнение Вадима Сокола, о котором ему вчера рассказал Борис Гуро. В самом деле, странное чувство охватило и его сейчас, когда он последний раз вышел на поверхность ракеты. Разумеется, он был вполне уверен в успехе путешествия, этой великой цели его научной жизни. Он знал, что летит вместе со смелыми, отважными товарищами. И однако — он почувствовал какое-то беспокойство, увидев в последний раз перед несколькими годами разлуки эту толпу, которая его приветствовала. Тысячи друзей, тысячи товарищей! И через минуту все эти товарищи останутся здесь, на Земле, а он со своими спутниками будет мчаться в космосе!.. Ракетный корабль понесет их, отрезанных от жизни Земли, в неведомые пространства вселенной, дальше и дальше, — в бескрайные эфирные океаны. Волнение Сокола было вполне понятно. Рындин тоже оставлял на Земле товарищей, друзей. Но Сокол, кроме того, оставлял еще и невесту... Храбрый, отважный человек!

Неясный рокот, который доносился с берегов, усилился. Рындин поднял руку, отвечая на приветствия. Взгляд его упал на часы-браслет на поднятой руке. И сразу исчезли все размышления, осталось только чувство ответственности, чувство командира экспедиции.

— Одиннадцать сорок пять... Через пятнадцать минут — старт, — сказал он и, бросив последний взгляд на берег, спустился внутрь, закрывая за собою люк. Автоматический механизм при-

жал крышку люка к стене, кривые рычаги выскочили из стены и, упав в свои гнезда, герметически замкнули верхний люк. Николай Петрович усмехнулся... Автоматическое оборудование ракеты начало действовать. Да, да, как можно больше автоматизации, как можно больше свободы пассажирам — это было лозунгом академика Рындина при конструировании и сооружении ракетного корабля.

Ступени вели ниже, проходили еще через один люк. Николай Петрович миновал его, повернул рукоятку. Второй люк закрылся, как и первый, кривыми рычагами. Теперь ракета была действительно закрыта и изолирована от всего. Ни один пузырек воздуха не мог выйти из нее, ни один звук не долетал внутрь корабля, в его большую центральную кабину, где поджидали Николай Петровича Вадим Сокол и Борис Гуро.

— Через десять минут двинемся, — обратился к ним Рындин, входя в кабину — и остановился. Внимательные глаза его заметили тревогу на лице Сокола и пасмурность на лице Гуро. Оба стояли один против другого; появление Рындина, очевидно, прервало их разговор.

— Что случилось, друзья мои? — с подчеркнутым спокойствием спросил Рындин, окинув обоих внимательным взглядом.

Помощники молчали. Наконец Гуро заговорил:

— Я не хотел вас тревожить, Николай Петрович. Об этом именно мы и говорили с Соколом. Но... но мне кажется, что это довольно важная вещь. Я должен сказать о ней. Смотрите!

Он протянул вперед руку. На его ладони лежала обыкновенная черная пуговица, вырванная из одежды вместе с кусочком ткани серо-зеленого цвета. Рындин удивленно поднял глаза:

— Что это значит? — спросил он.

— Николай Петрович, ночью в нашей ракете кто-то был, — значительно сказал Гуро. — Эту пуговицу я нашел на полу. Ни у меня, ни у вас нет серо-зеленого костюма. Пуговицу оставил неизвестный посетитель, который зацепился за что-то и оторвал ее.

...! майже водночас здригнулись десятки тысяч людей на далеких берегах Иван-озера...

— А не могло ли это остаться после кого-нибудь из уборщиков? Ведь вчера вечером тут убирали, — нерешительно высказал предположение Сокол.

Николай Петрович покачал головой. Серьезное лицо академика свидетельствовало, что неожиданная новость поразила его. Несколько секунд он молчал, обдумывая положение. Наконец, он медленно, но решительно сказал:

— Не буду скрывать от вас, что все это мне мало нравится. Однако, у нас, друзья мои, сейчас нет времени обсуждать это событие. Поговорим потом. На места! Через две минуты — старт. Ведь вы знаете, что время нашего старта точно обусловлено взаимным положением планет, которое не повторится несколько лет. Минута опоздания создаст для нас значительные осложнения и поведет к срыву расчетов, срыву маршрута. Земля и Венера не ждут, они мчатся по своим орбитам!.. На места!.. Помните, звонок уведомит вас о первом взрыве.

Он с удовлетворением увидел, как послушно выполнили его распоряжение помощники, как спокойно подошли Сокол и Гуро к пневматическим гамакам, легли в них, закрепились широкими ремнями. Пружины и резиновые амортизаторы гамаков натянулись.

— Мы готовы! — прозвучали одновременно голоса Сокола и Гуро.

— Хорошо, — откликнулся Рындин и вышел в навигаторскую рубку, которая помещалась в носовой части ракетного корабля.

Десятки тысяч биноклей и подзорных труб следили за ракетой с далеких берегов Иван-озера. Люди взволнованно ожидали первого движения междупланетного корабля. Но ракета спокойно колыхалась под порывами ветра на серебристой поверхности воды. Ее длинное блестящее металлическое тело устойчиво фиксировали в направлении на восток тонкие тросы, закрепленные на якорях. Прочности тросов хватало только на это: первое внезапное и сильное движение ракеты должно было оборвать их, как нитки.

И снова, как накануне, минутная стрелка тягуче ползла к двенадцати. И снова люди взволнованно ждали, боясь моргнуть глазом, чтоб не пропустить первого взрыва... А минутная стрелка

словно издевалась, — она, казалось, утратила свою способность двигаться... Время застыло, время словно остановилось...

Академик Рындин спокойно-сосредоточенным взглядом еще раз осмотрел так хорошо знакомую ему навигаторскую рубку. Прямо перед ним, сквозь два широких круглых окна из толстейшего стекла, не уступавшего по прочности стали, справа и слева было видно чистое голубое небо. Рындин подошел к окну, заглянул вниз, увидел бескрайнюю поверхность озера, сливавшуюся с далеким горизонтом.

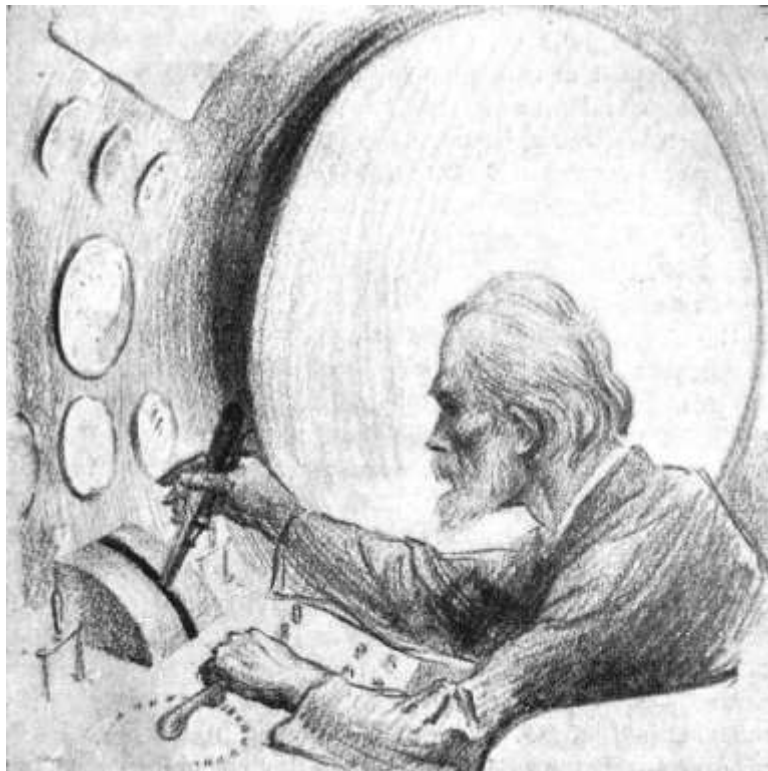
— Так... — невольно проговорил он, отходя от окна.

Широкое удобное пневматическое кресло приняло его тело в свои объятия. У этого кресла не было ни одного выступа, ни одной твердой части. Выпуклые, надутые воздухом мягкие подушки, расположенные со всех сторон, создавали впечатление, что Николай Петрович просто висит в воздухе, ни на что не опираясь. Это тоже было предусмотрено... Хотя во время полета в межпланетном пространстве не нужны были не только подушки, но и вообще вещи для сидения, — однако навигатору предстояло испытывать все толчки от ускорения движения до тех пор, пока это движение не станет плавным, продолжающимся по инерции, без взрывов. Сокол и Гуро лежали, привязанные ремнями, в мягких пневматических гамаках, которые принимали на себя все толчки. Кресло должно было заменить Николаю Петровичу гамак и дать ему возможность свободно управлять аппаратами.

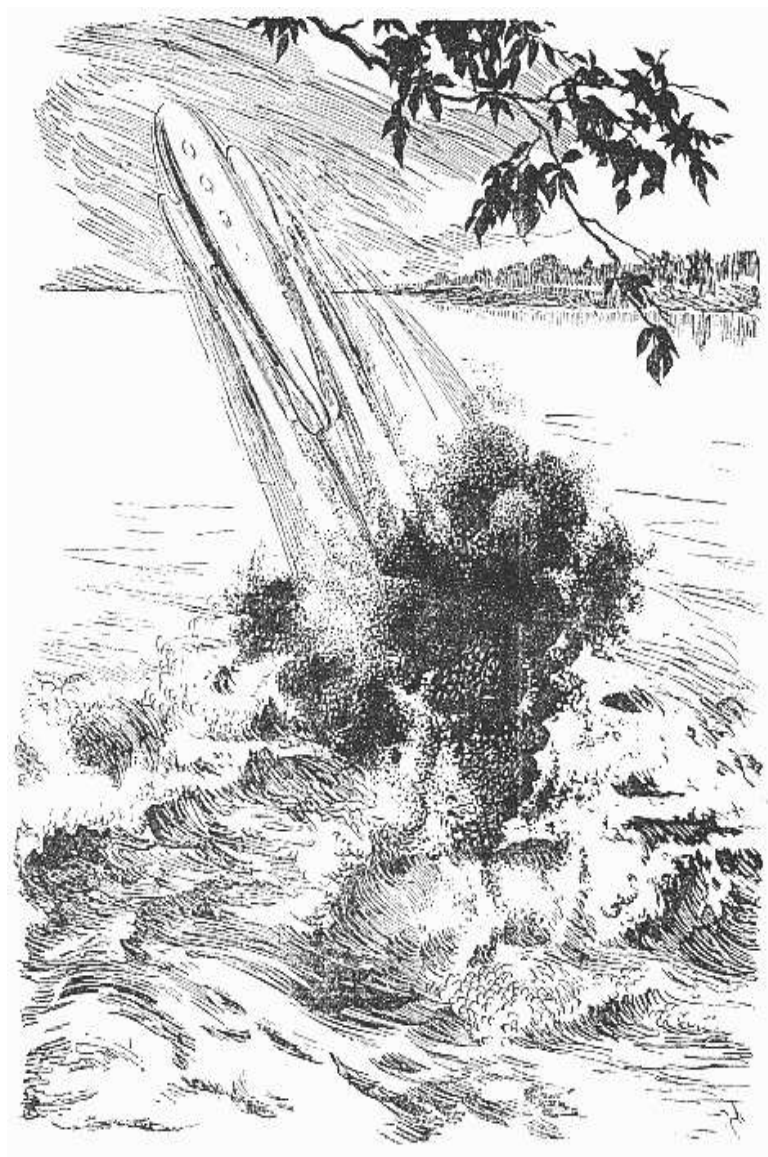
Спокойным движением Рындин положил руки на наклонный пульт с рукоятками, рубильниками и кнопками управления ракетой. Правой рукой он перевел к себе центральный рычаг. Выходные отверстия ракетных труб послушно передвинулись вниз, установившись теперь под небольшим углом к поверхности воды.

Затем Николай Петрович взялся за кнопки, которые управляли автоматическими механизмами, подававшими во взрывные камеры ракеты необходимые порции прототритила — взрывчатого вещества необычайной силы, составленного химическим институтом специально для космических ракет. Теперь оставалось только нажать вот эту красную кнопку с надписью «взрыв». Николай Петрович поднял свое сосредоточенное лицо. Взгляд его остановился на циферблатах, размещенных на простенке между круглыми окнами. Три маленьких циферблата сверху; еще выше них — прямоугольный экран перископов ракеты, которые давали

навигатору возможность, если он хочет, видеть напротив себя все, что происходило вокруг ракеты; один большой циферблат посредине и еще три маленьких ниже. Быстрым взглядом Рындин проверил положение стрелок. Все было в порядке. Часы показывали одиннадцать часов пятьдесят девять минут и сорок пять секунд.

Рука Николая Петровича медленно опустилась на кнопки. Резкий звонок оповестил Сокола и Гуро, бывших в центральной каюте, о старте. Лицо Рындина окаменело, глаза напряглись, губы стиснулись. С этого момента от него, от его умения и самообладания зависела дальнейшая участь ракетного корабля и его пассажиров. Рука Рындина, которая до сих пор лежала на пульте неподвижно, едва заметно вздрогнула...

И почти одновременно вздрогнули десятки тысяч людей на берегах Иван-озера. Сквозь дрожащие бинокли и подозрные трубы люди увидели тоненькие струйки дыма, которые появились из обеих боковых металлических сигар корабля. Сначала это напоминало обыкновенный дымок, который вырывается из выхлопной трубки автомобиля или мотоцикла. Но это длилось одно мгновение. Сплошные туманные столбы прозрачного дыма или пара вырвались из концов сигар, взвихривая спокойную до сих пор поверхность воды. Межпланетный корабль медленно двинулся вперед. Тонкие тросы натянулись как струны — и в ту же секунду оборвались, взвившись вверх, и упали в воду. Столбы дыма превратились в грандиозные вихри, от которых забурила вода. И, набирая все большую и большую скорость, ракетный корабль помчался по поверхности воды на восток.

Только теперь до людей на берегах озера донеслись громopodobные звуки взрывов. Как грозный гром, распространившийся по всей земле, на людей упали грохот, гудение, треск. Словно порыв урагана ударил людям в лицо — такой силы были воздушные колебания, вызванные взрывом прототритила. Люди насилу удержали перед собою бинокли: шапки срывались с голов и летели назад. А вокруг, казалось, разрывалось на куски небо, содрогалась земля, взрывались ее недра... Глубокие водяные овраги с крутыми стенами вырастали вслед за ракетой, которая мчалась на восток.

Еще секунда, две — и ракетный корабль легко оторвался от водяной поверхности и поплыл в воздухе, как делает это обыкновенный гидроплан. Столбы дыма превратились в воздушные рельсы, и по ним ракета мчалась все выше и выше в бескрайное небо, куда-то за горизонт. Это был чудесный прыжок в неизвестное!

Длинные следы туманного дыма еще некоторое время стояли в воздухе, медленно расплываясь в голубом просторе.

Ракета уже исчезла за горизонтом. Но ее быстрота превышала быстроту звука, и она, невидимая, еще долго громоыхала взрывами. Но вот, наконец, замерли последние отголоски взрывов. И стихло все. Высокие волны воды докатились до берегов озера, на которых шумели другие волны, — волны многотысячного людского моря. Люди смотрели на взбодораженное озеро, всматривались в задымленный горизонт, в последний раз посылая привет трем отважным сынам Родины, которые исчезли в холодных пространствах космоса...

Права рука академіка стиснула ручку поковзня...

Правая рука академика Рындина крепко сжала ручку регулятора быстроты и передвинула ее дальше. Николай Петрович почувствовал, как потяжелело его тело, как вдавилось оно в мягкие подушки. словно сейчас весил он не обычные свои шестьдесят пять кило, а по крайней мере сто-полтораста. Тяжелая, как из свинца, рука почти без сил лежала на регуляторе. Напрягая всю свою волю, Николай Петрович овладел собою. Руку он убрал прочь: ведь можно было случайно нажать на другие кнопки управления и погубить все — ракету, пассажиров... В голове его стоял странный шум, что-то сдавливало виски.

Перед глазами плыли фиолетовые круги, расходясь, как рябь на воде.

— Последствие бурного ускорения движения, — прошептал Николай Петрович. — Ничего не поделаешь. Скоро уже конец... Однако, как там чувствуют себя они?..

Его левая рука нажала крайнюю кнопку. Засветилась желтая сигнальная лампа. Николай Петрович громко спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Все в порядке, Николай Петрович, — немедленно же услышал он голос Гуро.

Громкотелефонная установка, которая соединяла навигаторскую рубку и центральную каюту, работала безупречно.

— Лежите, лежите, — распорядился Рындин. — Нужно еще немножко потерпеть. Сейчас наша скорость дошла до шести тысяч метров в секунду... нет, теперь уже больше, — добавил он, снова взглянув на измеритель скорости: — теперь уже больше семи тысяч метров.

— Ближе к космической скорости, — отозвался Вадим Сокол. — То-то я чувствую, что сделался словно свинцовым.

Вместо ответа Николай Петрович подвинул еще дальше ручку правого регулятора. И снова его тело вдавилось в подушку. Словно кто-то гигантской рукою толкнул ракетный корабль вперед. Стиснув зубы и напрягая всю волю, Рындин следил за стрелкой спидометра — указателя скорости. Дрожащая стрелка перескочила с седьмого деления на восьмое. Еще одно движение ручкой, — автоматический механизм стал подавать в камеры взрывов все большие и большие порции прототритила. Новые и новые взрывы толкали ракету вперед, преодолевая силу земного притяжения. Скорость нарастала. И вот стрелка медленно доползла до цифры «10.000» — и остановилась на ней. Еще один сильный толчок, — и рука академика Рындина резким движением повернула регулятор обратно к исходному положению. От этого тело Рындина вдавилось в противоположную сторону кресла. Левая рука оттолкнула центральный рычаг, и Николай Петрович почувствовал, что он и сам словно отталкивается от рычага назад.

Мягкие перед этим подушки его кресла словно сразу расширились, превратились в тугие пружины. Эти пружины внезапно оттолкнули от себя Николая Петровича вверх. Он едва успел схватиться обеими руками за кожаные петли на передней стенке

рубки. Но все его тело, несмотря на это, подлетело вверх, вытолкнутое подушками.

Рындин повис в воздухе в неестественной позе. Он держался руками за петли и смотрел с удивлением на свой пульт, который, казалось, остановился над ним.

— А любопытно получается! — воскликнул он наконец.

Николай Петрович задолго предусматривал все эти ощущения — они были связаны с утратой веса. Вполне понятно: ведь низ у человека бывает там, куда направлена тяжесть. А если нет веса, нет тяжести, — низ всегда будет там, где ноги человека, других показателей нет. И все же — удивительно!

Он лежал в воздухе вполне свободно, не делая ни одного движения и ни на что не опираясь. Ракета как бы остановилась и замерла — ни одной вибрации, ни одного колебания. Тишина и покой.

Николай Петрович впервые весело усмехнулся. Пульт управления все же таким манером висел над ним. Это было смешно. Одной рукой Рындин дотронулся до сигнальной кнопки. И тотчас раздался звонок. А вместе с этим пульт качнулся и отплыл в сторону. Собственно, это отплыл в сторону сам Николай Петрович, но казалось, что двигался пульт, а не Рындин.

Начальник экспедиции посмотрел в окна рубки. За ними была ночь — черная глубокая ночь, бархатное одеяло которой было осыпано блестящими искрами сияющих звезд. Космос! Вселенная!..

Николай Петрович еще раз усмехнулся и громко произнес:

— Можно вылезать из гамаков, товарищи! Все в порядке. Вы ничего не весите, друзья мои. Приветствую вас по случаю прибытия в невесомый мир! Мы — в междупланетном пространстве!

...Гуро вилетів як куля. Він пролетів через усю каюту й гучно вдарився об протилежну стіну...

ЖИЗНЬ БЕЗ ВЕСА

Короткая пауза. Лишь после нее Николай Петрович услышал слегка удивленный голос Бориса Гуро, отвечавшего ему;

— Не так-то легко вылезти из гамака. Он будто взбесился, Николай Петрович. Подбросил меня вверх и застыл в таком положении.

— Сейчас, сейчас я помогу вам! — откликнулся Рындин.

Бросив еще один взгляд на измерительные приборы, Николай Петрович начал передвигаться к центральной каюте. Он взял одной рукой за петлю в стене навигаторской рубки, подтянулся к ней. Другой рукой схватился за следующую петлю, — петли шли вдоль всех стен, — и снова подтянулся, ни на миг не выпуская второй петли, пока подплывал к ней в воздухе так, что мог схватить первой рукою третью петлю. Это очень напоминало движения пловца, который плывет вдоль берега, придерживаясь руками за камни.

Подтянувшись к дверям, Рындин выпустил из рук петлю и сделал руками закругленное движение. Этого было достаточно. Николай Петрович медленно выплыл на середину центральной каюты и остановился, слегка покачиваясь в воздухе. Ноги его не опирались ни на что, он словно лежал в густом, вязком воздухе.

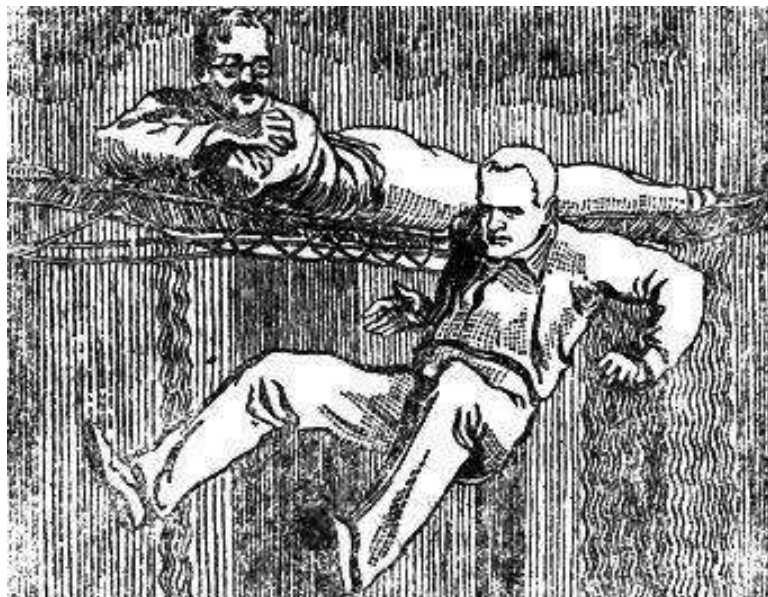
— А это даже красиво, Николай Петрович, — отозвался заинтересованный Гуро. Он лежал еще в гамаке. Собственно, казалось, что гамак вытолкнул его из себя, неестественно выгнувшись вверх и держа большое тело Гуро на своем горбу. Николай Петрович, увидев это, усмехнулся:

— Вполне понятно. Так же точно и меня вытолкнуло кресло. Ну, довольно, выплывайте сюда все!

Первый попробовал вылезти из гамака Гуро. Он что было силы оттолкнулся от гамака; резиновые амортизаторы, в свою очередь, оттолкнули его от себя. Гуро вылетел как пуля. Он пролетел через всю каюту и гулко ударился о противоположную стену.

— Ой! — прозвучал его голос.

— Да за петли держитесь, за петли! — крикнул Рындин, едва удерживая смех.

Но было поздно. Гуро, ударившись об стену, уже отлетел от нее назад. Он шатнулся обратно как маятник. Всегда спокойное, его лицо на этот раз было очень раздраженным. Резким движением Гуро схватился за край гамака и остановился, колыхаясь, как челнок на волнах. Вадим Сокол смеялся во весь голос.

— Ой не могу!.. Ой, какая красивая картина!.. Знаменитый путешественник, прославленный своей опытностью, шатается во все стороны и не может найти равновесия!..

— Ладно, ладно, — хмуро пробормотал Гуро. — Вылезайте, уважаемый товарищ, посмотрим, как это выйдет у вас.

Однако, вопреки всем его чаяниям, Сокол легко оставил гамак и остановился возле него. Он использовал опыт Гуро и не повторил его ошибок. Движения Вадима были осторожны и медленны.

— Ничего, ничего, — спокойно сказал Рындин, — все это произошло лишь по первоначалу. Вот увидите — сразу же выйкнете, Борис. Главное — медленность и плавность движений.

Он протянул руку и взялся за деревянный стоик, который соединял пол и потолок каюты. Легко подтянувшись к нему, Рын-

дин очутился у стены. Вдоль нее, как и вдоль других стен, сделаны были деревянные перила. Держась за них, было очень легко продвигаться в желаемом направлении.

— Как видите, совсем не трудно. Теперь, друзья мои, прошу вас приготовить закусить. Такое торжественное событие, как утрата веса, следует отпраздновать. Я на минутку зайду в навигаторскую, а вы тут сделайте все, что нужно.

Продвигаясь вдоль перил, Николай Петрович скрылся за дверями. Борис Гуро посмотрел на Сокола:

— Ну, давайте упражняться...

Делая неуверенные движения, он приблизился к одной из стен. Теперь он убедился, как тщательно сконструировал все детали оборудования Рындин. Деревянные перила, ременные петли, металлические ручки — все это давало возможность легко передвигаться в желаемом направлении.

Чтоб проверить себя, Гуро попробовал выпустить перила и стать на ноги. Сразу же он почувствовал, что каюта медленно поворачивается вокруг него. Она покачнулась в одну сторону, на минутку остановилась, покачнулась в другую. Это раздражало. Ведь Гуро хорошо знал, что это — лишь своеобразный обман чувств. В действительности качался он сам. Но, даже понимая это, он не мог, честно говоря, определить такую мелочь, где на самом деле был верх, а где низ. Казалось, не было ничего... ни верха, ни низа. Все перепугалось.

Гуро снова схватился за перила. Казалось, он шел вертикально. Но вместо пола под ногами Бориса была стена...

— Чертово колесо какое-то, — выругался он. — Вадим, вам придется сложить гамаки одному, вы ближе к ним.

— Ладно.

Сокол, который до этого внимательно наблюдал все движения Бориса, по-видимому, делал на основе его опыта выводы для себя. Не выпуская перил из левой руки, он нажал правой рукой кнопку в стене. Сразу оба гамака подпрыгнули вверх. Сложная система тросов и амортизаторов подтянула их и прижала к потолку каюты. Стало просторнее.

Тем временем Гуро готовил закуску. Вся обстановка каюты была механизирована и автоматизирована. От легкого поворота рукоятки часть стены каюты беззвучно упала на рычагах вниз, превратившись в небольшой стол. В отверстии стены появился

буфет, где на полках стояли бутылки странной формы, коробки и банки с консервами. Пружинные кольца на столе держали приборы — тарелки и чашки своеобразной формы. Таким же образом специальное приспособление прижимало вилки и ножи. Ложек не было вовсе.

Гуро достал из буфета две миски, поставил их в пружинные кольца на столе. Критическим взглядом он осмотрел стол.

— Как будто все в порядке. Как вам кажется, Вадим?

— Приятная картина. В особенности — для меня, потому что мне что-то очень хочется есть.

— Только вот как-то непривычно, что нет стульев... — добавил Гуро. Но веселый голос успокоил его:

— Поверьте, Борис, что воздух будет для вас самым мягким стулом. Садимся, друзья мои, садимся за стол!

Это была удивительная, невиданная картина. С трех сторон стола в воздухе сидели трое путешественников по вселенной. Правда, их позы нельзя было вполне признать за позы людей, которые сидят. Вернее, путешественники висели в воздухе, ни на что не опираясь. Но это было так удобно, что через несколько минут о стульях никто и не вспоминал. Рындин предупредил:

— Только без резких движений, друзья мои. Помните — действие равняется противодействию. Нажимая на что-нибудь, вы оттолкнетесь от вещи с такой же самой силой.

— Как Борис от стенки, — засмеялся Сокол.

Гуро усмехнулся и сам, вспомнив, как его швыряло по каюте.

— Ну, начинаем.

Николай Петрович взял одну бутылку. Она была резиновая, странной грушевидной формы. Рындин выкрутил пробку, перевернул бутылку горлом вниз. Из нее не вытекло ни капли, как и следовало ожидать. Тогда Рындин под-

... і вино потекло трубочками з чашок, втягуване мандрівниками.

нес ее к чашке, которая суживалась в верхней своей части. Он вставил горло бутылки в чашку и сжал резиновую бутылку. Чашка наполнилась вином, выдавленным из бутылки. Так же поступил Николай Петрович и с чашками помощников.

— Наш первый тост за удачный старт с земли, — торжественно проговорил он.

Каждый вынул из пружинного зажима стеклянную трубочку и сквозь нее выпил вино из чашки. Первым оторвался Сокол.

— Очень вкусно. Очень, — промолвил он. — Вот только раздражает эта трубочка. Мне гораздо больше улыбалось бы пить вино просто из чашки, без нее.

— Попробуйте, — лукаво ответил Рындин.

Сокол положил трубочку прямо в воздух. Она качнулась несколько раз — и остановилась, вися в воздухе. Гуро с любопытством следил за движениями Сокола, который поднес чашку ко рту и потянул из нее. Его руки вздрогнули. Чашка качнулась, и в тот же миг из нее вылетел красный шарик. Он пролетел мимо Сокола и двинулся по каюте.

— Держи, держи, — воскликнул Гуро, — вино полетело!

Шарик, колеблясь, плыл в воздухе.

— Ну, ловите вино, Вадим, а то оно растечется по первой попавшейся вещи, — смеясь оказал Рындин.

Сконфуженный Сокол бросился вдогонку за шариком из вина, но поймать его было не легко. От малейшего движения воздуха шарик отклонялся в сторону. Сокол летел за ним, хватаясь руками за перила и петли, но шарик, как живое существо, изменял направление, подталкиваемый воздухом.

— Ртом, ртом ловите! — смеялся Гуро.

Сокол, видимо, раззадорился. Резким движением руки он попробовал поймать шарик, забыв, что это — жидкость. Ему удалось зацепить его. И моментально шарик исчез. Красное вино облепило руку Сокола, быстро растеклось по ней, по пальцам, под рукав. На рубашке появились красные пятна. Пальцы были словно в красной перчатке — вино покрыло их тонким слоем.

Очередь насмеяться была теперь за Борисом Гуро, что он и сделал, не сдерживая веселого смеха. Даже Рындин засмеялся, когда раздосадованный Сокол, вернувшись к столу, вытирал руку салфеткой.

— Теперь убедились, что с трубочкой лучше? — спросил Рындин.

Сокол молча наклонил голову. Да, с трубочкой было вернее и спокойнее.

Гуро открыл жестянку с консервами. Тут неожиданности не произошло. Несколько минут путешественники ели молча. Наконец Гуро, все время что-то обдумывавший, обратился к Рындину:

— Николай Петрович, — сказал он, — значит, мы уже далеко от земли? Раз что я ничего не вешу... Я не совсем понимаю, однако: ведь Луна притягивается к Земле... почему ж не притягиваюсь я?..

— Очень просто, — ответил Рындин, продолжая есть. — Наше тяготение к Земле компенсируется той скоростью, с которой мы летим. Ведь теперь мы передвигаемся в пространстве со скоростью около одиннадцати тысяч метров в секунду. Это — космическая скорость. Мы отдаляемся от Земли. Когда наша ракета постепенно увеличивала скорость, это ускорение создавало нам увеличенный вес. Теперь ускорения нет. Мы летим или, если хотите, падаем во вселенную по инерции, не уменьшая и не увеличивая скорости. И в таких условиях притяжение Земли для нас не существует.

— Мы сами себе планета, — пошутил Сокол.

— Если хотите, да. Наша ракета, разумеется, имеет собственную силу притяжения. И если бы мы выбросили что-нибудь из нашего корабля, это «что-нибудь» тяготело бы к нему и летело бы вместе с нами — вследствие одинаковой с кораблем скорости этого самого «чего-нибудь». Сейчас мы ничего не весим, — практически, по крайней мере. Но теоретически притяжение существует и для нас. Например, если бы мы заснули в каюте, свободно висая в воздухе, то почувствовали бы к утру притяжение всей нашей системы. Наши тела постепенно передвинулись бы к центру ракеты. Утром мы очутились бы все вместе где-то посредине каюты. Точно так же приплыли бы к центру каюты и все вещи, которые мы забыли бы прикрепить к стене.

— Сложная механика, — процедил Гуро. — Как-то, знаете, легче оно на старой Земле, хоть там и есть тяжесть.

Он умолк и, отодвинув от себя прибор, что-то обдумывал. Затем достал из кисета свою трубку, набил ее табаком. Взял в рот, достал спички...

— Э, нет, — остановил его Рындин. — Должен напомнить вам про наши условия. Две трубки в сутки. Мы не можем затрачивать воздух на ваше курево.

— Так я еще не превысил нормы, — ответил Гуро. — Это первая сегодня. По крайней мере, в ракете.

Он зажег спичку, как всегда выжидая, пока сгорит ее головка. Но к его удивлению, спичка погасла, как только сгорела головка, хотя на нее никто не дунул. Гуро зажег другую. Эта погасла так же быстро. Гуро удивленно взглянул на Рындина. Он увидел на лице Николая Петровича лукавую усмешку.

— Да что они, заколдованные, что ли? — сердито спросил он.

— Вполне нормальная вещь для нашего невесомого мир. Спичка при обычных условиях легко горит лишь потому, что нагретый ею воздух поднимается вверх. Он от нагревания становится легче, поднимается, освобождая место вокруг спички для нового, свежего воздуха, в котором еще не сгорел кислород. А здесь, в ракете...

— ...Нагретый воздух не стал легче, ибо веса не существует! Он остается вокруг спички и не пускает к пламени свежего кислорода. Ясно, что спичка гаснет! — закончил Сокол.

— Так что ж мне нужно делать? — растерянно спросил Гуро. С таким странным явлением прославленному путешественнику приходилось встречаться впервые.

— Я думаю, нужно потихоньку обмахивать пламя спички, доставляя ему этим способом свежий воздух.

— К сожалению, у меня всего только две руки.

— Мы поможем вам. Кстати сказать, теперь мы знаем, что вы не можете зажечь трубку без нашей помощи. Значит, легко контролировать, сколько трубок в сутки вы выкурите.

Гуро зажег третью

Гуро поклав люльку просто в повітря, де вона й залишилась висіти.

спичку, Рындин потихоньку обмахивал ее рукой. Пламя не погасло, а, наоборот, разгорелось ярче. Гуро осторожно зажег трубку и с наслаждением затянулся.

Ароматный дым повис в воздухе. Сосредоточенное молчание воцарилось в каюте. Каждый думал о своем. Сокол, вдохнув дыму из трубки, закашлялся. Гуро смотрел на него с усмешкой. Наконец, Сокол даже чихнул.

— Будьте здоровы, Вадим, — начал было Гуро и остановился: от противоположной стены каюты донеслось, как показалось Гуро, еще одно чихание. Гуро удивленно взглянул на товарищей.

— Эти акустические эффекты — тоже следствие утраты веса? Откуда такое громкое эхо?

Ему ответили не менее удивленные взгляды товарищей. Нет, это было не эхо.

Гуро вынул трубку изо рта. Спокойно положил ее прямо в воздух, где она и осталась висеть, покачиваясь и выпуская из себя облачко дыма. Гуро приложил палец ко рту — и тихо двинулся вдоль стены туда, откуда раздался странный звук.

В этой стене была видна высокая ниша, закрытая сверху донизу подвижной крышкой, какие бывают в американских конторских столах. Все знали: в нише стоял усовершенствованный легкий скафандр с аппаратом для дыхания. Заботливый Рындин взял с собой в корабль три таких скафандра на случай необходимости работать на Венере в воде или в атмосфере, непригодной для дыхания. Эти скафандры стояли в особых нишах, закрытых крышками.

Гуро приблизился к нише, прислушался. Тишина. Две пары глаз внимательно следили за его движениями. Сокол не выдержал и спросил:

— Что вы хотите...

Гуро остановил его взмахом руки. Должно быть, у него были свои собственные планы. Держась за кожаную ручку, он надавил на кнопку в стене. Рындин и Сокол не сводили глаз с ниши. Шторка легко упала вниз, открывая нишу.

В ней, как и следовало ожидать, стоял скафандр, прикрепленный ремнями. Серая резиновая одежда с металлическим шлемом. Большие стекла окон шлема мертво смотрели на путешественников. Кроме скафандра, в нише не было ничего.

Но Гуро и не искал ничего. Все так же держась за ручку в стене, он нажал еще одну кнопку. Яркий свет электрической лампы залил нишу. И теперь уже было чему удивляться!

За большими стеклянными окнами шлема было видно чье-то молодое лицо. Незнакомый человек широко открытыми глазами смотрел на путешественников, — человек, который скрывался до сих пор в скафандре.

— Прому, главный товарищу, прому! Будь ласка, анходьте!

НЕОЖИДАННЫЙ СПУТНИК

— Ой! — вскрикнул Вадим Сокол, энергично протирая глаза. От неожиданности он подпрыгнул, забыв про свою невесомость. И сразу его подбросило вверх, под самый потолок, стукнуло о потолок головой. Лишь тут он успел схватиться рукою за кожаную петлю, чтоб остановиться. Но глаза его не отрывались от лица незнакомца, который в свою очередь смотрел на него сквозь стекла шлема.

Николай Петрович Рындин изумленно покачал головой: вот так неожиданность!.. А Гуро — единственный, не потерявший спокойствия, по крайней мере, внешне, — Гуро уверенным движением взялся за шлем, поднял его и вежливо промолвил:

— Прошу, уважаемый товарищ, прошу. Пожалуйста, выходите без церемоний. Давайте знакомиться.

Лишь Рындин заметил, как после этого правая рука Бориса сжалась в кулак, словно готовясь к возможным еще неожиданностям. Тем временем, незнакомец покорно вылезал из скафандра. Но, очевидно, он никак не рассчитывал или забыл, что стал невесомым. Вылезая из металлического нагрудного кольца, он слишком резко оттолкнулся от скафандра и, пролетев вдоль всей каюты, ударился о стенку.

— Ой! — вскрикнул он, будто копируя возглас Сокола, который смотрел на него сверху. Незнакомец беспомощно барахтался в воздухе, не зная, как остановиться. Наконец, железная рука Гуро схватила его за плечо и прижала к полу.

— Ну, давайте знакомиться, молодой человек. Кто вы такой и зачем очутились тут? — грозно спросил Гуро, присматриваясь своими пронзительными глазами к незваному гостю. — Где-то я уже имел честь видеть вас...

За холодными серыми глазами охотника словно был спрятан фотоаппарат. Это была своеобразная и редкостная особенность Бориса Гуро: один лишь раз увидев где-нибудь человека, путешественник запоминал его навсегда. Он мог встретить этого человека потом, через несколько лет — и моментально узнать его, вспомнить его имя, лицо, одежду. Будто кадры кинофильма про-

бегали и сейчас в памяти Гуро: ракетный корабль выходит на озеро... они с Соколом и Рындиным стоят на вышке... человек с фотоаппаратом... корабль легко поплыл по воде... Да, да!.. Знакомая юнштурмовка, подпоясанная ремнем, короткие штаны...

Золотистые волосы юноши растрепались, на высоком лбу его краснела шишка — должно быть, от удара о стенку. Гуро присвистнул:

— Эге, я знаю вас, дорогой товарищ! Что ж вы — один тут или в сопровождении вашей спутницы, которая была с вами на берегу Иван-озера?

Юноша удивленно смотрел на него, не понимая, очевидно, откуда Гуро знает его. Но и путешественники были поражены не меньше.

— Каким образом, Борис? Откуда вы его знаете? — спросил удивленный Николай Петрович.

— Так, так, — снова значительно произнес Гуро, еще раз оглядывая юношу с головы до ног. Его острый взгляд заметил на рубашке юноши дырку — как раз там, где должна была находиться пуговица. Юноша внимательно следил за взглядом Гуро. Он тоже заметил дырку. Сконфузившись, юноша быстро прикрыл дырку рукой.

— Ничего, ничего, — спокойно заявил Гуро. — Этот небольшой недостаток вашего костюма можно легко ликвидировать. Вот, прошу. Не поможет ли это вам? Кажется, вы хозяин этой пуговицы?

На его протянутой ладони лежала пуговица, вырванная вместе с клочком серо-зеленой ткани, той самой ткани, из которой была сшита рубашка юноши.

— Выходит, что вам, молодой человек, недостаточно было только наблюдать, как выводили ракетный корабль на озеро? Ведь именно вы, если я не ошибаюсь, были тем экспансивным зрителем, который все время оповещал толпу о положении корабля, выкрикивая всякие там «идет», «плывет» и т. д.? Не помню только, чтобы кто-нибудь просил вас делать все эти уведомления? А потом вы, оказывается, даже пробрались в середину корабля? Гм, способный человек, способный!

Гуро обернулся к Рындину и Соколу:

— Так вот кто был у нас в ракете перед стартом, — зловеще процедил он. — Я видел этого приятного незнакомца с нашей вышки, когда ракету выводили на озеро. Он был в толпе с какой-то девушкой и привлек мое внимание тем, что все время что-то выкрикивал. Жалею, что я тогда не заинтересовался им больше, жалею... Так что ж, правду я говорю? Это были вы? — обратился он снова к юноше, который смущенно перебирал пальцами ремень на рубашке. — Вы были на берегу вместе с какой-то девушкой? Да отвечайте, наконец!

Голос Гуро зазвучал угрожающе.

— Подождите, Борис, кажется, вы совсем перепугали его, — остановил охотника Николай Петрович. — Отвечайте, юноша. Ведь теперь скрывать вам нечего. Чего вы боитесь?

Юноша вдруг смело поднял голову. Глаза его блеснули.

— Я ничего не боюсь. Могу ответить на все вопросы. Да, я был на берегу. Вместе с девушкой. Это моя сестра. И видел, как выводили корабль. Ну, и тогда я окончательно решил сделать то, о чем мечтал все время. Вот, когда увидел ракетный корабль, увидел, как он вышел на воду, тогда и решил окончательно и бесповоротно...

Он на минуту умолк, словно собираясь с силами. Дотронулся рукой до шишки на лбу, передернул плечами, как бы освобождая их от какой-то тяжести. Лицо его искривилось. Он побледнел и пошатнулся. Гуро подхватил его своей сильной рукой:

— Что такое?

— Это от волнений, — сказал Сокол, с сожалением глядя на бледное лицо юноши.

— Не-ет... Не поэтому, — ответил тот, через силу выговаривая слова. — Просто... меня слишком толкало там... в скафандре... Колотило... и теперь мне очень скверно...

— Вадим, дайте ему немножко вина, — сказал взволнованно Николай Петрович, — Мальчик полностью испытал на себе влияние ускорения движения ракеты. Товарищи, ведь он выдержал все это в жестком скафандре. Вы были в ваших гамаках, я в своем кресле... а он... бедняга, это ужасно, — закончил он, вспоминая свои ощущения в то время, когда корабль ускорял движение.

Сокол уже дал юноше чашку с вином и трубочку. Тот немножко отпил. На лице его появился румянец. Он взглянул

skonфуженно на Сокола, на Гуро, на Рындина и, поклонившись ему, сказал:

— Разумеется, я очень виноват перед вами, Николай Петрович...

— Откуда вы меня знаете? — удивленно спросил Рындин.

— Я знаю всех вас. Вас, Николай Петрович, и вас, товарищ Сокол, и вас, товарищ Гуро, — поклонился теперь юноша всем по очереди. Что-то похожее на усмешку промелькнуло в его глазах.

— Но почему вы тут, черт возьми?.. — рявкнул Гуро. — Чего вам тут нужно? И что вы тут будете делать? Какая у вас была цель?

— Лететь вместе с вами на Венеру, — спокойно ответил юноша.

Рындин пожал плечами:

— Вполне понятно, что лететь. Не выбросим же мы вас из ракеты...

— И я надеюсь, что не выкинете, — подтвердил юноша.

— Нахальство! — снова рявкнул Гуро. — Ошибаетесь! Могут выкинуть!

И он сделал очень выразительный жест. Однако Рындин остановил его.

— Друг мой, — сказал он, обращаясь к юноше. — Очень похвально, что вы не теряете мужества. Но — неужели вы не представляете себе всех опасностей, которые ожидают и нас, и вас? Вы не представляете себе, как может отразиться на нашем общем положении ваше неожиданное появление! Ракета рассчитана только на трех пассажиров. На нас троих рассчитаны и все наши запасы. Чем, например, мы будем кормить вас?

— Я, Николай Петрович, привык есть очень мало. Весь последний месяц я привыкал есть как можно меньше и согласен теперь есть только то, что будет оставаться после всех вас. Мне хватит, — смущенно ответил юноша.

Рындин не сдержал улыбки: что-то начинало ему нравиться в подростке. Даже этот наивный ответ. «Он будет есть только то, что останется!..»

— Ну, об этом после, — сказал он. — Вас спрашивали, кто вы такой?

— Зовут меня Василий Рыжко. Мне семнадцать лет. Окончил среднюю школу. Комсомолец...

— И пошел на такой недисциплинированный поступок, как тайно забраться на корабль? Поставить под угрозу успех нашей экспедиции? — укоризненно сказал Рындин.

Рыжко замешался. Его рука невольно ухватила за рубашку — в том месте, где обыкновенно бывает приколот значок. Лицо юноши было сконфуженное: значка на груди не оказалось. Но, быстро что-то припомнив, он пошарил в нише, где стоял скафандр, и достал свой значок.

— Оторвался, когда меня в первый раз толкнуло, — пояснил он. — Николай Петрович, честное слово, я хорошо понимаю свою вину. Но ведь иного выхода не было. Я писал вам, просил вас взять меня с собою...

— Писали?

— Да, писал. И даже ответ получил, что это невозможно. От вашего секретаря.

— И это вас не остановило?

— Сначала остановило, а потом я все рассчитал... А когда увидел корабль на воде, то и совсем решил, что... что полечу с вами на Венеру... и назад, — добавил он после паузы.

— Слышите? И назад! Ну-ну!

— И у меня не было другого пути. Мне оставалось только спрятаться в ракете перед стартом. Это было очень трудно — пробраться сюда.

— Еще бы! — подтвердил Гуро, вспомнив тщательную охрану корабля.

— Ну, я перехитрил охрану. Пробрался. И залез в скафандр. А товарищ Гуро нашел меня... по счастью, уже теперь, когда ракета летит...

Рындин взглянул на своих спутников. Те взглянули на него. Положение было таково, что, действительно, ничего не оставалось делать. Ведь и правда, ракета летит. На землю этого подростка не вернешь...

Рыжко тем временем задумчиво крутил в руках пуговицу, которую ему дал Гуро. Он заметил, что на него смотрит Рындин, и совсем спокойно пояснил:

— Когда я лез в скафандр, я очень спешил. Боялся, что вы придете. И должно быть, оторвал пуговицу. Придется теперь пришивать...

Этот парнишка разговаривал так спокойно, так беззаботно, будто и вправду он не сделал ничего особенного. Ну, скажем, ехал в вагоне трамвая зайцем. Контролер нашел его, заставил купить билет. И все, дело закончено, можно вспомнить и про пришивание пуговицы, оторванной в толпе. Именно так подумал Сокол. Он сказал задумчиво:

— Слушайте, да понимаете ли вы, в самом деле, что наш ракетный корабль, — это не трамвайный вагон, куда всегда можно пустить одного лишнего пассажира. Ведь это ракета, ракета, рассчитанная лишь на троих!

— И из которой вас только и остается, что выбросить! — добавил безжалостно Гуро. Даже Рындин сказал:

— И что в этой ракете было место лишь для людей, вполне подготовленных к трудному путешествию.

Рыжко не задумываясь ответил:

— Честное слово, я все это понимаю. Но у меня не было другого выхода. Я же решил лететь на Венеру...

— Нет, слышите? Он решил! Ловко? Он решил! — беспомощно развел руками Сокол.

— Есть я буду очень мало, — продолжал Василий Рыжко, — я же сказал уже, что хорошо тренировался. Вешу я тоже очень мало. А за время путешествия еще похудею, вот увидите, похудею. И к путешествию я тоже подготовлен. Могу помогать вам, Николай Петрович, вести наблюдения над приборами. Научился этому в обсерватории...

— Что?

— Учился три месяца в обсерватории. Еще перед тем, как написать вам письмо. Моя мать там работает, в этой обсерватории, вот я и воспользовался. Разумеется, ей я ничего не сказал о своем намерении. Вам, товарищ Сокол, я буду помогать в поисках элементов на Венере. Химия и геология — мои самые любимые науки. Всегда получал в школе «отлично». И вам, товарищ Гуро, помогу. Имею звание ворошиловского стрелка. Вот, — нашел он в нише скафандра еще один значок. — Также, верно, оборвался, когда толкнуло... Ну, и толкало же меня там, в скафандре! Думал, не выдержу, закричу от боли... Да это мелочь. Я хочу только сказать, что я тоже подготовлен к путешествию. Факт!

Гуро взял из воздуха свою трубку и с трудом зажег ее снова. Ему тоже начинал нравиться этот парень с бесстрашным ли-

цом, который едва приметно усмехнулся и добавил, смотря прямо в глаза Гуро:

— И еще я не курю. Значит, не буду затрачивать на себя много воздуха...

— Ну, что вы скажете, Николай Петрович? — усмехнулся Гуро. — Он даже насмехается.

— Подождите, Борис, — серьезно сказал Рындин. — Это все-таки довольно сложная история. Ведь его нужно будет кормить. Откуда мы возьмем лишнюю пищу?

Но вместо Гуро ответил снова Рыжко. Он спокойно заявил:

— Ракета будет лететь до Венеры сто сорок шесть дней. Это ваши же расчеты. На спуск к Венере еще, допустим, пятнадцать дней. Вместе — сто шестьдесят один день. Продуктов вы имеете на пятьсот дней, считая резервный и неприкосновенный запас.

— Да, потому что на Венере, может быть, пищу доставать будет трудно, — подтвердил Рындин. — Однако, откуда вы все это знаете?

— Читал про все ваши расчеты, Николай Петрович. Все, что печаталось. Итак, продуктов хватит и на меня.

Сокол сердито глянул на Василия — так, что даже Гуро удивился: откуда у мирного геолога столько злости?

— А если мы на Венере не обновим запаса? Ведь может случиться и так? Что будет тогда?

— Этого не может быть, — ответил все также спокойно Рыжко. — Ведь на Венере мы встретим чудовищ такого размера, что даже одного из них нам хватит для восполнения всех запасов. Я читал ваши статьи про фауну Венеры, про животных, которые живут на ней, товарищ Сокол. Одно чудовище из ваших статей, товарищ Сокол, одна пуля из винтовки товарища Гуро — и все будет в порядке. Факт!

Гуро засмеялся:

— Нет, его так действительно ничем не проймешь. Вот упрямый парень! Николай Петрович, у меня есть предложение.

— Какое?

— Давайте проверим, что он действительно знает. Пусть каждый из нас спросит у него что-нибудь по своей специальности. И пусть наш новый спутник ответит. Докажет ли он свою подготовленность к путешествию? Хвалится он хорошо, а на деле?

— И на деле докажу, вот увидите, — уверенно ответил Рыжко.

— Ладно!

Начал этот своеобразный экзамен Николай Петрович. Он кашлянул, забрал в кулак свою бородку, как делал тогда, когда еще читал лекции студентам. Посмотрел искоса на Рыжко и сказал:

— Э-э... посмотрим, посмотрим... Скажите нам, пожалуйста, какое расстояние от Земли до Венеры?

— Во время так называемого противостояния, то есть в самом близком положении, сорок два миллиона километров, — одним духом выпалил Рыжко.

— Гм... Правильно ведь!

Николай Петрович посмотрел на товарищей, будто демонстрируя им свое удивление по поводу такого ответа. Затем перевел взгляд на Рыжко. Тот держал голову смело и высоко.

— Правильно, — повторил Рындин, с удовлетворением поглаживая бороду. — Теперь скажите, чему равняется диаметр Венеры?

— Двенадцать тысяч шестьсот километров.

— Скорость движения Венеры по орбите?

— Тридцать четыре и восемь десятых километра в секунду.

— А Земли?

— Двадцать семь и восемь десятых километра в секунду, — снова выпалил Рыжко, как из пулемета.

— Гм-да... — качнул головой Рындин и решительно произнес:

— Больше вопросов не имею. Достаточно!

Теперь выступил Сокол. Он поправил свои очки, взглянул из-под них на юношу и спросил:

— Не приходилось ли вам слышать что-нибудь про высоту атмосферы на Венере? Что вы можете сказать по поводу этого?

— По неточным данным, которые мы должны окончательно проверить, атмосфера Венеры несколько гуще, чем атмосфера Земли, и потому должна быть выше, чем земная. Но я не употребил бы выражения «высота атмосферы», потому что, как я полагаю, определенной границы между наиболее разреженными слоями атмосферы и так называемым эфиром не существует. По крайней мере на практике.

Гуро усмехнулся: прямо режет этот парень!.. Тем временем Сокол задавал дальнейшие вопросы:

— Атомный вес радия?

— Двести двадцать пять и девяносто пять сотых.

— Какой геологический период вы знаете между триасовым и меловым?

— Юрский геологический период, — блеснул глазами Рыжко.

Сокол махнул рукой:

— Ничего не могу поделаться!.. Может быть, вы, Борис, что-нибудь спросите у него? Я со своей стороны вынужден признать, что этот гражданин кое-что знает по химии и геологии.

Но Гуро, попытив трубой, лишь усмехнулся:

— Нет у меня к нему вопросов. Есть только одна маленькая проверочка. Вот она. Вы знаете, паренек, что это такое?

Он достал из кармана маленькую вещицу, которая напоминала пистолет, но без курка. Рыжко внимательно осмотрел эту блестящую никелированную вещицу, лежавшую на широкой ладони охотника. Потом он поднял глаза на Гуро и ответил:

— Такого еще не приходилось видеть. Это, должно быть, какой-нибудь пистолет — электрический или пневматический.

— Молодец!

Сильная рука Гуро пожала руку Рыжко.

— Молодец! Так и есть. Это электрический пистолет. Вот сейчас...

— Подождите, Борис, — вмешался Сокол. — Зачем он вам, этот пистолет, в ракете?

— А для чего мы имеем в ракете библиотеку из научных книжек и справочников? — ответил вопросом на вопрос Гуро.

— Ну, библиотека, чтоб освежать в памяти разные вещи. Чтоб было, где найти справку, в случае надобности. Тоже, сравнили с пистолетом!

— Сравнил, потому что пистолет мне так же необходим, как вам тот или иной справочник. Настоящий спортсмен-стрелок никогда не пропускает случая потренироваться. Нужно, чтобы рука никогда не отвыкала держать оружие. Я и вас с Николаем Петровичем заставлю тренироваться в стрельбе, — ответил серьезно Гуро. — Но об этом после. А ну-ка, паренек, пойдем. Вот тебе мишень.

Он прикрепил к стене бумажную мишень.

— Стреляй, имеешь десять выстрелов. Вот отсюда, от этой стены. Ровно пять метров. Ну-ка, посмотрим, какой такой ты ворошиловский стрелок!

Василий взял пистолет. Гуро с интересом следил за его движениями. Казалось, юноша не чувствовал ни малейшей неловкости, словно он именно такого приема и ожидал от состава межпланетной экспедиции. Он стал на указанное ему место и еще раз внимательно осмотрел пистолет. Поднял голову на Гуро:

— Вы его пристреливали, товарищ Гуро? Потому что, понимаете, это очень ответственное дело — сдавать экзамен оружию, которого до этого ни разу не держал в руках...

— Стреляй, стреляй, — успокоительно ответил охотник. — Могу тебя заверить, если не попадешь — не пистолет будет виноват. Я его хорошо знаю. Пристрелял.

Рыжко, не торопясь, старательно прицелился. Все внимательно следили за ним: подросток держал последний экзамен.

Бац! — маленькая пулька врезалась в черный кружок мишени. Но в ту же секунду и сам Рыжко резко качнулся и едва удержался на месте, схватившись за деревянные перила.

— Ой! — вскрикнул он. — Какая сильная отдача!.. Ну и толкнуло!

Рындин весело засмеялся:

— Нет, друг мой, не отдача. Или, точнее, отдача, только не обычная, а свойственная нашему невесомому миру. Пуля толкнула и пистолет, и вас с такой же самой силой, с какой она оттолкнулась сама. На Земле вы бы не заметили этого, а тут — видите, какой толчок... Это потому, что вы ничего не весите. К счастью, масса вашего тела очень велика по сравнению с массой пули.

... Цієї ж миті й сам Рыжко відсахнувся у протилежний бік.

Иначе вас отбросило бы к самой стене и даже могло бы сильно ударить об нее... Ну, кстати, еще один вопрос: что нужно делать, чтоб в дальнейшем избежать такой неприятности?

Рыжко задумался, опустив пистолет вниз.

— А и правда, что делать? — задумчиво промолвил Гуро. — Вадим, как вы полагаете?

— Гм... сейчас подумаю, — ответил он, поднимая очки на лоб. Но Рыжко уже ответил сам:

— Нужно сильно опереться спиной о стену. И все.

Так он и сделал. И снова поднял дуло пистолета.

Бац!.. Бац!.. Бац!..

Выстрелы следовали один за одним. А вслед за последним, десятым, Гуро поднял вверх простреленную мишень, посмотрел, потом значительно взглянул на Рыжко. Молча пожал ему руку. И лишь тогда сказал, обращаясь к Рындину и Соколу:

— Рад буду, если за время путешествия и вы достигнете таких же успехов. Но для этого вам придется солидно поработать, потренироваться. Такие результаты даются не сразу и не легко, потому что этот паренек...

Он сделал многозначительную паузу:

— Этот паренек всадил все десять пуль, как одну, в самое яблочко. Ни одного промаха. Ни одной пули вне яблочка — как и подобает ворошиловскому стрелку!

НЕБЕСНЫЙ МАРШРУТ

До вечера (собственно, условного вечера, потому что в ракете все время был день) Василий Рыжко окончательно завоевал симпатии путешественников по вселенной. Что касается Гуро, то тут победа Рыжко стала окончательной сразу после удивительных результатов стрельбы. Николай Петрович тоже сдался после еще одной небольшой беседы о ракете и межпланетном путешествии. Даже Сокол, который отнесся к Рыжко с заметным предубеждением, смотрел теперь на юношу с интересом, думая: «Способный парнишка, способный».

Ужинали все вместе. Рыжко честно выполнял принятые на себя обязанности, стараясь есть как можно меньше. Однако Рындин поставил перед ним большую жестянку с консервами и распорядился:

— Ну, ну, ешьте, паренек. У нас тут, знаете, нужно хорошо питаться, потому что на Венеру мы должны явиться сильными и

здоровыми. Ешьте, хватит с меня ваших разговоров про «голодную тренировку».

— Это приказание или пожелание, Николай Петрович? — серьезно спросил Рыжко.

— Приказание. А что?

— Ну, если приказание, то я, разумеется, не имею права возражать. А если б не приказание, то...

Однако, Василий, не закончив, уткнул нос в жестянку, и только ритмичные движения его челюстей показывали, как он «натренировался голодать»... Через пять минут Сокол заглянул в жестянку. Он увидел чистое дно. Рыжко с наслаждением выпил воды и погладил свой живот.

— Теперь могу тренироваться дальше. Факт!

Условная ночь прошла быстро. Утомленные необычными ощущениями путешественники спали крепко: Рындин, Сокол и Гуро на своих гамаках, Рыжко на мягчайшей из перин — на воздухе, привязавшись к стене. Он успел еще спросить:

— В конце концов, для чего эти гамаки? Ведь лучше всего спать так, как я — просто на воздухе...

На что Гуро ответил ему:

— Только вследствие привычки спать на ложе, человеку приятнее проводить ночь не так, как ты, а хотя бы в гамаке, тем более, что они налицо — чего же им висеть даром?

Василий промолчал: он уже спал.

Академик Рындин проснулся первым. Он разложил в навигаторской рубке чертежи и схемы, небесные карты, расставил приборы, чтобы проверить путь ракеты. Спутники его еще спали, Николай Петрович не хотел будить их. Он включил экран телескопа, который позволял с помощью сложной системы зеркал осматривать небосвод, и прежде всего направил телескоп назад, туда, где осталась старая Земля. На четырехугольном экране перед ним светлыми чертами обозначилась своеобразная картина.

Темно-фиолетовое, почти черное небо, высокое и бездонное; на нем — огромный, желтовато-розовый диск, покрытый белыми, неправильными, вычурной формы пятнами. Эти пятна медленно, едва заметно передвигались по диску, то скрывая под собой большую часть его, то, наоборот, освобождая отдельные части. И тогда за ними видны были знакомые очертания материков

и океанов... Да, то была старая Земля, от которой ракета непрерывно отдалялась, двигаясь по сложной кривой линии к Венере...

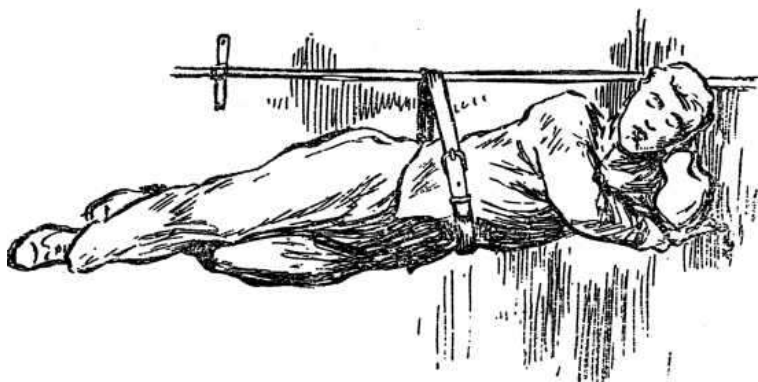
Чудесное, никогда человеком невиданное зрелище!.. Вот извилистые берега Европы, Пиренейский полуостров... Британские острова: они лишь мелькнули и моментально снова скрылись за тучами, за белыми пятнами, которые плыли, закрывая земной шар. Вот Аппенинский полуостров... Но как хочется, как тянет взглянуть на гигантскую советскую страну... Она должна быть вон там, вправо... мешают тучи, они затянули весь материк.

Изображение на экране слегка дрожало, колебалось. Рындин повернул рукоятки, устанавливавшие оптический фокус. Изображение стало яснее, застыло. Веселый голос из-за спины Рындина промолвил:

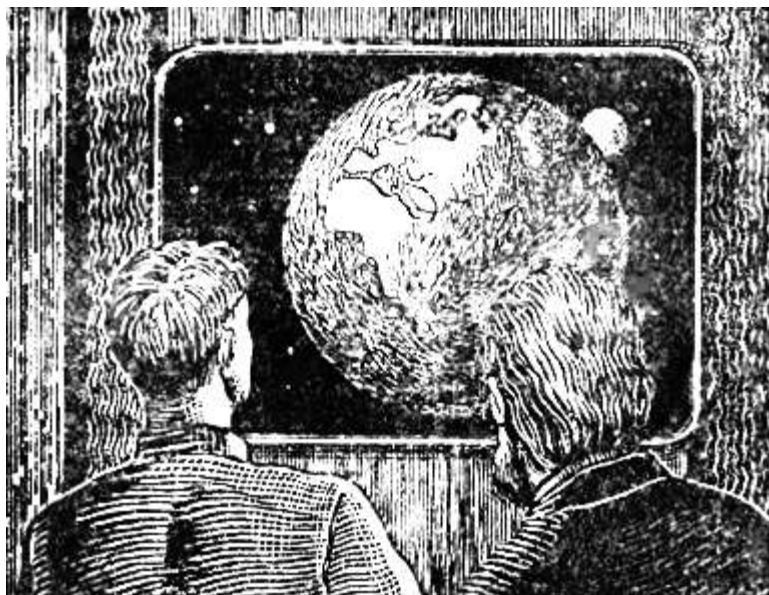
— Ой, как же красиво, Николай Петрович!.. Прямо чудно... Правда, это Земля?

— Правда, правда, Василий, — ответил Рындин, не оборачиваясь. — Наша старая Земля, покрытая тучами, отходит от нас, или мы от нее — это одно и то же... Узнаете ее?..

— А как же! Это ж получился такой чудесный глобус, какого ни мне, ни кому-либо иному никогда не приходилось видеть. Только вот тучи мешают. Да сколько ж их!.. Должно быть, очень скверная погода сегодня там, на Земле. И солнца совсем не видно...

— Зрештою, навіщо ті гамаки? Адже так само добре можна спати, як я — просто на повітрі...

Рындин слушал и сосредоточенно вычерчивал на небесной карте путь ракеты. Да, вот отсюда он начинается, этот путь, от этой точки земной орбиты... Вот он заворачивает ближе к Солнцу.

— Николай Петрович... — Рыжко взглянул сзади на рисунок. В голосе его зазвучала умоляющая нотка.

— Что такое?

— Николай Петрович... Ох, и попросить же вас о чем-то хочется...

— Да говорите уж!

— Что, если бы вы сейчас думали вслух... чтоб и я слышал... очень интересно бы послушать, факт!

Рындин усмехнулся: у этого парня была очень своеобразная манера просить о чем-нибудь, — просто невозможно было отказать.

— Ну, ладно, можете слушать. Вот отсюда начинается путь нашей ракеты. Видите? Между прочим, что вы вообще можете сказать об этом чертеже?..

Рыжко внимательно посмотрел. Два больших круга, сплошные и пунктирные линии... Ага!

— Посредине, — быстро ответил он, — обозначено буквой «С» — Солнце. Вокруг него, так сказать, внутренний круг — орбита Венеры. Внешний, большой круг — орбита Земли. Шарик внизу, на большом круге, обозначенный буквой «З» — Земля. Шарик на меньшем круге, обозначенный «В» — Венера. Но почему на каждой орбите по два, по три шарика?

Он задумался, но Николай Петрович уже пояснял:

— Нижний шарик, обозначенный «З1», это Земля в тот момент, когда с нее вылетала наша ракета. «В1» — Венера в тот же самый момент. Видите путь ракеты? Он идет пунктирной линией. Он сходится с орбитой Венеры в точке «В2». Вот здесь, наверху. Понятно? Ну, а теперь будет труднее. Слушайте, если хотите. Если поймете — буду рад.

Василий весь ушел во внимание. Но Рындин махнул рукой:

— Нет, все-таки лучше все объяснить вам. Может быть, и вправду поможете когда-нибудь.

Он взял в руки карандаш:

— Бы уже знаете, почему мы выбрали такой долгий, на первый взгляд, путь от Земли до Венеры, почему мы летим не прямой линией, которая соединила бы точки, «З1» и, скажем, «В1», а длинным полуэллипсом, который обозначен пунктиром и соединяет точки «З1» и «В2». Понятно, почему. Избрав такой «короткий путь», мы должны были бы все время затрагивать горячее, производить взрывы, все время направляя наш корабль. А тут — мы пользуемся силой солнца, которая мчит нас этим полуэллипсом, как комету, с каждой секундой приближая к цели. Подчиняясь притяжению солнца, мы летим теперь в космосе, не делая ни одного взрыва. Достаточно было вылететь от Земли в направлении ее движения, и мы получаем величайшую скорость, которая складывается из скорости Земли во время ее движения по орбите и той скорости, с которой вылетела из земной орбиты ракета.

— Да, — отозвался Рыжко. — Это точно так же, как если бы я, скажем, бросил бутылку из окна вагона железной дороги. Если бы я бросил ее вперед, она полетела бы со скоростью, составленной из скорости поезда и той скорости, которую придавала бы бутылке добавочно моя рука...

И снова Николай Петрович отметил про себя необычайную сметливость этого парня: пример Рыжко очень просто разъяснял дело.

— Ну, хорошо, — продолжал он. — И вот с того момента, как мы вылетели из земной орбиты, мы превратились в маленькую комету, которая мчится по эллипсу «З1»-«В2», все время приближаясь к орбите Венеры. Нас «везет» своим притяжением Солнце. Его могучее притяжение, сложенное с нашей скоростью, дает в сумме этот эллипс.

— Факт, — подтвердил Рыжко.

— Теперь немножко вычислений. При нашей скорости мы должны пролететь эллипс за сто сорок шесть дней, очутившись после этого в орбите Венеры. Но где же будет тогда эта самая Венера? Попадем ли мы на нее?.. Зависит это исключительно вот от чего: где Венера была в момент нашего выстрела, нашего вылета с Земли? Допустим, что она была в точке «В0». Что тогда? Земля движется по своей орбите вокруг Солнца медленнее, чем Венера. Она оборачивается вокруг Солнца за 365 дней, а Венера за...

— Двести двадцать четыре дня, — закончил Рыжко.

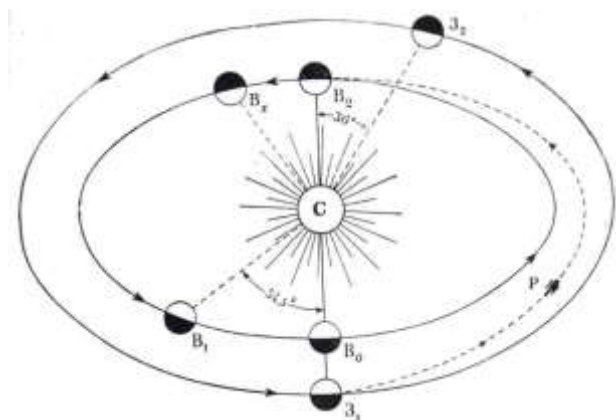
— Так. За сто сорок шесть дней Земля пролетит сколько? Ежедневно она пролетает $360^{\circ}/365 \text{ дней} = 0,987^{\circ}$. Итак, за 146 дней — $146 \times 0,987 = 144^{\circ}$. А Венера? Ежедневно она пролетает $360^{\circ}/224 \text{ дня} = 1,607^{\circ}$. Итак, за 146 дней — $146 \times 1,607 = 234,5^{\circ}$. Иначе говоря, если в момент нашего вылета с Земли Венера будет в точке «В0», то мы не найдем ее в точке «В2», долетев до нее. Венера перегонит за это время Землю, она очутится в точке «Вх», перегнав Землю на...

— $234,5^{\circ} - 144^{\circ} = 90,5^{\circ}$ — ответил Василий.

— И мы не попадем на Венеру, — добавил он после паузы. — Факт! Беда... Ракета будет на «В2», а Венера уже на «Вх»...

Рындин усмехнулся...

— Ничего, есть выход. Чтобы совершить перелет с Земли на Венеру и попасть на нашу соседку, нужно вылететь с Земли именно тогда, когда Венера отстанет по своей орбите на $234,5^{\circ} - 180^{\circ} = 54,5^{\circ}$, исчисляя по направлению движения обеих планет. И тогда через 146 дней Венера очутится в точке «В2», куда тем временем примчится и наша ракета, как это указывает пунктирная линия эллипса. А Земля тем временем отстанет, она долетит по своей орбите лишь до точки «З2». Понятно?.. Земля отстанет от Венеры на 36° . Верно?..

— Полностью, Николай Петрович. Мы вылетели с Земли в тот день и час, когда Венера отстала от Земли на $54,5^\circ$, и чертеж показывает это: во время вылета ракеты Земля была в точке «З1», а Венера в точке «В1». Факт! Все в порядке. Поймаем Венеру за хвост!..

Василий даже в ладони захлопал: такой занятой показалась ему его собственная выдумка про хвост Венеры. Но он тут же добавил:

— Мы летим как комета. Очень хорошо. Плохо только, что у нас нет такого красивого хвоста, как у кометы. Было бы на что посмотреть с Земли!

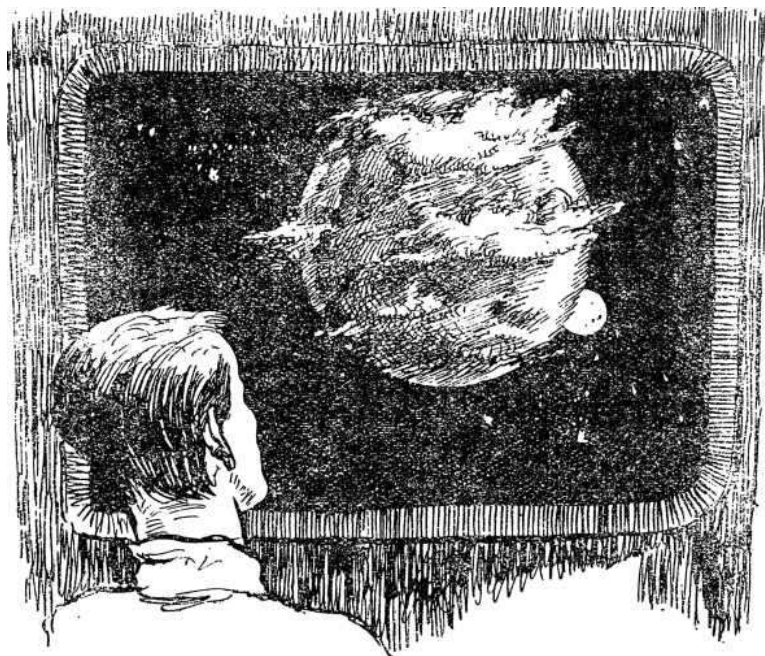
Но Рындин успокоил его:

— На небе и без того есть на что посмотреть. Вот, разве не прекрасное зрелище? — он показал рукой на экран телескопа. Действительно это была феерическая, захватывающая картина.

Из-за огромного желтовато-розового, закрытого блестящими белыми пятнами облаков диска Земли, который сиял на черном небосводе, медленно выплывал серебристый шарик. Только что был виден лишь край его, и вот он выплыл уже наполовину. Серебристый шарик спешил, словно стараясь оторваться от огромного диска Земли. На шарике были хорошо заметны причудливые узоры, так знакомые каждому человеку.

— Луна!.. — радостно выкрикнул Василий.

— Да, Луна, — взволнованно прошептал и Рындин.

Срібляста кулька поспішала, немов намагаючись відірватися від великого диска Землі...

Неизменный спутник Земли, скрытый до этого за желтовато-розовым ее диском, неся в эфире по своей орбите вокруг планеты. Вот он окончательно оторвался от диска Земли и постепенно начал отдаляться от него. Так казалось нашим наблюдателям. Разумеется, это было обычное движение. Луна просто двигалась, как и всегда, вокруг Земли. Но невозможно было отрешиться от впечатления, что Луна решила, наконец, покинуть свой обычный путь и уйти от Земли в безграничные пространства вселенной...

Как зачарованный, следил Василий за этим чудным зрелищем. Ему не хотелось говорить. Его широко открытые глаза не отрывались от экрана. Он вспоминал, как целыми часами он просиживал у телескопа обсерватории, где работала его мать, и наблюдал небесные светила. И тогда он, пожалуй, больше всего любил смотреть на Луну, рассматривать резко очерченные рисунки ее гор и долин, которые прятались в густых, черных тенях. Но никогда раньше, даже в самый большой телескоп обсерватории,

ему не приходилось видеть серебряный Месяц таким прекрасным, как сейчас. В телескопе Луна всегда неподвижно и мертво висела среди звезд на синем фоне неба. Иногда, казалось, она вздрагивала. Василий знал: это зависело от колебаний воздуха земной атмосферы. И вполне понятно было утверждение, что Луна и сама мертва, что на ней, на ее серебряных горах и в черных долинах, нет и не может быть жизни. Луна казалась тогда Василию холодным, насквозь промерзшим стеклянным шаром, который даже потрескался от лютого мороза.

И совсем не так было теперь. На экране перископа Луна не казалась уже мертвой. Возможно, такое впечатление зависело от того, что она была близко от Земли, она не висела одиноко в небесном пространстве. Однако, если бы теперь кто-нибудь стал уверять Василия в наличии жизни на Луне, — юноша готов был бы не то что поверить такому человеку, но все же обсудить этот вопрос. А это свидетельствовало уже о решительном сдвиге мыслей Рыжко.

И вот Луна словно застыла. Ее движения замедлились. Это заканчивался своеобразный эффект выхода серебряного спутника Земли из-за ее громадного диска...

Рындин что-то записывал в книге наблюдений. Ученый не терял ни одной минуты, ни одного наблюдения не оставлял не записанным в дневник путешествия. Однако, на этот раз было бы что записать даже и обыкновенному наблюдателю: впервые в истории человечества работник науки видел не с Земли, а из вселенной, как всходит Луна!..

Василий Рыжко смотрел, как на чистой до этого странице книги одна за одной появлялись строчки записей. Он думал: какой интересный и ценный материал представит собою эта книга после путешествия, когда ее будут изучать на Земле! И как обидно, что ученые не смогут собственными глазами увидеть то, что они с Николаем Петровичем только что видели на экране. Академик Рындин словно угадал его мысли, оторвался от записей и сказал:

— Кстати, нужно переменить кассету с пленкой. Василий, смотрите, как я буду это делать. Вам нужно выучиться самостоятельно менять кассеты, это войдет в ваши обязанности.

— Мои обязанности? — удивленно повторил Рыжко.

— Конечно. У каждого из нас есть свои обязанности, своя работа в нашем ракетном корабле.

— Николай Петрович, я... — Василий не находил слов — ведь венцом его мечтаний было принять участие в работах экспедиции.

Николай Петрович заметил радость юноши.

— Ладно, ладно! Вот перед тем, как решать, что именно вы будете делать вообще, я думаю поручить вам обслуживание некоторых аппаратов. Прежде всего автоматов, которые фотографируют небо.

В нескольких словах Рындин объяснил Рыжко, как менять кассеты с пленкой, которые вкладывались в аппарат. Василий старался запомнить каждое слово.

— Николай Петрович, выходит, что автомат фотографировал тот замечательный выход Луны из-за Земли? — спросил он, когда Рындин закончил свои объяснения.

— Конечно. Мы смотрели, а автомат тем временем делал свое дело. И тут, в этой жестянке, результаты его работы: двадцать пять метров заснятой пленки. Это будет неплохая часть большого фильма о космическом путешествии, который мы покажем нашим друзьям, возвратившись на Землю... Кстати, друг мой, как отнесется ваша семья к вашему исчезновению?

Вопрос Николая Петровича, был совсем неожиданным. Василий заметно смутился: он все время старался не вспоминать об этом. А тут нужно так прямо отвечать!

— Видите ли, друг мой, — продолжал Рындин, — я представляю себе, как я сам беспокоился бы, если бы внезапно исчез мой сын. Неужели ваша семья так-таки ничего не знает о ваших намерениях, о ваших замыслах?

— Нет, Николай Петрович, — Василий решился рассказать все полностью, искренно и откровенно. — Если мать до сих пор ничего не знала, то теперь она уже все знает. Я оставил дома письмо, в котором объяснил все. Кроме того, моя сестра... вот та, с которой мы были на берегу озера, когда ракетный корабль выводили на воду, — она знает. Я говорил ей. Она все время боялась, советовала мне... оставить эту затею. Ну, теперь она наверняка все уже рассказала матери. А мать у меня хорошая, она все поймет... Она всегда понимала меня.

Николай Петрович смотрел на Рыжко своим спокойным, теплым взглядом: да, да, должно быть у этого юноши, действительно, неплохие взаимоотношения с семьей... Только едва ли

мать его так спокойно отнесется к известию о том, что ее сын отправился тайком в межпланетное путешествие...

— Что ж, — сказал он наконец, — будем надеяться, что ваша мать и на этот раз поймет вас. А теперь вот что. Идите, друг мой, в каюту. Если Гуро и Сокол еще не проснулись, разбудите их, пускай приведут себя в порядок. Пора начинать работу. По-едем — и за дело. Хотите есть?.. Или, может быть, будете тренироваться дальше?

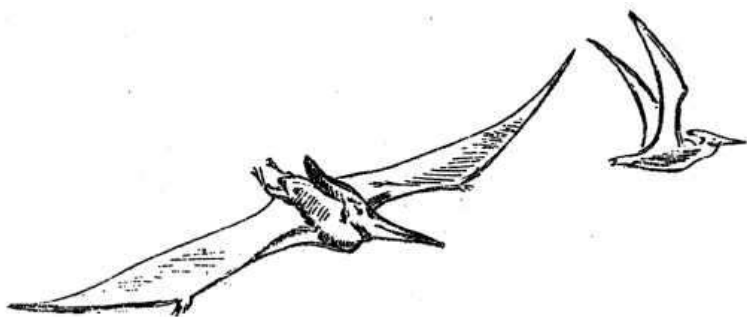
Василий замялся. Он действительно решил продолжать свою голодную тренировку, но сейчас чувствовал, что ему страшно хочется есть. Печально опустил он голову.

— Ничего, ничего, — усмехнулся Рындин. — Больше не буду напоминать. Идите. Когда все будет готово, позовите меня. Я тоже хочу есть.

А когда Василий исчез за дверями рубки, Николай Петрович растроганно посмотрел ему вслед и тихо сказал:

— Хороший парень!..

И он снова углубился в книгу наблюдений.

НЕБОЛЬШОЙ БРОНТОЗАВРИК

С самого утра в ракетном корабле закипела работа. И Сокол, и Гуро очень сконфузились, увидав, что старый академик проснулся раньше, чем они, и раньше начал работать. Ведь и у них было достаточно работы.

Каждый из участников экспедиции имел свои серьезные, заблаговременно обдуманые и распределенные задания. Все астрономические наблюдения должен был проводить Николай Петрович, как командир корабля. Он следил за курсом ракеты, проверял, не изменяет ли она своего направления под влиянием каких-нибудь космических сил. Это была очень сложная работа, и она занимала почти все время Рындина. Он отрывался только за тем, чтобы поесть, да и то лишь после того, как Василий напоминал ему несколько раз. После обеда он соглашался затратить на разговоры, на отдых лишь полчаса. Дисциплина прежде всего! — таков был лозунг старого ученого.

Сокол вел исследования интенсивности космического излучения. Загадочные лучи, которые пронизывали все насквозь, лучи, которые несутся из бесконечных глубин космоса, до сих пор оставались неизученными наукой. Многочисленные экспедиции под землю, под воду, в воздух, в стратосферу, исследования в шахтах и пещерах, на подводных лодках, в батисферах, которые погружались на сотни и даже на тысячи метров в океан, на стратостатах, которые дали человеку возможность покорить высоты до сорока тысяч метров над поверхностью Земли; наконец, по-

следние сверхвысотные полеты на советских стратопланах — чудесных самолетах, которые на границе атмосферы и стратосферы двигались с помощью обыкновенных моторов и пропеллеров, а, поднимаясь на высоту от двадцати до пятидесяти тысяч метров, летели уже как ракетные корабли, — все это не дало науке последних и окончательных выводов о природе космического излучения. Известно стало лишь, что космическое излучение становится тем интенсивнее, чем выше над уровнем моря, в высотах далекой стратосферы, проводятся его исследование.

Ученые всего мира возлагали надежды на то, что ракетный корабль академика Рындина поможет, наконец, выяснить окончательно природу этого загадочного излучения. Правда, некоторые из ученых высказали даже опасения, что влияние космического излучения в межпланетном пространстве может вредно отразиться не только на аппаратах экспедиции, но и на ее участниках. Но это были лишь опасения. Кроме того, ракетный корабль имел у себя запасы листового свинца. Это был необходимый материал для упаковки инфрарадия, который Рындин с Соколом должны были найти на Венере и привезти на Землю. Как известно, излучение радия (а, следовательно, и инфрарадия) задерживается свинцом. Космическое излучение тоже в значительной мере задерживается свинцом. И академик Рындин имел в виду защитить аппараты и людей, в случае надобности, этими свинцовыми листами.

Так или иначе, до сих пор никто из участников экспедиции не чувствовал никаких перемен, никакого влияния космических лучей на свой организм, хотя корабль уже сутки летел в межпланетном пространстве. Сокол внимательно вел свои исследования, измеряя интенсивность и направление потока космических лучей.

Он работал со сложными приборами, часть которых была размещена снаружи, на поверхности ракеты. Василий внимательно посматривал на циферблаты, где дрожали чуткие стрелки, отмечавшие интенсивность излучения, пронизывавшего ракету; другие приборы позволяли устанавливать направление, в котором лучи летели по космосу. Дело в том, что известная часть ученых вообще отвергла предложение о каком-либо преимущественном направлении потоков лучей. И исследования Сокола ежеминутно приносили науке новые сведения, проливали свет на происхождение таинственного явления.

Сокол никому, кроме Рындина, ничего не говорил о результатах своих наблюдений. Лишь старый академик имел право свободно подходить к инженеру во время его работы, заглядывать через его плечо на вычисления и записи. Однажды Василий услышал такой разговор:

— Вы уверены, что главный поток идет именно со стороны Геркулеса?

Это спросил слегка взволнованным голосом Николай Петрович. Сокол ответил:

— Пока что все данные говорят за это, Николай Петрович. Но час тому назад приборы показали изменение направления на 6 градусов. Может быть, это было влияние перемены направления ракеты? Вы не заметили?

— Придется немедленно проверить.

И Рындин исчез в навигаторской рубке. А Сокол с головой зарылся в сложные расчеты.

Больше всего Василию нравилось помогать Гуро, который следил за приборами, автоматически возобновлявшими запасы кислорода в воздухе и поглощавшими лишний углерод и вредные газы — остатки человеческого дыхания. Василий за короткое время так хорошо ознакомился с главными приборами, что мог с полной ответственностью заменять Гуро. Он сказал как-то об этом Николаю Петровичу. Но старый академик предупредил его:

— Друг мой, вы берете на себя слишком много. Автоматы работают сами. Гуро должен лишь наблюдать за их работой. В случае надобности, он выполняет мои приказания по части налаживания. А вы, если хотите, присматривайтесь, как Гуро делает это. Ваши обязанности и без того достаточно интересны и ответственны. Я поручил вам уже автоматы для фотографирования; вскоре дам еще кое-какую работу. Хотел было поручить это Борису, но он не в очень хороших отношениях с механикой... если не принимать во внимание его любви к оружию.

И он весело засмеялся, видя, как поморщилось лицо охотника, обиженного таким неуважительным представлением о его способностях механика. Это было за обедом. Сокол не слышал ничего, увлеченный едой и своими собственными мыслями. Иначе он обязательно добавил бы от себя по адресу Гуро что-нибудь язвительное. Такая уж была привычка у этих двух старых и испы-

танных друзей — не оставлять неиспользованной ни одной возможности уколоть друг друга.

Вместо очередной остроты Сокол с увлечением сказал, словно делая окончательный вывод из того, над чем он так долго думал:

— Археоптерикс должен быть. Непременно должен быть!

Этого никто не оспаривал. Только Гуро усмехнулся и язвительно заметил:

— А один мой хороший знакомый... Еще вчера уверял меня, что мы не встретим археоптерикса. Дескать, развитие фауны на Венере не дошло еще...

— Неправда, я этого не говорил! — вспыхнул Сокол.

— Да я не о вас говорю, я об одном моем знакомом...

— Хватит острот, уважаемый товарищ Гуро, если можно ваши неуклюжие выпады назвать остротами. Да, вчера я еще не решил окончательно. Для вас, видите ли, вопрос об археоптериксе ничего не значит. Ну, что вам этот археоптерикс?.. Лишняя пуля из вашего ружья, вот и все,

— Не возражаю. Может быть, археоптерикс даже менее интересный объект для выстрела, чем какое-нибудь другое животное, — покорно согласился Гуро.

— А для геолога этот вопрос имеет чрезвычайно большое значение. Что такое, в конце концов, археоптерикс? Ну, скажите!

Гуро, который не слишком хорошо разбирался в палеонтологии, тонко усмехнулся:

— Хм... ну, такая птица... из этих ваших чудовищ какой-то там мезозойской или плезозойской эры...

— Ха-ха-ха!.. — захохотал геолог. — Как вы говорите? Плезозойской эры? Ой, не могу! Ха-ха-ха! Милый Борис... Ой, не могу, не могу, ха-ха-ха!.. Дорогой Борис, вы думаете, от названия животного — плезиозавр — можно производить название эры? Плезозойская?.. Нет, вы немножко ошибаетесь... Ой, насмешил!..

Теперь рассердился Гуро.

— Я не хуже, чем вы, разбираюсь в названиях всяких там эр, — сухо заметил он. — Только сейчас они меня мало интересуют. Мое дело — стрелять без промаху, если мне или вам встретится чудовище любой эры. А какой именно эры будет это чудовище, — это уж ваше дело. На то вы и геолог.

Николай Петрович увидел, что ему пора вмешаться в разговор, который приобретал нежелательную остроту. Он примиряюще заметил:

— На вашем месте, Вадим, я не обращал бы внимания на случайную ошибку. Вполне ясно, что Борис лишь ошибся. Понятно, что он хотел сказать не «плезозойская» эра, а «палеозойская». Правда, Борис?

— Мгм... — немного неуверенно согласился Гуро, не глядя в сторону своего геологического врага — Сокола.

Николай Петрович спрятал усмешку и закончил:

— А вам, Вадим, кроме того, не мешало бы сознаться, что вы и до сих пор не начали упражняться в стрельбе. Делаю вам замечание. Вы должны научиться за время нашего путешествия стрелять не хуже нашего юноши. Это необходимо.

— Я научусь, Николай Петрович, — сконфуженно ответил Сокол, отворачиваясь от Гуро, который сразу повеселел.

— Да... И еще, я думаю, Вадим, много приятнее было бы, если бы вы рассказали нам о ваших мыслях насчет археоптерикса. Забудьте на минутку все споры и разъясните. Это будет полезно всем нам, а в особенности нашему юному товарищу. — И он взглянул в сторону Василия.

— Наш юный товарищ, — ответил Сокол, протирая очки, — знает многое не хуже, чем старшие. Мы с ним разговаривали уже и, если вы хотите доказательств, Николай Петрович, то разрешите первое слово дать именно ему. Он справится с этим заданием, смею вас уверить. И даже без... без «плезозойской» эры, — не сдержался он.

Гуро пренебрежительно смолчал. Рындин заметно заинтересовался:

— Вы так думаете, Вадим? Ну, прошу, Василий, мы слушаем.

Рыжко замаялся. Почему-то это напоминало ему экзамены. Именно так, с такими словами обратился к нему как-то раз преподаватель на экзаменах, когда он оканчивал школу: «Прошу, прошу, мы слушаем!» Ну, что ж, если слушаете, то слушайте! Василий Рыжко за словом в карман не полезет. Сейчас он покажет!

— Это, значит, про геологическое время? — спросил он на всякий случай Сокола. И, получив подтверждение, заговорил:

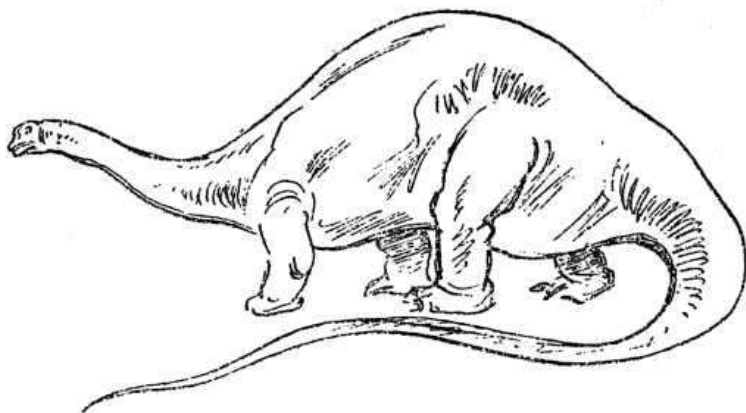
— Историю нашей Земли делят на два времени: догеологическое, т. е. — невероятно длительный период космического развития нашей планеты, и геологическое. Это последнее подразделяется на эры, эры подразделяются на периоды, периоды на эпохи. Самые древние эры — архейская и эозойская. Они не оставили нам почти никаких признаков существования животных или растений. Наши сведения о развитии жизни на Земле начинаются лишь с палеозойской эры, с самого первого ее периода — кембрийского. За ним шли — девонский, каменноугольный и пермский периоды той же самой палеозойской эры. После этого началась мезозойская эра с ее периодами: триасовым, юрским и меловым. Далее — кайнозойская эра. Это уже наша эра. Ее периоды — третичный и четвертичный. Все.

Он остановился, запыхавшись, как после быстрого бега. Сокол весело захлопал в ладоши:

— Ну, что я вам говорил, Николай Петрович? Разве плохо рассказал? Сжато, конкретно и без ошибок. А теперь могу кое-что добавить и я. Между прочим, это в особенности будет интересно для Бориса...

Гуро пыхнул трубкой.

— Нет, нет, я не о том, — примирительно пояснил Сокол, — я про свое. Вы уже знаете, что Венера настолько моложе Земли, что там должно теперь быть, по нашим расчетам, нечто подобное земной мезозойской эре. Почему именно так — вполне ясно. Все наблюдения, которые производили с целью изучить ат-

мосферу Венеры, доказали, что наша соседка всегда укутана в сплошную пелену туч — от полюса до полюса. Это указывает на бурное испарение на ее поверхности. Далее, последние исследования относительно состава ее атмосферы показали очень своеобразную картину. Я кое-что напомним вам об этом. Помните, Николай Петрович, нашу беседу с этим американцем, Артуром Аделем?

— Профессор Мичиганского университета Артур Адель? Да, да, — подтвердил Рындин.

Очевидно, это было достаточно известное имя, потому что даже Рыжко, соглашаясь, кивнул головой.

— Вот я прочитаю выводы этого самого Артура Аделя. Я тогда записал их.

Сокол перевернул несколько страниц своей записной книжки и громко прочитал:

— «Чрезвычайно густая и высокая атмосфера Венеры заметна с первого взгляда в форме светлого ободка во время прохождения Венеры по солнечному диску. Я сравнивал темные линии спектра Венеры с линиями, которые добывал искусственно в лаборатории, пропуская свет сквозь прозрачный сосуд с углекислым газом. И должен констатировать, что те и другие линии почти сошлись. Итак, можно утверждать, что в атмосфере Венеры содержится очень много углекислоты. Я боюсь ошибиться, но мне кажется, что в атмосфере Венеры углекислоты почти в десять тысяч раз больше, чем в атмосфере Земли. Вот почему я очень советовал бы вам взять с собою достаточно большой запас кислорода для дыхания...» Ну, дальше идут уже совсем специальные выводы. Однако, достаточно и прочитанного.

— М-да, вполне достаточно, — серьезно согласился Гуро. — В десять тысяч раз больше углекислоты, чем на Земле... Любопытно, чем же дышат там все ваши археоптериксы и бронтозавры?

— Это еще окончательно не проверено, — тихо промолвил Рындин.

— А чем будем дышать мы? — спросил в свою очередь Василий.

— Мы сможем пользоваться нашими скафандрами. Однако, как я сказал уже, эти утверждения не проверены.

— Да, не проверены, потому что до сих пор некому было проверить, — горячо откликнулся Сокол. — Но я придаю особо большое значение утверждениям Артура Аделя. Это очень серьезный ученый. Вы помните, Николай Петрович, он специально приехал к нам, чтобы рассказать о результатах своих наблюдений и предупредить нас. Пусть он даже в известной степени ошибается, пусть на Венере значительно меньше углекислоты, чем говорит он, однако и этого будет достаточно для моих выводов. Чрезвычайная влажность атмосферы, сплошная пелена туч, средняя температура — достаточно стойкая, без больших перемен — приблизительно пятьдесят градусов выше нуля — значительно увеличенный процент углекислоты в атмосфере, — все это свидетельствует о том, что на Венере теперь длится не только мезозойская эра вообще, а даже именно юрский ее период.

Василий Рыжко слушал Сокола с увлечением. Перед его глазами уже возникали замечательные картины жизни на Венере. Буйные леса из невиданных растений — гигантских пальм, папоротников, удивительных хвойных деревьев... и среди этих зарослей — неимоверные страшилища, чудища, которые так изумляли его на рисунках учебников и популярных книжек по геологии... Брр!.. и страшно, и интересно.

— А почему все эти условия характерны именно для юрского периода? — спросил тем временем заинтересованный Гуро.

— Это легко понять, дорогой товарищ. Повышенная влажность атмосферы, повышенная средняя температура — вот условия нашего земного юрского периода. Это известно, а если добавить увеличенный процент углекислоты, то становится и совсем ясно. Ибо углекислота, то есть соединение углерода, дает растениям добавочный материал для построения клеток. Такой излишек углекислоты может при известных условиях быть очень полезным для растений. Вот что!

— Ну, хорошо, — согласился Гуро.

— А если мы согласимся, что на Венере теперь длится период, аналогичный нашему юрскому, то придется допустить существование на нашей соседке таких животных, которые существовали во времена юрского периода на Земле. Если были такие растения — были и животные. Если на Венере теперь имеются такие растения, почему не быть и животным? Я, как вы, вероятно, замечаете, иду путем обыкновенной аналогии. Из этого следует,

что на Венере мы встретим динозавров, бронтозавров, атлантозавров, диплодоков — из категории...

— Рептилий, — закончил Рыжко. Глаза его сверкали, лицо покраснело от возбуждения. Сокол взглянул на него, усмехнулся и продолжал:

— Далее мы должны встретить на Венере хищников типа...

— Цератозавров, — снова не выдержал Рыжко. Он уже видел перед собой этих чудовищ с длинными шеями, с зубастыми пальцами и громадными кожаными гребнями на спине. Чудовища выползают на коротких кривых лапах из леса, они наступают на отважных путешественников, которые вышли из ракетного корабля в своих скафандрах. Чудища грозно раскрывают пасти... вперед выходит храбрый охотник Борис Гуро, он спокойно прицеливается... стреляет! Одно из чудовищ падает, корчится, загребает лапами землю, ломает деревья. Но второе чудище в этот момент надвигается на Бориса Гуро с другой стороны. А он, прицеливаясь в третье, не замечает этого... не замечает! «Товарищ Гуро, берегитесь!» — кричит Василий. Но Гуро не слышит, ему мешает шлем скафандра. Чудовище движется на него, оно уже вот-вот схватит его, разорвет на куски... и тогда Василий вмешивается. Он прикладывает винтовку к плечу. Раздается выстрел — меткий выстрел юного ворошиловского стрелка. Пуля из винтовки Василия Рыжко убивает чудище. Как и первое страшилище, оно падает, оно бьется в судорогах, из него хлещет кровь... Борис Гуро благодарит Василия... а он говорит: «Это пустяки, факт!» и спокойно идет дальше, его глаза ищут еще какое-нибудь чудище, которое нужно убить, быстро уничтожить!...

Увлеченный своими мечтами, забыв, что он еще не на Венере, а в ракетном корабле, Рыжко сильно стукнул кулаком по столу, у которого велась за обедом беседа.

И сразу же он подпрыгнул вверх, подброшенный своим собственным ударом. Чашка с водой, которую он держал, отлетела в одну сторону, чашка в другую. А сам Рыжко, хватаясь за кожаные петли на стене, изо всех сил брыкался ногами, чтобы восстановить утраченное нормальное положение тела. Он слышал громкий смех путешественников, но смотреть на них не мог: такой позор! До сих пор не может привыкнуть к условиям жизни в невесомом мире!

Легким движением руки Гуро поймал чашку в поставил ее опять на стол, вложив в пружинное кольцо. Еще через секунду возвратилась и вилка. Спокойным ироническим голосом Гуро сказал:

— К превеликому сожалению, Николай Петрович не предусмотрел при конструировании ракеты таких же пружинных зажимов, чтобы удерживать на месте слишком экспансивных пассажиров. Вам, Василий, придется уж как-нибудь самому сконструировать для себя специальное приспособление... иначе с вашим темпераментом можно и потолок нашей ракеты пробить головой...

Не поднимая глаз, Василий уселся на свое место у стола. На этот раз он не нашелся, что ответить. Но тут, как всегда спокойно, отозвался Николай Петрович:

— Довольно, довольно! Мне кажется, что Вадим еще не кончил. Вы остановились на цератозаврах...

— Сокол остановился на цератозаврах, а Василий даже вверх полетел за этими чудищами, — смеясь, не унимался Гуро. — Да ну, Василек, перестань горевать, ничего же, в конце концов, такого не случилось. Ну, демонстрируй дальше свои познания в палеонтологии.

— Действительно, Василий, ведь вы можете дополнить то, что я говорил, — заметил Сокол. — Скажите, например, каких еще рептилий мы можем встретить на Венере? Знаете, тех, которые приспособились жить в воздухе?

Рыжко постепенно овладел собой.

— Птеродактили и рамфоринхи, — сказал он коротко. И добавил: — Факт!

Сокол засмеялся.

— Ну, если факт, то возражать нельзя. Заканчиваю: встретим мы на Венере еще таких чудищ, как ихтиозавр — рептилия, которая приспособилась жить в воде. И, наконец, я уверен, что мы найдем там и живых археоптериксов — этих диковинных животных, полу-пресмыкающихся, полу-птиц. Я даже надеюсь осуществить мою мечту...

Он на минутку остановился, что-то обдумывая.

— Какую мечту?

— Привезти на Землю, как образец, одного живого археоптерикса. Ведь он такой маленький: весит мало и места не занимает... он же величиной самое большее, если с ворону, — шутиливо взглянул Сокол на Рындина.

— Сначала давайте найдем его. А уж потом решим, что делать с вашим археоптериксом, — в тон ему ответил академик. Но Гуро сделал вид, что он очень неудовлетворен таким предложением.

— Вот так чудовище! — сказал он, пренебрежительно скривив губы. — Нет, по-моему, с такой мелочью не стоит и связываться. Ну, на кого на Земле произведет впечатление такое «диво»? Не больше чем с ворону, ха-ха! Нет, не согласен. Если уже везти с собою что-нибудь на Землю, так по крайней мере какого-нибудь там бронтозавра... на веревочку его привязать... может, привыкнет. Я его буду дрессировать, может быть, научу даже есть из рук...

Дружный взрыв смеха был ему ответом. Действительно, это была интересная, свежая и оригинальная мысль: привезти на землю и приучить есть из рук маленькое созданище, которое имеет в длину всего лишь восемнадцать метров!..

— Вы забываете, Борис, что у нас всего только ракета, а не океанский пароход-гигант, — заметил сквозь смех Рындин.

— Вот потому-то я и не хочу брать много животных. Всего лишь одного бронтозаврика. Ну, выберем там маленького, так сказать, бронтозаврика несмышленного. Он успеет подрасти на Земле, — шутил дальше Гуро. Но не привыкшему к его манере шутить человеку показалось бы, что охотник говорит вполне серьезно: ни один мускул не дрогнул на его лице. Только где-то далеко в его пронизательных серых глазах прыгали маленькие веселые искорки. Или, может, и это только казалось?

— Ладно, ладно, — ответил Сокол. — Там посмотрим, выберем. Вам детеныша бронтозавра, мне моего археоптерикса, Василию еще что-нибудь. Ведь природа Венеры так роскошна и жизнь так разнообразна, что...

Внезапно словно гром заглушил его голос. Резкий удар сильно встряхнул всю ракету. Гулко загудел металл. Корабль задрожал от носа до хвоста.

И сразу после этого послышался тихий свист. Монотонный, однообразный свист доносился откуда-то сверху. Что это?..

Василий Рыжко взглянул на ученых. Гуро крепко держал в руке свою трубку, словно у него не было ничего более ценного. Сокол прислушивался со встревоженным лицом. Брови академика Рындина сошлись на переносице. А свист все не утихал. Василий с усилием набрал в грудь воздуха: казалось, стало тяжелее дышать. Он заметил, что так же тяжело дышит и Сокол...

Резким, неожиданным для всех прыжком Рындин очутился у стенки, возле доски, где помещались рукоятки управления воздушными аппаратами. Он повернул одну из них, отодвинул в сторону другую. Свист не затихал. Рындин повернул к товарищам побледневшее лицо. Его голос прозвучал резко, как суровый приказ:

— Немедленно надевать скафандры! Василий наденет мой. Я запрусь в навигаторской рубке. Гуро, вы будете руководить работами. В борту ракеты пробоина, и через нее выходит со свистом в межпланетное пространство наш драгоценный воздух. Надеть скафандры!

Монотонный, однообразный свист продолжался. Рындин, быстро перебирая руками петли на стене, передвигался к навигаторской рубке. Но перед тем, как закрыть за собою дверь, он остановился на минутку и добавил:

— Я думаю, это — метеорит. Будем надеяться, что он один. За работу!

Двери наглухо закрылись за ним. Метеорит?.. Пробил стенку ракеты?.. Василий нервно сжал кулаки. На мгновение он утратил возможность мыслить, способность владеть собою.

Еще один удар встряхнул ракету. Этот удар словно был сигналом: по металлическим стенкам ракеты забарабанил дождь мелких частых ударов.

Метеорит был не один!

ЧТО НАДЕЛАЛ МЕТЕОРИТ

Василий Рыжко ощутил неприятную слабость в ногах. Он закусил губы и посмотрел на Гуро и Сокола. Они были в скафандрах и теперь надевали шлемы. А он еще стоит!.. Скорей, скорей, одеваться!

Тут, в ракете, это было очень легко — ведь скафандр и металлический шлем ничего не весили. Вот уже все тело в скафандре, вот надет и шлем. Остроумное приспособление давало возможность завинтить шлем изнутри, без посторонней помощи. Так. Теперь повернуть вот эту ручку, как показывал Василию еще позавчера Гуро. Готово! В шлем начал входить кислород из цилиндров на спине, заряженных оксилитом. Так называлось чудесное химическое вещество, которое вбирало из воздуха внутри шлема углекислоту и вредные остатки дыхания человека, а вместо них выделяло из себя кислород.

Сквозь толстое, но безупречно прозрачное стекло шлема было хорошо видно, как Гуро приблизился к доске управления воздушными аппаратами и выключил все приборы. Сокол и крайне удивленный Василий Рыжко услышали знакомый голос Бориса Гуро:

— Для чего тратить воздух? Все равно его вытягивает сквозь отверстие космическая бездна!

Звуки голоса поражали: его, касалось, было слышно через толстые стенки шлема. Как это могло быть? Однако Василий не задумывался над этим. Его внимание приковала маленькая дрожащая стрелка барометра-анероида, который висел на стене каюты. Эта стрелка, показывавшая давление воздуха в каюте, резко прыгнула влево. Она мчалась по цифрам, оставляя их позади одну за другой. Василий Рыжко со страхом смотрел на нее: стрелка своим быстрым движением показывала, что воздуха в каюте почти уже не оставалось, он полностью выходил через отверстие в стене ракеты... Вот уже стрелка останавливается, останавливается... она совсем ближе к нулю... она вздрагивает — и останавливается окончательно. В каюте, где только что велся оживленный разговор, совсем не осталось воздуха. Пустота, холодная, мертвая пустота...

Василий заметил, как вздулся его скафандр. Рукава раздулись так же точно, как и штаны, словно их распирало изнутри. Да так оно и было, — потому что внутри скафандра оставалось нормальное давление. С невольным чувством страха Василий потрогал пальцами ткань скафандра: а что, если он не выдержит и лопнет? Что тогда? Немедленный конец...

Снова послышался голос Гуро:

— Рекомендую товарищам включить электрические грелки, иначе можно замерзнуть. Василий, ты не забыл, как управлять грелкой?

Губы юноши невольно ответили — совсем автоматически:

— Нет...

— Напоминаю тебе все-таки: на подбородке твоего шлема есть маленькая рукоятка. Она поворачивается вправо. Далеко не поворачивай, а то сразу поджаришься. Лучше понемножку. Эх, как температура упала! Ртуть в термометре замерзла!..

Действительно, ртуть смерзлась комочком на самом дне стеклянного шарика термометра.

Василий немедленно повернул рукоятку грелки. Приятнее тепло разлилось по скафандру. И снова юноша подумал: как это он слышит голос Гуро? Ведь дело не только в том, что их разделяют толстые стенки шлемов. Это еще так-сяк. Но, кроме, того, из каюты исчез весь воздух. А именно по воздуху передаются звуковые волны. Нет воздуха — значит, и звуки распространяться не могут... как же...

— Видите, Вадим, как прекрасно работают установки? А вы еще побаивались, что в пустоте радиоволны распространяются хуже. Вот как хорошо слышно!

Это снова звучал голос Гуро. А вот отвечает ему Сокол — и опять Василий слышит все:

— Да, работают безупречно. Честь и хвала Николаю Петровичу! Это тоже было его изобретение — пристроить к нашим шлемам крошечные радиоустановки. Однако, интересно, обстреливают ли еще нашу ракету окаянные метеориты? Правда, мне думается, что это был только один небесный путешественник, окруженный, возможно, лишь тучкой тонкой небесной же пыли. Первый удар, который пробил стену ракеты, — это удар самого метеорита. А затем мы слышали уже легонькие удары мелких порошинок.

— Вполне правильное соображение. Однако не пора ли вам браться за работу? — прозвучал знакомый голос академика Рындина. — Я вот уже несколько минут прислушиваюсь к вашему разговору и все-таки никак не услышу того, что меня больше интересует: где именно пробило стену, какова дыра, как вы ее закрываете?

Василий понемногу окончательно оправился. Спокойные и уверенные голоса его спутников свидетельствовали о том, что даже в этом случае, который казался Рыжко таким опасным и страшным, — даже в нем не было ничего непредвиденного. Вот Гуро открыл дверь из большой каюты в проход между внешней и внутренней стенами ракеты, вот он пошел направо, а Сокол, наоборот, налево. Василий хотел было тоже идти за ними, но услышал голос Николая Петровича. Академик словно видел каждое его движение.

— Василий, вам нужно остаться в каюте. Во-первых, вы недостаточно хорошо знаете ходы между стенами, во-вторых, вам придется следить за приборами. Оставайтесь, паренек, тут.

Гуро тем временем пробирался темным коридором, разыскивая пробоину в стене. Очевидно, она была где-то впереди. Яркий луч его электрического прожектора, висевшего у него на груди, ощупывал все подозрительные места. Гуро хорошо знал, что с другой стороны навстречу ему пробирается Сокол, знал, что за движением ракеты следит Рындин, знал он и то, как чудесно предусмотрел все старый академик, гениальный конструктор небесного корабля. Но все-таки именно тут, в этом узком коридоре, Гуро почувствовал что-то вроде страха. Откуда взялось это чувство?..

Вот слева, за супермагнietовой стенкой, помещается каюта. Немножко дальше начинается навигаторская рубка. Там сидит Николай Петрович. А в общей каюте — этот мальчуган Василий Рыжко. Там, в обеих каютах, светло. Там хотя и нет сейчас воздуха, но все-таки есть жизнь. А справа?.. Справа, за двумя слоями войлока и резины, за наружным слоем полированного супермагнетизма — там мертвая космическая бездна. Миллионы и миллиарды километров во все стороны. Пустая, неведомая пустыня космоса, в которой плывет их корабль. Как сказал Николай Петрович?.. «Аргонавты вселенной»?.. Да, да...

И внезапно Гуро остановился. Быстрым движением он выключил прожектор. Да, вот пробоина. Сквозь нее спокойным светом сияет яркая желтоватая звезда. Чудесное зрелище — черный небосвод, и на нем эта звезда, как большой бриллиант. Забыв про свое непосредственное задание, Гуро приблизился к пробоине, наклонился и, почти закрывая ее своим шлемом, заглянул в черную бездну.

Впервые он почувствовал какую-то неуверенность в движениях. Его лицо отделяло от межпланетной пустоты лишь толстое стекло окна его шлема. Странно и страшно было думать, что за этим стеклом — температура абсолютного нуля, ничто, таинственная пустота мироздания. И охотник с увлечением смотрел сквозь пробоину.

Теперь он видел не только большую звезду, которую заметил сначала. Черная глубина была, казалось, усыпана искрами и огнями. Это не были земные звезды, к которым привык глаз каждого человека. Они не мигали, не трепетали, не волновались: каждая сияла ровно и каждая облучалась особым цветом. Глаз не успевал отметить все эти цвета; они, не смешиваясь, пылали каждый сам по себе, сплетаясь в красочные сказочные венки; глаз охотника пробегал по ним, останавливаясь невольно на больших звездах, сиявших холодным спокойным светом далеких гигантских миров.

Охотнику не сразу удалось найти два-три знакомых созвездия. Да и то — разве это были те несложные комбинации из нескольких звезд, к которым давно привык человеческий глаз, отделенный всегда от чудесных картин вселенной толстым слоем земной атмосферы? Те большие звезды были всего только канвой созвездия. Космос вышел теперь на ней прихотливые и цветастые узоры, которые отличали новые созвездия от их старой привычной формы не меньше, чем многокрасочная картина отличается от сухого рисунка карандашом.

Зачарованными глазами Гуро находил эти старые созвездия, расцвеченные новыми бесчисленными красками неизвестных ему звезд. Вот четкий крест Лебеда, вот недалеко от него неправильный четырехугольник Лиры. Еще дальше — изогнутый, будто приготовившийся к прыжку, Дракон, возле которого, почти в извивах его тела, начиналась так знакомая с детства кастрюлька Малой Медведицы.

И снова неприятный холодок пробежал по рукам и ногам охотника. Что за странное ощущение неуверенности, близкое к страху? Ведь такие ощущения были чрезвычайно редкими для Гуро, известного своими железными нервами. В чем причина? Тренированная зрительная память охотника словно перевертывала перед ним страницы книги его жизни, подыскивая что-нибудь похожее на это ощущение. И вот одна из страниц задержалась, застыла перед глазами путешественника.

Темная северная ночь. Глубокое синее небо, усыпанное звездами. Под полозьями саней скрипит и мелкой пылью рассыпается сухой снег. Человек на санях погоняет собак. Через каждые двадцать-тридцать метров человек выходит из саней и бежит рядом с ними, чтобы согреться. Собаки, сани, человек — и все. Больше нет никого и ничего, кроме снега и мороза, на сотни километров вокруг. Был еще один товарищ, но он умер в дороге. Гуро остался один. И тогда, впервые в жизни, он понял, что такое одиночество среди снеговых просторов, среди морозного молчания бескрайней ледовой пустыни. Теперь стало ясно: неприятный холодок, который почувствовал сейчас путешественник, был вызван воспоминанием о той ночи. Как и тогда, Гуро теперь остро почувствовал одиночество, отрезанность от всего живого.

Гуро криво усмехнулся: все эти мысли, чувства и воспоминания, все это было недостойно его мощной натуры. Разумеется, он вместе с ракетным кораблем отрезан от Земли и ее жизни, он мчится в холодном межпланетном пространстве, но мчится за тем, чтоб увидеть новую жизнь, жизнь незнакомой до сих пор планеты, чтоб вернуться потом назад, на Землю. А главное, он мчится не один, а со своими самоотверженными товарищами. О каком же одиночестве может идти речь? Думать об этом — значит лишь тратить даром время. Скорее за работу, время не ждет!

Он еще раз посмотрел сквозь пробойну на сказочные чарующие огоньки звезд и снова включил прожектор. Да, работы хватит! Пробойна была шириною в дециметр. Неровные, как бы разорванные края пробойны показывали направление, в котором ударился об ракету метеорит. Но — где же он? По всем признакам метеорит должен быть где-то здесь, в середине, между наружной и внутренней стенками ракеты.

Яркий луч прожектора побежал вдоль стенок, разыскивая небесного гостя. Но найти его было не так легко. В этом Гуро

убедился через несколько секунд. Перерезанный подпорками и переборками коридор тянулся между стенками во все стороны. Метеорит мог свободно проскочить куда угодно.

В конце концов, это второстепенное дело — поиски метеорита. Нужно как можно скорее залатать пробоину. Что касается этого, то недаром заботливый Николай Петрович приготовил шкатулку «скорой технической помощи». Нужно взяться за нее.

— Вадим! Вадим! — крикнул Гуро. — Давайте сюда шкатулку помощи!

— А что, нашли пробоину? — услышал он голос Сокола, хотя и не видел его.

— Да. Несите сюда шкатулку. Николай Петрович, сейчас залатаю.

В темноте показался силуэт Сокола. Правильнее — его скафандр. Белый луч прожектора прорезал темноту и скрестился с лучом прожектора Гуро. Фантастические фигуры двоих путешественников по вселенной наклонились около пробоины, рассматривая ее. Метеорит, очевидно, ударил с огромной силой. Он пробил, как пуля, четыре слоя: супермагния, войлока, резины и обработанного электричеством свинца. И наконец, тонкий слой металла, к которому была прикреплена в этом месте переборка.

— М-да... — пробормотал Сокол. — Это был удар!

Он аккуратно измерил диаметр пробоины. Девять с половиной сантиметров. Потом луч его прожектора осветил шкатулку, нашел в ней что-то похожее на громадную пробку. Так же тщательно Сокол измерил эту пробку.

— Нет, тоньше на сантиметр...

Он взял вторую, измерил ее:

— Подходит!

Пробка эта была конической формы. Тонким концом Сокол вставил ее в пробоину. И сразу же она вдавилась в пробоину сама — почти на треть. Гуро удивленно спросил у Сокола:

— Что это? Как будто кто-то потянул ее наружи.

— Влияние пустоты. Космической пустоты. Она вытягивает из нашей ракеты все остатки воздуха и газа.

— Но барометр уже давно показал нуль.

— Это ничего не значит. Некоторое количество газа сбеглось еще в наших вещах. Даже в металлических, не говоря уже

про ткани. Вот пустота и вытягивала этот газ. А сейчас, вместо газа, она втянула в пробоину пробку.

За шкатулкой, принесенной Соколом, тянулся мягкий электрический кабель. Сокол вытащил из шкатулки небольшой прибор, соединенный с ней шнуром, приставил прибор к пробке, повернул выключатель. И тотчас же прибор начал прыгать, биться в его руках, как живое существо, ударяясь о пробку. Это работал электрический молоток. Частыми, короткими ударами он загонял пробку в пробоину, плотно закрывая ее. Через полминуты Сокол выключил молоток. Пробка вошла в пробоину целиком.

— Теперь заварить края...

Другой прибор очутился в руках Сокола. Он напоминал известное приспособление для автогенной сварки. Сокол включил его. Вспыхнул ослепительный огненный язык. Легкими движениями Сокол обводил прибор вокруг краев пробки. И там, где проходил огненный язык, — металл пробки плавился и заливал стенку ракеты, расплываясь по ней. Пробка сваривалась с металлической стеной. Эта операция также потребовала немного времени.

Василий Рыжко, который послушно оставался в центральной каюте, внезапно услышал голос Гуро:

— Николай Петрович, уже можно включать воздушные аппараты! Пробоину мы закрыли.

Но спокойный голос Рындина возразил:

— Рано еще, Борис, потому что двери в коридоре не закрыты. У нас не так много воздуха, чтобы выбрасывать его зря. Возвращайтесь назад, закрывайте двери и тогда уже включайте.

Василий тем временем с любопытством изучал свой скафандр. Сделан он был очень предусмотрительно и умно. Толстый слой какой-то неизвестной Василию крепкой ткани, пропитанной резиной, свободно облегал руки, ноги и туловище, Снаружи этот слой был покрыт еще тоненькой металлической сеткой, которая, вероятно, должна была защищать ткань от ударов и всяких иных случайностей.

Большой круглый шлем с толстыми стеклянными окнами привинчивался к металлическому кольцу вокруг шеи; кольцо свободно лежало на плечах человека. Несколько трубок соединяло шлем с аппаратами для дыхания. Главные аппараты были прикреплены за спиной, как ранец, но часть помещалась и спереди, это были резервные баллоны с оксидом.

На груди был прикреплен электрический прожектор, который бросал свой ослепительный луч прямо вперед, независимо от положения человека, который свободно мог нагибаться и снова выпрямляться: луч все равно был направлен вперед.

Руки свободно двигались в рукавах скафандра. Пальцы почти совсем не ощущали перчаток из такой же самой ткани, так и скафандр, но более тонкой. Василий совсем легко на ощупь находил нужные ему вещи. Он сразу, например, нашел ту самую рукоятку электрической грелки, включить которую посоветовал ему Гуро. Грелка эта была, вероятно, внутри ткани костюма, потому что едва только Василий включил ее, как приятное тепло нежно разлилось по всему его телу — от кончиков пальцев на руках до ногтей на пальцах ног.

Что очень хотелось найти Василию — это радиоустановку в скафандре, благодаря которой было можно разговаривать с товарищами. Ведь в шлеме должны были находиться и микрофон, и телефон, если не громкоговоритель. Это Василий понимал хорошо — недаром же он пользовался славой опытного радиолюбителя.

ля. Но найти все это ему не удавалось — очевидно, потому, что все детали были очень малы и хорошо укрыты в стенках шлема.

Внезапно снова открылись двери. В них появились фантастические фигуры Гуро и Сокола. Гуро аккуратно закрыл двери; выскочили из пазов и нажали на двери автоматические кривые рычаги. Гуро проверил еще раз, опасаясь случайной щели. Затем он обратился к Василию.

— Соскучился, паренек? — ласково, хотя слегка иронически прозвучал его голос. — Ну, ничего, уже конец. Вадим, впустите воздух. Хочется уже снять этот костюмчик...

Василий с увлечением наблюдал, как лился в кабину поток синеватой жидкости из трубки баллона с жидким воздухом. Жидкость эта словно взрывалась, она расплескивалась во все стороны, превращаясь сразу в облачко пара, которое медленно таяло. Стрелка барометра постепенно возвращалась обратно, к показателям нормального давления. Но теперь она не спешила, как раньше; она медленно проходила деления циферблата, едва передвигаясь.

— Сколько уже? — послышался голос Рындина.

— Семьдесят, Николай Петрович.

— Сейчас приду к вам.

— Я одного не понимаю, товарищ Сокол, — проговорил Василий. — Как будто бы внутреннее помещение ракеты герметически закрыто от тех коридоров, которые отделяют его от наружной стенки...

— Ну!

— А метеорит пробил лишь наружную стенку...

— Ну, и что же?

— Значит, сквозь дырку мог пройти лишь тот воздух, который был между внешней и внутренней стенками ракеты, в тех коридорах. Из внутренних герметически закрытых помещений воздух не должен был бы выходить. А он все время выходил... и свистел... Как же так?

— Причина этого в том, что герметичность — понятие очень неточное. Для земных условий наше внутреннее помещение закрыто герметически, и воздух не может проходить сквозь двери. Но давление воздуха в коридорах между стенками мало чем отличалось от обычного, потому что люки наружной стенки закрыты уже совсем, абсолютно герметически. А когда метеорит пробил

дырку в наружной стенке, то в коридорах давление воздуха упало до нуля. И внутренние наши, так называемые герметические запоры начали пропускать воздух. Очень медленно, но и этого было достаточно, потому что слишком большой сделалась разница давления. Если бы не герметичность запоров, то воздух из середины ракеты вышел бы сразу, и мы не успели бы даже надеть скафандры... Но вот и Николай Петрович.

Двери навигаторской рубки открылись. На пороге стоял Николай Петрович. Его лицо было хмурым, брови сдвинулась. Жестом Рындина показал: долой скафандры!

Быстрыми движениями его спутники сняли шлемы, с удовольствием втягивая в легкие свежий холодноватый воздух, пахнувший морозом. В каюте было очень холодно, должно быть, градусов пять ниже нуля: отопление еще не успело как следует поднять температуру после исчезновения воздуха.

— Что еще случилось? — беспокойно спросил Сокол.

Голос Рындина звучал очень спокойно — так подчеркнуто спокойно, как бывает только во время большой опасности. Академик пощипывал свой ус:

— Метеорит сбил нас с пути.

— Как?..

— Сбил?..

— С пути?..

Три удивленных восклицания раздались одновременно. Три встревоженных лица смотрели на Николая Петровича, который покручивал седой ус и говорил дальше все так же спокойно:

— От удара метеорита, направленного спереди назад, мы утратили известную часть скорости. Но удар пришелся не прямо, а немножко сбоку. Его сила сложилась с инерцией нашей ракеты, и корабль от этого слегка изменил направление движения.

Василий заметил, как мелко-мелко дергалась правая бровь Рындина. Кроме подчеркнутого искусственно-спокойного тона голоса, это было единственным признаком того, что Рындина беспокоило.

— Что же теперь делать? — спросил Гуро.

— Я еще не знаю. Ракета летит куда-то в сторону. Не к Венере, а думаю, к Меркурию или еще куда-то в середину солнечной системы, притягиваемая Солнцем. Я еще не проверил окончательно...

ДНЕВНИК ВАСИЛИЯ РЫЖКО

I

...Почему я решил вести дневник?.. Не знаю и сам. Возможно, внешней причиной было вчерашнее замечание Николая Петровича. Оторвавшись на минутку от своих вычислений и протирая уставшие покрасневшие глаза, Николай Петрович сказал, вздохнув:

— А плохо, что мы не записываем наших замечательных впечатлений! Разумеется, приключений у нас немного. Значительно меньше, чем скажем, у пассажиров корабля, который плывет по земному океану. Однако, интересно было бы когда-нибудь

прочитать... Одно дело — научные записи, и совсем другое — записи личные. Как вы думаете, Василий?

Он не ждал моего ответа и вновь углубился в свои вычисления. Вот уже третьи сутки он почти не спит, не отдыхает, отрываясь лишь на короткие минуты, чтобы поесть. И вместе с тем, Николай Петрович всеми способами старается сохранить у нас хорошее настроение. Например, он предложил нам устроить соревнования в стрельбе из электрического пистолета товарища Гуро. Победитель, дескать, получит звание лучшего стрелка ракеты

и Венеры — поскольку, как уверяет Сокол, мы не встретим там людей, которые оспаривали бы у нас такое звание.

Однако, настроение наше не улучшается, хотя мы и не показываем этого перед Николаем Петровичем. Виновен, разумеется, проклятый метеорит. Да, тот самый метеорит, который пробил стену ракеты и изменил силой своего удара направление движения нашего корабля. Как это случилось? Как угораздило нас наскочить на этого небесного бродягу?

Ведь каждому известно, что такой случай во время межпланетного путешествия должен быть настолько исключительным, что опасность подобной встречи на практике не стоило даже принимать во внимание. Только такой предусмотрительный путешественник, как академик Рындин, мог решить взять с собой специальную «шкатулку скорой технической помощи» с приборами, на тот случай, если вдруг стену ракеты пробьет метеорит.

Мы разговаривали об этом проклятом метеорите с Соколом и с Гуро. Вот как шла наша беседа.

— Мне вспоминаются разговоры на земле перед нашим вылетом, — хмуро заметил Гуро, — когда чересчур заботливые люди пророчили нам неминуемую гибель от какого-нибудь метеорита. Вы помните, Вадим, как разбил таких болельщиков Николай Петрович в своем блестящем выступлении в Колонном зале?.. В особенности того человека, который выступал, как астроном, и говорил про множество метеоритов, ежесекундно выбрасываемых космосом навстречу Земле?

— Ну, да, — отозвался Сокол, — как же, помню. Такой сухопарый, в пенсне? Вот показать бы ему наш метеорит. Наш никелевый кусочек...

(Я забыл сказать, что, возвращаясь наружным коридором после исправления аварии, Гуро нашел метеорит: он упал недалеко от пробойны. Это было что-то похожее на большой камень неправильной формы, довольно тяжелый, как уверял нас Сокол.

— Откуда вы знаете, что он тяжелый? — спросил я. — Ведь метеорит у нас в ракете, как и все остальное, не весит ничего.

Сокол объяснил мне, что в обычных условиях метеорит был бы тяжелым, хотя бы потому, что он на 95 % состоял из смеси никеля и железа).

Итак, наш корабль ранен железоникелевым космическим снарядом... как будто этим можно утешиться! А зачем нам этот никель? Разве что для коллекции...

Скажем прямо — нам очень не посчастливилось. Наскочить на метеорит в космосе почти невозможно. По вычислению известного астронома Майера, даже в самых густых потоках метеоритов, так называемых Леонидах, — отдельные твердые частицы потока отдалены одна от другой, самое меньшее, на 110 километров.

Профессор Ньютон, известный знаток метеоритной астрономии, утверждает безапелляционно: «Каждый метеорит в потоке отдален от своего соседа по крайней мере на 500 километров».

В библиотеке нашей ракеты, в книжке профессора Оберта, одного из творцов первых ракетных кораблей, я нашел такие фразы:

«Ракета должна путешествовать по вселенной по крайней мере 540 лет, пока встретит хотя бы один метеорит. С этой точки зрения путешествие в межпланетном корабле, во всяком случае, менее опасно, чем, например, поездка в автомобиле. Американский теоретик профессор Годард вычислил даже, что возможность встречи ракеты с метеоритом во время путешествия Земля-Луна выражается отношением 1:100 миллионам».

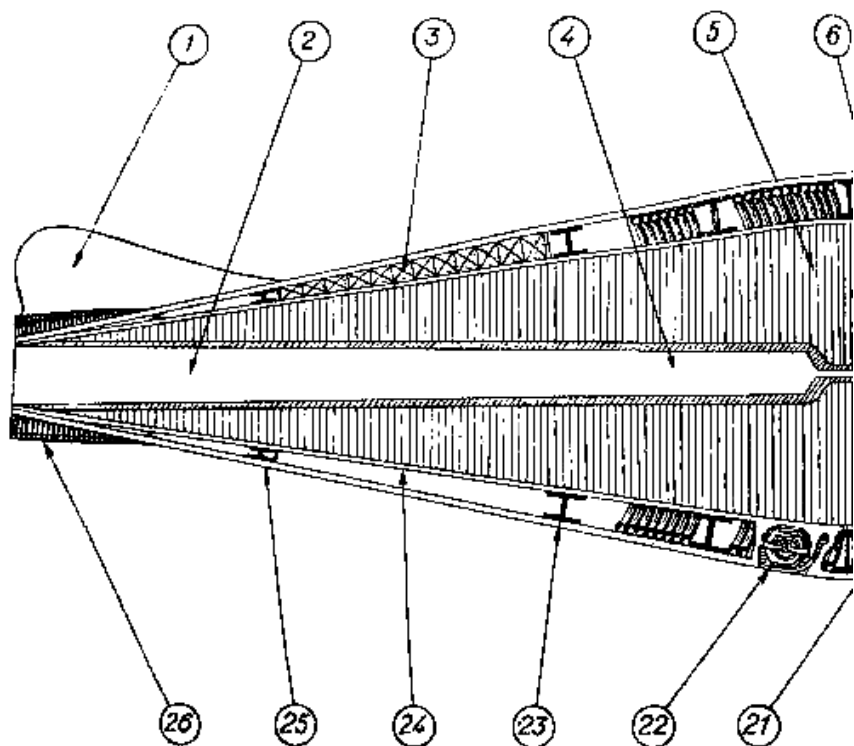
Одна возможность из 100 миллионов! Один шанс из 100 миллионов — и этот шанс выпал на нашу долю. Разве не особенное «счастье»?

В конце концов, все это не было бы важно, если бы не изменение курса ракеты. Николай Петрович определил, что наш корабль, вследствие столкновения с метеоритом, слегка переменил курс — куда-то к внутренней орбите, к Солнцу. Если нарисовать полуэллипс, по которому мчится сейчас наша ракета, то теперь он закончится не там, где должен был закончиться. Он не сойдется с линией орбиты Венеры тогда, когда на точке соединения будет эта планета. Нет, наш полуэллипс повернул ближе к Солнцу и теперь должен подойти скорее к орбите Меркурия, чем к орбите Венеры.

Разумеется, тут нет еще ничего страшного, потому что мы всегда можем изменить курс, выправить его с помощью наших ракетных двигателей. Но чтобы сделать это, нужно сначала вычислить, какое именно получилось изменение курса, найти по-

правки, проверить — и лишь после этого поворачивать корабль. Ведь у нас слишком ограниченный запас взрывчатого материала, чтобы мы могли расходовать его на экспериментальные изменения курса.

Вот почему Николай Петрович уже третьи сутки сидит в навигаторской рубке и исчисляет потребное изменение нашего курса. Все мы занимаемся тем временем разнообразными делами. Сокол решил точно изучить химический состав метеорита — и, кажется, уже скоро закончит эту работу. Гуро рассказал мне несколько историй из своей охотничьей жизни — очень интересные истории. Какой это опытный, бывалый охотник! Действительно, с

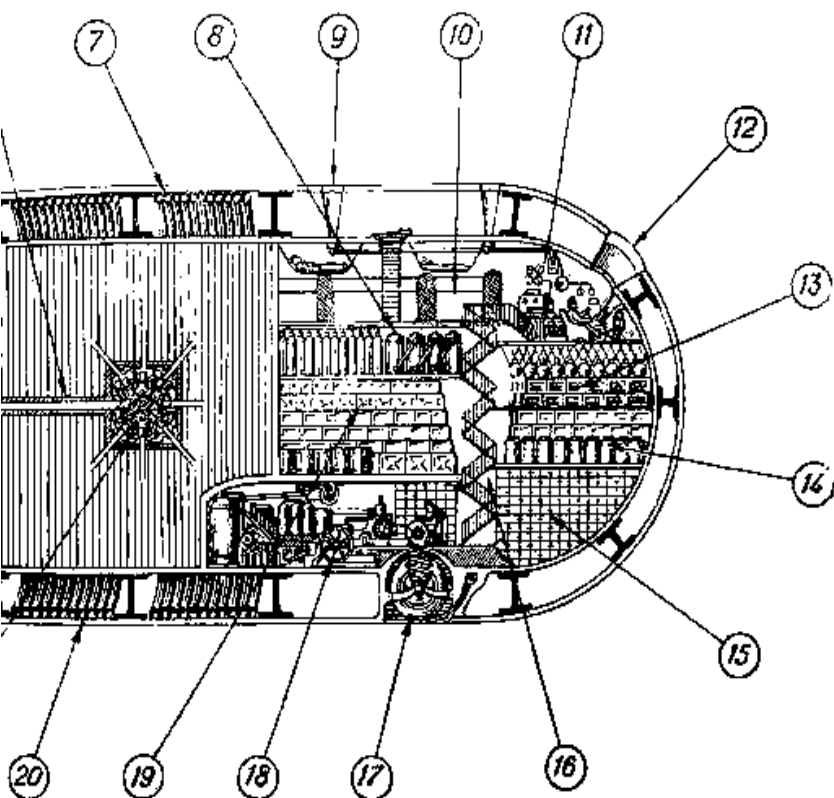
ним не пропадешь. Я дал себе слово научиться стрелять не хуже его и быть всегда таким же спокойным и выдержанным, как он.

Кроме того, я за трое суток еще лучше ознакомился с нашим кораблем и приборами. Теперь я смело могу сказать, что

знаю ракету, — это чудесное творение Николая Петровича. Попробую сжато описать тут, как устроен наш корабль.

Гигантская блестящая сигара — больше тридцати метров в длину и в наиболее широкой своей части семи с половиной метров в поперечнике. К сигаре с обеих сторон прикреплено еще по одной сигарке, значительно меньшей, всего метров восемь в длину. На хвосте сигары плавники — три плавника такой формы, как у рыбы

Сигара сделана из самого легкого сплава металлов — супермагния. Отшлифованный супермагний покрывает всю ракету.

Это — наружный слой. Отшлифован он для того, чтобы уменьшить до минимума трение об атмосферу во время подъема и спуска. Под этим слоем идет слой резины и слой войлока. Это — теп-

ловая изоляция, ибо во время полета через атмосферу и стратосферу ракета сильно нагревается. Кроме того, резина может пригодиться еще и в случае возможного падения на поверхность Венеры или на обратном пути, на поверхность Земли.

СХЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗРЕЗ РАКЕТНОГО КОРАБЛЯ АРГОНАВТОВ ВСЕЛЕННОЙ.

1).Верхний плавник. 2) Центральная дюза. 3) Тормозящие парашюты в сложенном виде. 4) Центральная камера сгорания. 5) Запасы прототропила в таблетках. 6) Канал, по которому подаются таблетки прототропила в центральную камеру сгорания. 7) Трубки теплового двигателя в разрезе. 8) Склады воды и сжатого воздуха. 9) Окно перископного прибора. 10) Центральная каюта. 11) Навигаторская рубка. 12) Окна навигаторской рубки. 13) Склад оружия, инструментов, взрывчатых веществ и зарядов. 14) Неприкосновенные запасы пищи и воды. 15) Шкаф с миниатюр-аккумуляторами. 16) Лестницы, соединяющие помещения ракеты. 17) Выдвижное переднее колесо для старта с земли. 18) Машины, перерабатывающие и освежающие воздух. 19) Главные склады пищи. 20) Трубки теплового двигателя в разрезе. 21) Механизм, распределяющий таблетки прототропила и подающий их в камеру сгорания. 22) Заднее выдвижное колесо для старта с земли. 23) Переборка между оболочками. 24) Внутренняя оболочка ракеты. 25) Внешняя оболочка ракеты. 26) Спиральные хвостовые амортизаторы в сложенном виде.

Такова внешняя оболочка ракеты. На расстоянии полуметра от нее идет внутренняя стенка ракеты. Внешняя оболочка и внутренняя стенка соединены крепкими переборками, как это бывает в морских кораблях и подводных лодках. Одна ракета как бы вставлена в другую, большую. Это — тоже предохранительное мероприятие на случай аварии, вроде той, которая произошла у нас во время неожиданной встречи с метеоритом. Представьте себе, что было бы, если бы Николай Петрович не предусмотрел внутренней стенки? Метеорит пробил бы ракету, из каюты сразу

вышел бы весь решительно воздух, и мы просто бы задохнулись без него, даже не успев надеть скафандры. Страшно даже подумать про такую возможность... теперь в космосе летела бы мертвая, освещенная внутри ракета... и в ней холодные трупы путешественников... Нет, даже представить себе невозможно такой ужас!..

Так вот, за внутренней металлической стеной начинается, собственно, наше помещение. Кстати сказать, наши две каюты (общая и навигаторская) занимают очень мало места. Они расположены вверх (я употребляю это неточное выражение лишь потому, что с ним как-то удобнее описывать). Их соединяют двери, от которых ступеньки ведут к навигаторской рубке. Круглый люк в полу общей каюты ведет вниз, к помещению, где сложены наши запасы пищи, воды и сжатого воздуха. Под навигаторской рубкой — склад взрывчатых веществ для нашей будущей работы на Венере, инструментов, приборов. Рядом с ним — склад неприкосновенных запасов пищи.

Еще ниже помещается наш машинный отдел. Там стоят машины, перерабатывающие испорченный воздух, забирая из него излишки углекислоты и других вредных газов и прибавляя новые порции кислорода. Там же помещается и наше энергетическое хозяйство. Оно заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее.

Все наши машины, все наше автоматическое оборудование — электрические. Электричество — душа нашего корабля. Но — где взять столько энергии, чтобы ее хватило на все время путешествия до Венеры и обратно, да еще на все время жизни на нашей соседке? Правда, у нас громадное количество аккумуляторов. Особенных миниатюрных аккумуляторов, изобретенных всего лишь несколько лет тому назад. Я думаю даже, что без этих миниатюр-аккумуляторов нельзя было бы построить так продуманно, хорошо и экономно всю нашу ракету. Но что это за аккумуляторы?

Известно, что аккумуляторы различаются по своей мощности, по величине своего электрического заряда. До сих пор человечество привыкло к неуклюжим, большим аккумуляторам старого типа. Они были очень неудобны, мощность их была ничтожной. И еще в начале нашего столетия академик Иоффе предвидел возможность создания аккумуляторов нового типа.

Представьте себе аккумулятор величиною со спичечную коробочку. А мощность его такова, что он может питать своим электричеством машину в 25 лошадиных сил на протяжении ста часов! Невероятно, но — факт! Это — наши миниатюр-аккумуляторы. Целые шкафы с такими аккумуляторами стоят у нас внизу, в нашем машинном отделении. Точная установка автоматически выключает аккумулятор, как только он израсходует весь свой электрический заряд. А включает свежий. Итак, наши машины остановятся лишь тогда, когда истощится последний миниатюр-аккумулятор. А когда это будет? Ясно, что даже при условии гигантской мощности наших аккумуляторов их не хватило бы на все путешествие. Значит, их нужно заряжать. За счет чего? Где взять необходимую для этого энергию?

Взять горючее — бензин или керосин, или еще что-нибудь в этом роде, — чтобы двигать динамомашину? Но кроме собственного веса горючего и машин — а это немалая тяжесть, — нужно было бы учесть еще вес добавочного запаса сжатого воздуха для горения этих материалов. Без воздуха не будет гореть никакое топливо — разве лишь за исключением взрывчатых веществ.

И академик Рындин нашел надежный и верный способ получать новую и новую энергию на протяжении всего нашего путешествия, на время всего нашего пребывания в межпланетном пространстве. Это была мысль, гениальная по своей простоте и остроумию, ибо мы получаем нашу энергию просто из ничего, без каких бы то ни было затрат и усилий.

Человечество давно уже мечтало о двигателях, которые использовали бы для своей работы разницу температур: скажем, нижних холодных слоев океана и верхних — более теплых. Кое-какие опытные установки такого типа были даже построены. Но они не давали большого эффекта, так как разница температур между слоями воды не особенно велика. Однако установки работали.

Николай Петрович сказал:

— Кто мешает нам использовать громадную разницу температур на двух сторонах нашего корабля? Ведь одна его сторона, освещенная ярким и горячим солнечным сиянием, будет иметь температуру от 40 до 100° выше нуля. Она будет иметь эту температуру все время, ибо ни одно облачко не закроет нас от Солнца в

продолжение всего времени путешествия. А другая сторона ракеты, теневая — наоборот, будет иметь температуру, близкую к абсолютному нулю, к температуре межпланетного пространства. Таким образом, во все время путешествия мы будем иметь громадную разницу температур на двух стенах ракеты, разницу, которая колеблется в пределах 200–300°. Ни одному конструктору на земле и не снилась такая разница. Вот где источник нашей энергии!

Он имел большое основание говорить так. Эта разница дает нам энергию ежеминутно. И энергия эта не стоит нам ни одной копейки, потому что вся она идет за счет Солнца, неустанно нагревающего ракету.

Внутри внешних стен нашего корабля проложена сложная система трубок, по которым переливается специально приготовленная жидкость с очень низкой температурой кипения, — собственно, даже не жидкость, а сжатые газы. Жидкость проходит по трубкам теневой стороны ракеты и, понятно, охлаждается до крайней степени. Потом она поступает в трубки освещенной стороны, нагретой Солнцем. И здесь она сразу начинает кипеть, испаряться. А эти трубки построены как котел. Пар, который бурно выделяется в них, движет нашу динамомашину.

А затем этот пар идет снова в трубки, которые пропускают его на теневую сторону. И тут пар под влиянием крайне низкой температуры снова сгущается, охлаждается. Потом снова на солнечную сторону — и так без конца. Разве не изобретательно? Разве не чудесное разрешение задачи? Ведь мы имеем даровой и постоянный источник электрической энергии!

Ясно, что аккумуляторы, которые только что истощились, немедленно же подключаются к динамомашине, и она снова заряжает их. Круг замкнут!

Какое счастье, что этот проклятый метеорит не повредил ни одной трубки с жидкостью! Вот тогда была бы действительно катастрофа, потому что мы остались бы без энергии...

Николай Петрович-как-то сказал:

— Наша система жидкости должна работать точнее, чем человеческое сердце. Вы знаете, Василий, человеческое сердце все же несколько отдыхает ночью, оно с меньшей силой гонит по жилам кровь, медленнее бьется. А машины наши должны работать одинаково. Когда останавливается сердце, человек умирает.

Так придет конец и нашему существованию, если вдруг сдаст система жидкости и после этого мы истощим последний из наших миниатюр-аккумуляторов.

Действительно, от этой системы и связанных с ней миниатюр-аккумуляторов зависит полностью такие работы механизмов, движимых электричеством:

1) очищение воздуха и механическая вентиляция наших кают;

2) освещение и обогревание всех наших помещений;

3) действие всех вспомогательных механизмов — автоматических запоров, дверей, гамаков, буфетов, стола... все даже трудно перечислить;

4) действие аппаратов управления рулями нашего корабля и, наконец, —

5) автоматическое действие механизмов, которые непрерывно подают, в случае надобности, взрывчатое вещество — прототротил — в камеры сгорания. Но об этом придется сказать особо.

Сначала мне страшно было даже представить себе, что тут же, за нашими спинами, за тонкой стеной общей каюты, — помещаются многотонные запасы прототротила, этого замечательного взрывчатого вещества неслыханной силы. Динамит, пироксилин, даже нитроглицерин — все это пустяки в сравнении с прототротилом. Это вещество было изготовлено всего два года тому назад в центральном химическом институте СССР, по заказу академика Рындина, специально для его мощных ракетных двигателей.

Как без системы циркулирующей жидкости и миниатюр-аккумуляторов нельзя было бы обеспечить наш корабль энергией и сконструировать все те безупречные механизмы, которые обслуживают нас, так без прототротила нельзя было бы вылететь на ракете на Венеру. Чтобы понять это, нужно немного подумать вот над чем.

Почему до сих пор не удавалось организовать полет во вселенную с пассажирами? Потому, что для этого нужно было невероятное количество взрывчатых веществ. Вот простой подсчет. Каждый пассажир — это не только его отдельный вес, а также и вес его пищи, который составляет в сутки около 600 граммов (как минимум). Представляете себе, какую массу продовольствия везет

с собою ракета, которая должна лететь на Венеру и назад — приблизительно два с половиной года?..

А какую массу взрывчатых веществ должна сжечь такая ракета? В особенности, если принять во внимание, что ракета должна везти с собою взрывчатые вещества и для второго старта, с поверхности Венеры для возвращения на Землю. Если бы не было прототротила, конструкторы вынуждены были бы использовать порох или жидкий водород. Даже при жидком водороде полезный вес ракеты не превышал бы $1/20$ части ее общего веса... Пять процентов общего веса... Одно это делало бы полет невозможным!

Прототротил сразу же изменил положение. Его страшная сила дала возможность свести мертвую часть общего веса к $2/3$ — даже при необходимости иметь запас взрывчатого вещества на второй, обратный старт. Вот что такое прототротил!

Так вот, вся задняя часть нашего корабля — это огромный склад прототротила. Он размещен в таблетках, вложенных в длинные трубки. Пружинные механизмы передвигают таблетки вдоль трубок в камеры сгорания. Таких камер три: две в маленьких сигарах по сторонам ракеты и одна в середине самой ракеты, запасная. Обыкновенно работают две боковые камеры. Продукты взрыва прототротила вырываются из дюз (так называются длинные трубы, которые выводят эти продукты сгорания из камер в наружное пространство) и толкают камеру в стороны, противоположные отверстиям дюз. А это и есть желательное нам направление полета. Как видите, обыкновеннейший принцип ракеты.

А камеры, размещенные внутри маленьких сигар, в свою очередь, передают движение центральной части корабля. И получается, что наши боковые ракеты не толкают, а тянут вперед весь корабль. Это дает легкий, плавный ход. Вот для чего академик Рындин придумал эти две боковые сигары с ракетами.

Как управляют нашей ракетой? В атмосфере и стратосфере, если бы были возможность и время управлять, можно делать это при помощи плавников-стабилизаторов, устроенных на хвосте корабля. В безвоздушном пространстве стабилизаторы, понятно, уже ни к чему, они, может быть, понадобятся лишь тогда, когда корабль долетит до Венеры и попадет снова в густую атмосферу. В межпланетном же пространстве управляют ракетой другим способом.

Допустим, мы хотим повернуть направо. Если бы мы были в лодке, обыкновенной лодке на реке, мы сильнее нажали бы на левое весло — и лодка, подталкиваемая с левой стороны, повернула бы направо. То же самое можно делать и с ракетой. Мы хотим, повторяю, повернуть вправо, но уже не на лодке, а в ракете. Уменьшим порцию взрывчатых веществ в правой сигаре и, наоборот, увеличим порцию прототритила для левой сигары. И ракета, подчиняясь более сильным толчкам с левой стороны, немедленно повернет вправо. Очень просто, не так ли?

...Кончаю писать, потому что зовет Николай Петрович. Неужели же сейчас мы повернем, изменим курс?.. Это было бы чудесно!

II

...Несколько дней я не принимался за писание — было очень много важных дел. Зато теперь, когда жизнь на ракете вошла в нормальную колею, — хочу продолжить повествование. Николай Петрович сказал так:

— До сих пор, Василий, ваши обязанности не были точно определены. Хотя вы и делали кое-что, но были все-таки самым свободным из всех нас. Вот вам новое задание — записывать все, что относится к нашему путешествию. Когда-нибудь впоследствии, объединив ваш дневник с моими научными записями, мы получим интересный материал. Разве не так?

И он усмехнулся. Какая приятная, ласковая усмешка у нашего Николая Петровича! Глаза его прячутся где-то под мелкими морщинками и седыми бровями. И все лицо его такое родное, что ты готов сделать для него все-все! Но, однако, я уклонился от темы.

Так вот, прежде всего, о том, как мы выправили направление нашего полета. Николай Петрович не зря просидел столько дней за вычислениями. Он точно определил, что наша ракета отклонилась от правильного пути на несколько градусов внутрь своей полуэллиптической орбиты. Тут нельзя употребить выражения — на юг, на восток или запад, потому что мы не имеем стран света. Все время огромное, ослепительное Солнце заливает нас свои-

ми жгучими лучами слева, с одной стороны, ни на миг не изменяя своего положения на черном небе. Далеко позади мы видим старую Землю: она постепенно уменьшается и теперь уже превратилась в спокойную, голубую, яркую звезду.

Нет для нас ни полночного, ни полуденного неба, как бывает это на Земле. Повертывая зеркала к перископу, мы видим на небе любое созвездие с такой яркостью, с какой не доводилось их видеть ни одному земному астроному в самые лучшие, самые большие телескопы. Это вполне понятно: ведь нам не мешает земная атмосфера. И мы успели сделать множество интересных фотоснимков неба — я сам принимал в этом некоторое участие!

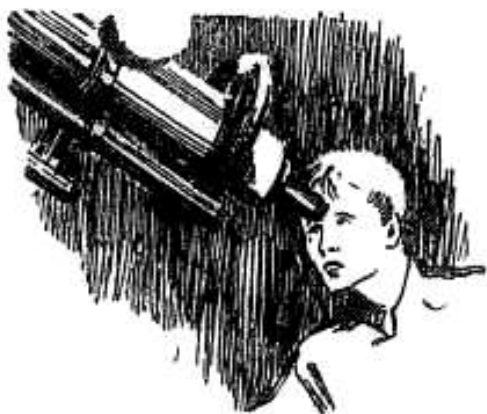
Зато есть у нас и враг, с которым на Земле не приходится встречаться — по крайней мере, так близко. Это — лучи Милликена, космические лучи, которые пронизывают почти все на своем пути и идут откуда-то из космической бездны.

С самого начала путешествия Сокол проводил наблюдения, измеряя интенсивность этого таинственного излучения и направление его потоков. Ведь еще и до сей поры наука не имеет точных сведений об его природе. И вот Соколу удалось установить, что сразу же после того, как ракета отлетела от Земли на расстояние 10–15 тысяч километров, космические лучи приобрели большую и стойкую интенсивность. Сокол сказал:

— Образно выражаясь, мы летим среди ровного ливня этих излучений, который ни на минутку не ослабевает...

Да, в межпланетном пространстве все время льет дождь космических лучей.

И никакой зонтик не может вполне защитить нас от этого дождя этого загадочного электрического ливня. Правда, наша ракета под слоем супермагния покрыта еще тонким слоем обработанного электричеством свинца. Николай Петрович преду-

смотрел опасность космических лучей. Этот свинцовый слой до известной степени защищает нас, однако далеко не полностью. Космическое излучение пронизывает его, пронизывает наши организмы, сильно их возбуждая.

Впервые мы почувствовали влияние этого ужасного излучения совсем неожиданно. Было это так.

Мы спокойно сидели после ужина. Гуро зажег свою трубку: он очень редко делает это, сберегая воздух. И мы все привыкли к его манере дважды в сутки, после обеда и после ужина, выкурить по трубке. К тому же и табак у Гуро очень хороший, он приятно пахнет. Одним словом, мы привыкли к этому, и никогда трубка Гуро никого не раздражала.

Но на этот раз, едва только синий дымок поплыл в воздухе, Сокол неожиданно закричал:

— Ко всем чертям ваш табак! Мне он осточертел! Не хочу!

Мы удивленно подняли на него глаза; это было так необычно, так странно... Однако это было лишь начало неожиданностей. Ибо всегда спокойный и выдержанный, готовый в каждом случае свести дело к шутке, Гуро на этот раз подскочил, поднял руку и угрожающе ответил:

— Если вы не хотите потерять ваши очки, прошу не задевать меня. Потому что — как ударю...

Он был очень страшен: глаза свирепо смотрели на бедного Сокола, челюсти сжались, огромный крепкий кулак готов был осуществить угрозу. Я смотрел на обоих, не веря своим глазам. И внезапно Сокол заплакал. Да, да, он заплакал горькими слезами, как ребенок. Ничего не слушая, он повторял:

— Меня оскорбляют... угрожают... меня оскорбляют...

Он положил голову на руки и горько рыдал. А Гуро стоял около него, большой и страшный, грозно подняв руку. Я взглянул с ужасом на Николая Петровича: что это, сумасшествие?..

Лицо Николая Петровича было очень серьезно и задумчиво. Наконец, он незаметно сделал мне знак, чтобы я не вмешивался: дескать, пусть успокоются сами. Затем он подошел ко мне и сказал:

— У каждого человека бывают такие моменты, когда на него изнутри нажимают, так сказать, впечатления от острых переживаний. Нужен какой-то клапан, чтобы это вышло наружу, осво-

бодило от себя человека. Мы чересчур напряженно работали все время. Это, кажется мне, бурная нервная реакция.

Но я заметил, что он говорил не очень уверенно. Тем временем Гуро наклонился к Соколу и крикнул раздраженно:

— Да разве я обещал вам слушать вашу болтовню и смотреть, как вы тут слезы проливаете, словно ребенок? Я сказал вам, чтобы вы меня не задевали! Вставайте, несчастный! Не прячьтесь за слезами. Вот я вам сейчас покажу!

Он схватил своей крепкой рукой лацкан пиджака Сокола. Вадим не сопротивлялся. Не поднимая головы, он продолжал плакать. А Гуро дергал его за лацкан, и тело Сокола болталось в воздухе как тряпичная кукла. Я не выдержал:

— Да что вы делаете, товарищ Гуро? Перестаньте! Это безумие!

Но Гуро пасмурно взглянул на меня и так же угрожающе ответил сквозь зубы:

— Молчи, юнец. У меня остается свободной еще одна рука. И ее вполне достаточно, чтобы заставить тебя не вмешиваться в чужие дела!

В отчаянии я бросился к Николаю Петровичу. Он стоял со странным выражением лица. Губы его шевелились и он, словно во сне, шептал:

— Разумеется, осилит Гуро. Пусть он победит!.. А впрочем... Посмотрим, может быть лучше, чтоб победил Сокол... Посмотрим, посмотрим...

Я схватил его за руку:

— Николай Петрович, что с вами, неужели вы... тоже...

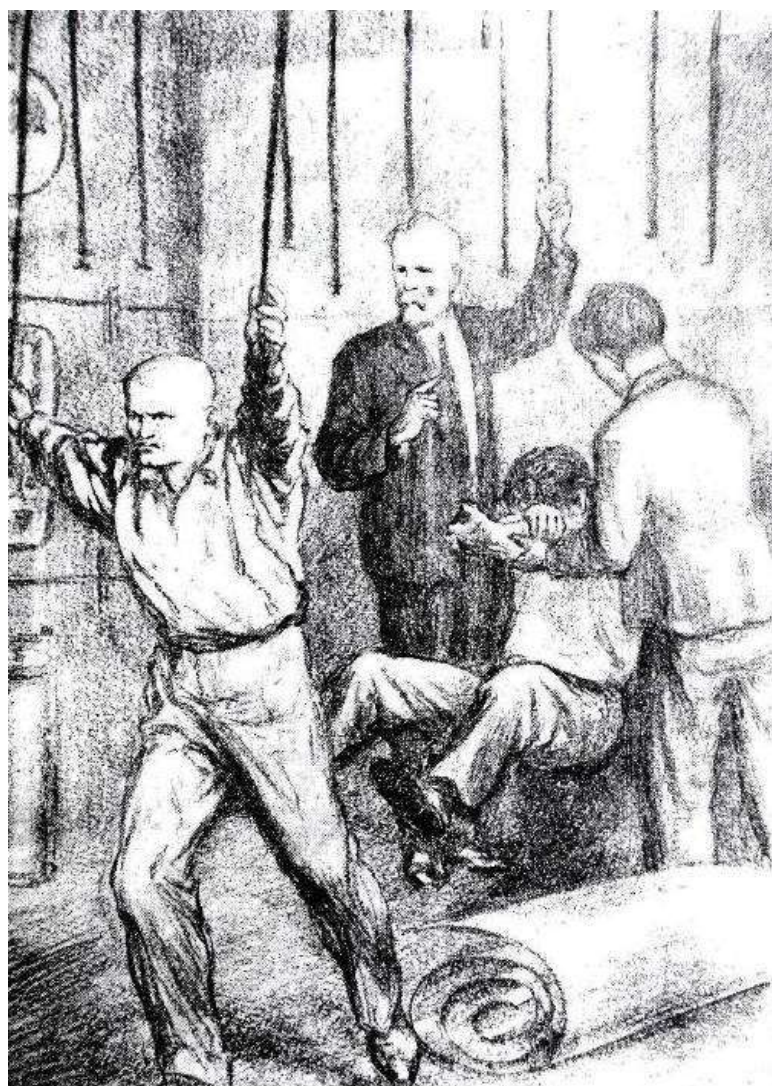
Больше я не смог ничего сказать. Еще секунда, и я заплакал бы так же, как Сокол. Что-то удушливое подступало мне к горлу. Сумасшествие, сумасшествие!

Николай Петрович внимательно смотрел на меня. Его глаза прояснились. Очевидно, он с усилием овладел собой. Он посмотрел еще раз на Вадима и Бориса — и внезапно, проведя рукой по лбу, бросился к ним:

— Борис, оставьте Вадима!

Гуро словно не слышал.

— Борис, вы понимаете, что я вам говорю?

Гуро стеклянными, мертвыми глазами посмотрел на Николая Петровича. Он все еще держался рукой за пиджак Сокола.

— Немедленно оставьте Вадима, Борис! Я требую этого! Как вы смеете не выполнять моего распоряжения?

Гуро молчал. Я с испугом смотрел на него: так может вести себя только сумасшедший. Слезы подступали мне к горлу, я стиснул кулаки, чтобы не заплакать.

— Борис, я приказываю вам. Оставьте Вадима!

Рука Гуро медленно отпустила Сокола, который так и остался висеть в воздухе, в неестественной позе, положив голову на руку. Он не переставал плакать.

— Идите сюда, Борис! — голос Рындина приобрел необычайную для него властность. — Вы не имеете права дотрагиваться до Вадима. Я запрещаю вам, слышите!

— Слышу, — глухо ответил Гуро,

— Вы обещаете мне?

Молчание.

— Обещаете, Борис? — повторил Рындин настойчиво. И лишь тогда Гуро тихо и как-то мертвенно ответил:

— Обещаю.

Рындин оглянулся. Взгляд его остановился на циферблатах приборов, с которыми работал Сокол, изучая интенсивность космического излучения. Брови его сдвинулись. Быстрым движением он приблизился к приборам, несколько секунд сосредоточенно изучал положение стрелок. И резко обратился ко мне:

— Василий, вы все понимаете?

Он не верил, очевидно, и мне. Он боялся, что и я схожу с ума. Удерживая слезы, душившие меня, я ответил:

— Все, Николай Петрович. Я не знаю только, что это такое...

Тогда Рындин бросил еще один взгляд на циферблаты, на Гуро, который стоял в углу каюты, беззвучно разговаривая сам с собой, на Сокола, который все так же сидел в воздухе и горько плакал; потом он посмотрел в потолок, словно ища чего-то, какого-то ответа на неизвестный мне вопрос, — и, наконец, сделал мне решительный знак рукой:

— Пойдем, Василий. Нельзя терять ни минуты!

Мы быстро спустились с ним в склад. Николай Петрович открыл какой-то большой ящик, достал оттуда серые матовые

рулоны из тонкого металла и сказал:

— Несите наверх в каюту. Быстрее, друг мой, быстрее!

И взяв два рулона сам, он потянул их следом за мной.

В каюте Сокол все еще плакал, а Гуро стоял в углу, ни на кого не глядя. Он и на самом деле как бы сошел с ума.

По приказанию Николая Петровича, я развернул первый рулон и закрыл металлом всю боковую стену каюты. Затем поверх этого слоя я положил другой и третий. Серый матовый металл покрыл все. Николай Петрович прикрепил его винтами. Обратившись ко мне, он распорядился:

— Давайте сюда Сокола.

Как ребенка, мы перенесли Сокола к покрытой металлом стене, положив его совсем близко от нее. Затем Николай Петрович ласково обратился к Гуро:

— Борис, идите сюда!

Гуро свирепо взглянул в нашу сторону. Однако не исполнить просьбу Николая Петровича он не мог.

— Садитесь тут, поговорим.

Гуро сел. Через минуту он провел рукой по своей бритой голове, тряхнул ею, словно просыпаясь. Удивленно он обратился к Николаю Петровичу:

— Что такое? Я словно опьянел...

Почти в ту же секунду послышался и голос Сокола:

— Почему у меня лицо мокрое?.. Что случилось?..

Я, казалось мне, утратил от удивления способность говорить. Но вот прозвучал обеспокоенный голос Николая Петровича:

— Друзья мои, нужно быть осторожными. К счастью, на этот раз не случилось беды. Но...

Он на мгновение замолк, провел рукой по своим седым волосам — и мне показалось, что его пальцы дрожали...

Николай Петрович продолжал:

— Наша ракета мало защищена от космических лучей. Пронизывая нас, эти лучи очень будоражат наши нервы. Как ни странно, ярче всего это проявилось на крепкой натуре Бориса и нервной — Вадима. Противоположности сошлись. Меньше это повлияло на молодой организм Василия и на мой старый. Снова противоположности... К счастью, повторяю, я нашел кое-какую защиту. Эти слои обработанного электричеством свинца, — он показал на металлическое укрытие стены, — значительно ослаб-

ляют влияние главного потока космических лучей. Как мы уже установили, интенсивный поток идет откуда-то с этой стороны. Свинцовые слои создают защиту, они дают тень. И лишь это спасает нас...

Несколько минут мы все молчали. Я со страхом думал: а что, если бы Николай Петрович не нашел этого способа защититься? Постепенно влияние космического излучения сделало бы из нас помешанных?.. И словно отвечая мне, Николай Петрович заговорил вновь:

— Очень прошу вас как можно больше времени быть под этой защитой, в тени от космического излучения. И если кто-нибудь заметит признаки возбуждения, немедленно прятаться сюда и извещать меня. Друзья мои, опасность слишком велика, чтобы можно было не обращать на нее внимания...

...В этот же день мы укрыли стену справа, откуда несло к нам загадочное излучение, тремя слоями свинца, перенеся с нее все приборы. Этого было достаточно! Теперь я хорошо понимаю: наше спасение зависело только от того, что лучи неслись лишь с одной стороны. Нашу ракету словно освещало с правой стороны гигантским прожектором космического сияния.

На другой день Николай Петрович, вместе с Соколом, сделал карту нашего пути в межпланетном пространстве, обозначив на ней положение ракеты по отношению к главному потоку космических лучей. Как это нам пригодилось в дальнейшем! Ведь единственное, что помогало нам ориентироваться легко и без изучения положения звезд, — было направление главного потока космических лучей.

Вполне понятно, что именно при помощи этой карты Николаю Петровичу удалось относительно легко определить размер отклонения ракеты. Чтобы выправить его, нужно было повернуть ракету так, чтоб она слова летела в таком же положении к главному потоку космических лучей, как летела раньше. Сделать это было уже нетрудно. Несколько взрывов из боковых дюз — и ракета, легко повернувшись, взяла нужное направление.

Мы с Борисом Гуро заняты были несколько дней наблюдением Венеры — так приказал Николай Петрович. Он распорядился:

— На протяжении 36-ти часов нужно следить за малейшими изменениями облика очаровательной соседки нашей Земли.

Прошу не сводить с нее глаз. Чередуйтесь у телескопа и следите неотрывно. Прошу вас, кроме того, отметить, если найдете где-нибудь голубоватое или розовое сияние.

Сам Николай Петрович не отрывался от наблюдений, относившихся к пути ракеты. После первого изменения курса нужно было все время следить за показаниями приборов, обозначавшими положение ракеты среди потока космических лучей. А Сокол в другой телескоп изучал поверхность Солнца — тоже по заданию Николая Петровича.

Я заглянул было в его телескоп. Жуткая и удивительная картина!

Разве это то спокойное, мягкое и ласковое Солнце, которое мы привыкли видеть с Земли?.. Ничего похожего. Бурлящий гигантский огненный диск. Он кипит, он выплевывает все время из себя длинные фонтаны ослепительного разноцветного пламени. Эти фонтаны поднимаются вверх, рассыпаются цветными лепестками, как удивительные гигантские цветы, и падают назад, в огненное море. На смену им взрываются новые и новые столбы пламени, покрывая странным блестящим фантастическим лесом золотистое светило. А вот вырывается вихрь раскаленного пара металлов и газов — и кажется, что золотая поверхность солнца раскрывается как разорванное кружево. Темное пятно неправильной формы надолго остается на блестящем круге — и что-то хлопчет в кем, что-то свирепствует там, внутри, словно пытаясь выпрыгнуть из бездны. Однако, нечего и мечтать рассмотреть, что именно происходит в глубине солнечного пятна, которое медленно затягивается, закрывается, заливая сиянием пламени черную пропасть...

Сокол сделал много фотографий Солнца. Это будет необычайная коллекция, невиданная до сих пор на Земле. Он сказал мне:

— Даже если б мы и не нашли ничего на Венере, — этих наблюдений, фотографий и рулонов заснятой киноплетки достаточно было бы для того, чтобы оправдать наше путешествие. Вот увидите, как встретят их на Земле, когда мы возвратимся.

«Когда мы возвратимся»... Однако, мы еще и не думаем возвращаться, перед нами столько работы! Но я опять отклонился в сторону.

Красивое зрелище открывается в телескопе Сокола; но не менее чарующую картину наблюдаем в наш телескоп и мы с Гуро. Правда, тут нет таких ужасных огненных бурь, у нас все значительно спокойнее. Сейчас я попробую описать то, что мы видим уже вторые сутки.

В окуляре телескопа большой круг, словно затянутый густым черным бархатом. Он лежит неподвижно — и только. Далекие-далекие огненные искорки сияют в его густой глубине. Они словно спрятались, едва выглядывают, и лишь внимательно присмотревшись, видишь, что этот бархат уходит еще дальше, в невероятную глубину, далеко за разноцветные, крошечные искорки звезд. Но это, повторяю, только тогда, когда присмотришься. А так — бархат приближается. Он словно затягивает объектив телескопа. И на нем, на его глубоком черном фоне, как драгоценный, сверкающий камень — лежит Венера. Неподвижная и спокойная, она позволяет любоваться собою. Это уже не та вечерняя или утренняя яркая звезда, которую мы привыкли видеть на земном небосводе. Это большое светило, которое мы сейчас, к сожалению, видим освещенным далеко не полностью, а лишь как серп с большими и длинными рогами, направленными в сторону, противоположную Солнцу. Серп охватывает Венеру слева; мы видим ее всю, но большая ее часть не освещена, она светло-серого цвета.

Мы по очереди внимательно следим, как выглядит Венера. Николай Петрович заметил в начале наших наблюдений:

— Темная часть Венеры не менее интересна, чем сияющая. Прошу не забывать и о ней.

До сих пор мы не замечали на темной части ничего. Вся она совсем одинакового пепельного цвета. Ровная серая поверхность — и больше ничего. На светлой части планеты, на серпе, я заметил неопределенное движение. Казалось, что там плыли какие-то тени. Думаю, что это передвигаются большие массивы туч в атмосфере Венеры. Гуро тоже присоединился к моему предположению. Но кроме этого, в течение первых суток мы не заметили ничего интересного.

После ужина, вернувшись к телескопу и сменив Гуро, я снова припал глазом к окуляру, стараясь рассмотреть малейшие подробности. И почти в ту же минуту я удивленно протер себе глаза: может — это мерещится?.. Нет, не мерещится. Это факт!

На верхнем рожке Венеры возникло голубоватое сияние, — словно цветок из тончайших светлых лепестков расцвел на остром кончике рожка. Он колебался, он покачивался на черном фоне неба, словно боясь прикоснуться к пепельной поверхности темной части Венеры. Как зачарованный, наблюдал я дивное зрелище. Еще несколько секунд — и уже снова ничего нет. Сияние исчезло. Оно исчезло так же внезапно, как и возникло.

Я уже совсем было решил бежать рассказать о замечательном явлении, но вспомнил, что от телескопа нельзя отходить, если нет смены. Я был часовым на научном посту. И как хорошо, что я вспомнил об этом! Потому что через полминуты новое удивительное зрелище овладело моим вниманием.

Внизу и справа у края темной пепельной поверхности Венеры, диаметрально противоположно месту, где возникло и исчезло сияние, — появился свет. Сначала я заметил, будто под серым пеплом что-то покраснело, как бывает это с костром, когда под пеплом остается жар. На серой поверхности возникло небольшое красное пятно. Оно светилось изнутри, словно просвечивая сквозь пепел. Вот оно стало ярче, расширилось. Словно красный огонь вспыхнул в центре пятна. Затем пятно уже не делалось ярче. Оставаясь все таким же, оно колыхалось, по нему пробегали темные и светлые отблески, как от пожара.

Не отрываясь от окуляра, я закричал:

— Николай Петрович! Николай Петрович, идите сюда!

— Что случилось? — услышал я возле себя голос Рындина.

— Смотрите!

Николай Петрович несколько минут смотрел в телескоп, не отрываясь. Потом он повернулся ко мне. Лицо его было задумчиво. Он пожал плечами:

— Не знаю, что и думать... До сих пор наука не имела сведений о таких явлениях. Похоже на то, что на поверхности Венеры происходит извержение вулкана. Мы видим это движение сквозь атмосферу планеты, сквозь тучи... Однако, — почему бы не проверить этого?

Николай Петрович позвал Сокола:

— Вадим, возьмите инфракрасный экран. Давайте его сюда. Так. Посмотрим, посмотрим. Я надеюсь, что на таком расстоянии он уже действует.

Я знал: инфракрасный экран дает возможность видеть вещи, которые отделены от наблюдателя водяным туманом или тучами. Но он действует лишь на небольшом расстоянии. С Земли например, Венеру наблюдать сквозь него было бы нельзя. Значит, Николай Петрович думает, что теперь, когда Венера была уже ближе к нам, экран будет действовать. Мы увидим, что именно светится под пеленою туч.

И вот Николай Петрович оторвался от наблюдений. Лицо его было смущено.

— Нет, — сказал он, — нет. К сожалению, ничего не получается и отсюда. Это тление стало лишь немного более ярким — и все. Василий, я остаюсь при моем первоначальном предположении. Мальчик мой, на вашу долю выпала честь быть первым человеком, которому удалось собственными глазами увидеть извержение вулкана на Венере!

...Мы часто горевали, что у нас нет возможности связаться с нашей старой Землей. Правда, дать о себе весточку мы можем. Николай Петрович предусмотрел и такую возможность.

У нас есть четыре маленьких ракеты-письмоносца, и эта маленькие приборы мы бережем как клад. По планам Николая Петровича, первую ракету-письмоносца мы должны отправить на Землю тогда, когда совсем приблизимся к Венере. Вторую мы пошлем к Земле после того, как очутимся на Венере. Третью — перед обратным вылетом и четвертую — из межпланетного пространства, по дороге к Земле. Эта последняя ракета перегонит нас и оповестит наших друзей на Земле о точном времени нашего прибытия.

Итак, до пуска первой ракеты-письмоносца остался еще день-два. Мы приближаемся к Венере. Первый этап нашего пути заканчивается. Венера сияет как никогда. Извержение вулкана закончилось — и пепельная поверхность темной части планеты вновь стала совсем ровной и одноцветной.

Я знаю, Николаю Петровичу давно уже хочется скорее послать на Землю ракету с извещением о нашем полете. Но — он человек суровой дисциплины. И терпеливо ждет того срока, в который выпуск ракеты предусмотрен по плану. А пока что мы разговариваем о разных вещах — и в особенности о связи с Землей.

Очень плохо, что мы не можем получить ни одного извещения с Земли. Вот оторвались от старухи — и все... Сами еще

можем отослать домой письма. А оттуда — уж никак. Письмам трудненько было бы найти нас в межпланетном пространстве! Тут почтовых станций пока что не существует... И другие способы связи тоже, к сожалению, не действуют. Я имел как-то неосторожность сказать:

— Почему б нам не воспользоваться радио? Имели б мы с собой передатчик и приемник, установили б двухстороннюю связь с Землей — и все!

Я умолк, потому что заметил улыбки на лицах моих спутников. Что такое? Неужели я сказал какую-нибудь чепуху?.. Гуро спокойно ответил мне (он хорошо знал радио — это была его специальность в молодые годы):

— Приемник мы имеем. И небольшой передатчик. Это пригодится нам на Венере, если придется разойтись, разыскивая элементы. Но чтоб принять радиосигналы с Земли... — он покрутил головой.

— Почему? — удивился я. — Если есть приемник, то он примет. Факт! Радиоволны распространяются по эфиру, межпланетное пространство — тоже эфир. Почему же нам не принять передачу, скажем, из Москвы, со станции имени Коминтерна? Она, мне кажется, достаточно мощна.

Гуро спокойно выслушал меня и укоризненно покачал головой:

— Ай-яй-яй, Василий!.. А еще образованный юноша, а еще и ворошиловский стрелок... А про слой Хевисайда забыл?

Слой Хевисайда?.. Что-то знакомое. Но что именно — я ни-

как не мог припомнить. Гуро продолжал:

— Ты забыл, Василий, что земная атмосфера покрыта слоем ионизированного воздуха, так называемым слоем Хевисайда. Этот слой почти полностью отражает от себя все радиоволны, возвращая их обратно на Землю. Чтобы пробить его радиосигналами, потребовался бы передатчик такой мощности, что для него не хватило бы энергии всех электростанций Земли.

Мы еще немножко поспорили. По-моему, можно найти способ пробить этот слой. Правда, я еще не придумал такого способа. Но — разве есть пределы человеческой изобретательности? Гуро был вынужден согласиться со мной, что недалеко то время, когда наша советская наука откроет способ пробить этот слой, мешающий нам связаться с Землей по радио. На этом мы и окончили разговор, еще раз погоревав, что такого способа еще не изобретено.

Так как я очень интересовался нашим приемником, Гуро согласился показать его мне. Кстати сказать, неплохо было бы попробовать и работу передатчика в условиях космического пространства, где свободно гуляют различные нежелательные незнакомцы вроде космических лучей и тому подобного. А может быть, передатчик и вовсе не работает под влиянием этих космических лучей?..

Сказано — сделано. Мы с Гуро достали передатчик и приемник. Гуро пошел с передатчиком в навигаторскую рубку — подавать оттуда сигналы. Я остался в общей каюте с приемником.

Через десять минут пришлось признать, что наши опасения подтвердились. Передатчик работал очень плохо. Очевидно, космические лучи вредно влияли на его работу. Оставаясь на расстоянии всего шести-семи метров от передатчика, я едва принимал в наушниках сигналы, которые посылал Гуро. А между тем, в нормальных условиях передатчик обеспечивал связь на расстоянии до тысячи километров.

Покрутив еще несколько минут ручку настройки, я хотел уже совсем оставить это неблагодарное дело и выключить приемник. Но Гуро продолжал подавать сигналы. Я едва-едва разбирал его слова, чуть слышно звеневшие в наушниках:

— Алло... Алло... говорит... говорит... слушайте... слушайте... раз-два-три-четыре-пять... слушайте... слушайте...

Его голос то совсем исчезал, то, наоборот, усиливался.

— Слушайте... слушайте... говорит... ракета... слушайте, слушайте, ракета... слушайте, слушайте, ракета... слушайте, говорит Земля, слушайте, слушайте... ракета Рындина, слушайте нас...

Что за шутки? Почему Гуро говорит так, будто бы он не с нами вместе, не в ракете. И еще — почему передатчик внезапно начал так изменять его голос? Это просто странно, это совсем не его голос...

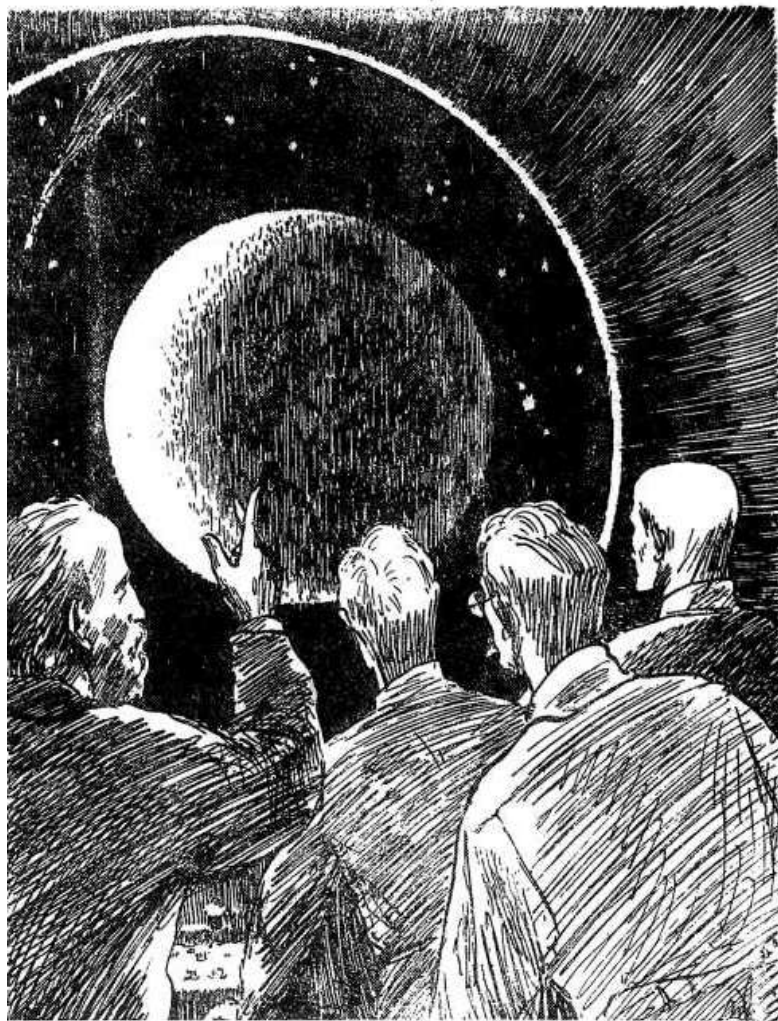
— Слушайте, слушайте, ракета Рындина! Говорит Земля, говорит Земля. Алло, говорит Земля...

Может быть, я сошел с ума? Может, это какое-нибудь новое возбуждающее влияние страшных космических лучей?..

Ведь это не голос Гуро, это... это — Земля!

— Василий, что с вами? Вы побледнели! Стали на себя не похожи!

Это подошел ко мне встревоженный Николай Петрович. Не отвечая ни одного слова, я включил вторую пару наушников и подал ему. Николай Петрович удивленно взглянул на меня, но надел наушники. Я с опасением смотрел на него: может быть, мне все примерещилось, может, это и в самом деле проделки космических лучей... ведь это не может быть Земля, ведь слой Хевисайда...

Но вот выражение безграничного удивления появилось и на лице Николая Петровича. Обеими руками он плотно прижал наушники к ушам. Он слушал. Значит, мне не мерещится? Потому что я и далее слышал:

— Говорит Земля, говорит Земля! Слушайте нас, ракета Рындина, слушайте нас. Очень тревожимся за ваше положение.

Самые мощные телескопы давно потеряли вас из поля зрения. Опасаемся, что ракета изменила направление. Проверьте направление полета, проверьте. Посылайте немедленно ракету-письмоносца с извещениями. Алло, говорит Земля с помощью антенны-стратостата. Алло, говорит Земля. Слушайте нас, ракета Рындина...

Это сообщение повторялось снова и снова. Ведь на Земле не знали, услышали ли мы его. Они повторяли все время то же самое. А мы слушали, как зачарованные, голос старой Земли, не имея сил оторваться от наушников...

— Что вы слушаете? Ведь я уже выключил передатчик! — удивленно сказал Гуро, появившись в каюте.

Николай Петрович решительным жестом сбросил со своей головы наушники и протянул их Борису. Глаза Гуро полезли на лоб. Он замер, как статуя, прислушиваясь к голосу Земли. А Николай Петрович уже распоряжался:

— Вадим, сюда. Василий, слушайте дальше. Может быть, они передадут еще что-нибудь. Борис, достаточно. За работу! Немедленно отправляем ракету-письмоносца. Вадим, готовьте письма. Через полчаса выпустим ракету.

До чего ж это приятно — слушать далекий голос с родной Земли, из родного советского отечества!.. Победили, победили, пробили слой Хевисайда! Голос в наушниках повторял то же самое сообщение. Однако, в спокойном, четком голосе диктора иногда слышалась тревога. Они говорят, что самые мощные телескопы потеряли нас из поля зрения... это, вероятно, в связи с тем, что метеорит сбил нас тогда с пути... дорогой диктор! Если бы ты знал, с каким наслаждением мы слушаем тебя тут, в межпланетном пространстве, приближаясь к Венере!

Николай Петрович и Гуро внесли в каюту небольшую ракету-письмоносца. Это была блестящая металлическая сигарка с отверстием на длинном узком хвосте. Гуро открутил винты на ее боку. Открылись маленькие дверцы, за которыми видна была шкатулка. Николай Петрович тем временем проверил механизм ракеты, расправляя маленькие металлические крылья на толстой части сигарки.

Вадим принес заклеенную и перевязанную пачку бумаги. Это были заранее приготовленные письма и сообщения для Земли. И тут я вспомнил.

— Николай Петрович, позвольте мне... — обратился я к Рындиному.

— Что такое?

— Позвольте мне положить туда маленькое письмецо... к матери, чтоб она совсем успокоилась...

— Мягкая усмешка осветила лицо Николая Петровича:

— Хорошо. Пишите, только скорей. А я пока что проверю расчеты направления.

— Да мне всего несколько строк.

Вот что я написал:

— «Дорогие мои мать и сестра! Все хорошо, не беспокойтесь, мы тут с Николаем Петровичем не пропадем. Передайте ребятам, что я привезу им с Венеры подарки, каких они никогда не видели. Особый привет передайте Марусе, пусть она не забывает меня. Мы скоро возвратимся. Путешествие идет прекрасно. Приближаемся к Венере. Крепко целую. Ваш Василий Рыжко».

Письмо мое было положено вместе с большим пакетом. Гуро снова завинтил крышку. Ракета была готова к полету.

— Борис, к скафандру! — прозвучал голос Николая Петровича, уже надевавшего скафандр.

Через несколько минут они вместе вышли через люк, вынося с собою ракету. А еще через несколько минут мы почувствовали едва заметный толчок: это оторвалась ракета-письмоносец и полетела на Землю...

С пол часа мы еще видели в телескопы маленькую блестящую звездочку, которая быстро удалялась от нас. Письма летели к Земле. Там, влетев в самые разреженные слои стратосферы, ракета автоматически выпустит из себя парашют и медленно опустится на Землю. Наш письмоносец не может не достигнуть цели, потому что Земля все равно притянет его к себе, если бы даже он пролетал лишь около нее, отклонившись в сторону.

Но вот исчезла наша звездочка. И лишь приемник на столе напоминал про неожиданное удивительное событие, которое произошло с нами сегодня. Да в наушниках все еще звучал голос, передававший те же самые сообщения. И хотя диктор не говорил ни одного нового слова, повторяя все время то же самое, — мы с наслаждением слушали его голос, ставший уже знакомым нам, ждали знакомых интонаций. Милый, дорогой голос старой Земли!

Уже ложась спать, я спросил у Гуро:

— Товарищ Гуро, скажите, пожалуйста, как вы выпускали ракету-письмоносца? И еще одно — как вы сами не оторвались от нашего корабля? Ведь можно было и того... остаться где-то там, в пространстве...

По его голосу я уже чувствовал, что Гуро улыбается...

— Ну, вышли с ракетой из наружного люка. Понимаешь, это было довольно легко, потому что ракета ничего не весила. Положили ее там...

Сокол насмешливо заметил:

— В свете предыдущих сообщений, не совсем понимаю. Как можно было положить ее, когда она ничего не весила?

— Хм... мы не то чтоб прямо положили, а я прижал ее к стенке корабля, а Николай Петрович слегка поправил направление, включил мотор, и она полетела от нас... назад, в обратном от нашего корабля направлении. Вот и все.

Он помолчал. Затем добавил:

— А знаешь ли, Василий, мне немножко нехорошо стало, когда эта ракетка толкнула меня облаком газа, вырвавшегося из ее дюзы... Кстати сказать, это и есть ответ на второй твой вопрос. Понимаешь, я пошатнулся, меня оттолкнуло от корабля. И я

почувствовал, что понемногу отдаляюсь от него. Ну, словно бы кто-нибудь меня оттащивал от него. И не падаю, а понемножку отплываю... и ухватиться не за что, плыть не поплывешь. Потому что это же тебе не вода, а эфир... Это было страшно! Правда, мы вышли из люка привязанными, и меня скреплял с ракетой крепкий тонкий трос. Итак, отнести далеко от ракеты меня не могло. Однако, одно дело рассудок, а другое — ощущение. Никогда, должно быть, я этого не забуду!..

Странно: Сокол не ответил какой-нибудь шуткой или шпилькой. Он просто и открыто сказал;

— Мне тоже кажется, что это страшно. Вот представляю себе, будто бы я там, снаружи. Что-то толкнуло меня... и оборвался почему-нибудь этот трос...

— Этого не может быть. Ведь это конструкция Николая Петровича, проверенная им, — заметил я.

— Не в том дело. Я уверен, что трос не оборвется. Но — допустим, что он оборвался. И вот, человек в скафандре отдаляется и отдаляется от корабля, падает в холодную черную бездну... без малейшей надежды спастись...

Это было и вправду страшно. Одиноким человек в бескрайнем холодном и темном пространстве... Фу, даже пот выступил на лбу! Нет, лучше думать о чем-нибудь другом... И я громко спросил у Гуро:

— Товарищ Гуро, а как же ваш слой Хевисайда?

Гуро сделал вид, будто он спит и не слышит. Однако мне помог Сокол, который едко сказал:

— Разумеется, мы с вами, Василий, этого не знаем, ведь мы не радиоспециалисты. Мы слой Хевисайда пробить не можем. Для этого потребовалось бы слишком много энергии. Но вот голос с Земли слышали. Странно как это получилось?..

Гуро молчал.

— А что они сказали про антенну? — снова опросил Сокол.

— Сказали: «передаем с помощью антенны-стратостата».

— Хм... как же оно так? Борис, вы не знаете?

Только теперь Гуро отозвался, убедившись, вероятно, что разговора все равно не избежать:

— Просто взяли, запустили вверх большие стратостаты, один за другим, ступенями. На общую высоту, скажем, километ-

ров в восемьдесят-сто. И верхний стратостат очутился над слоем Хевисайда...

— Ну?

— А этот верхний стратостат, вероятно, соединен проволокой последовательно со всеми остальными и, наконец, с Землей. И по этой проволоке, наверно, к верхнему стратостату идут радиоволны. Понимаете, по проволоке? А уж с верхнего стратостата, который находится над слоем Хевисайда, радиоволны отрываются от антенны и несутся во все стороны... в том числе и сюда к нам.

Сокол подмигнул мне:

— И, выходит, энергии хватило? Не пришлось собирать ее со всех электростанций Земли?

Гуро не счел нужным отвечать на такой издевательский вопрос. Он промолчал.

Молчал и я. Ведь вышло именно так, как должно было выйти. Большевики и не такие трудности преодолевали. Просто, до сих пор не было большой нужды пробивать этот слой. А вот возникла надобность связаться с нами, связаться с межпланетным пространством, — и проблема разрешена. Потому что такая была поставлена перед учеными задача. Когда советская наука должна что-нибудь сделать, — она не останавливается ни перед чем. Слой Хевисайда? Что ж? Запустить десяток стратостатов ступенями — и нет этого слоя. Он сам по себе, а мы сами по себе. Вот и все. Должно быть, комсомольцы изобрели этот способ. И стратостаты, должно быть, комсомольцы запускали.

...А утром мы услышали веселый голос Николая Петровича:

— Довольно спать, будет, друзья мои! Вот она, наша красавица! Вот наша Венера! Можете по очереди подходить к телескопу, смотреть в него. Я установил инфракрасный экран — и теперь он действует. Правда, до четкой работы еще очень далеко, но видно какой-то большой океан. А впрочем, зачем сейчас этот экран, если цель нашего путешествия видна просто в окно навигаторской рубки? Пойдемте, пойдемте! Аргонавты вселенной, первый этап нашего путешествия по волнам неведомого океана космоса заканчивается!

Аргонавты — то есть мы, наспех оделись и поспешили в навигаторскую. В большом окне прямо перед нами, как застывшая, стояла Венера. Однако, разве мы, даже мы видели ее когда-

нибудь такой?.. Гигантский диск стоял перед нашими глазами. Почти третья часть его сияла белым светом, словно покрытая сплошной снеговой тучей. Это — слева. Две трети диска были другого цвета. Похоже было, что там нависли неровные и густые темные тучи, передвигавшиеся снизу вверх. В условиях Венеры это означало, что тучи передвигаются с юга на север.

Сплошной поток туч, сплошная пелена глухого, непроницаемого для человеческого глаза тумана закрывала таинственную планету. Что таят под собой эти тучи?..

Я подошел к инфракрасному экрану, который должен был открыть поверхность Венеры моим глазам так, как если бы она не была закрыта этими тучами. Нет, Николай Петрович был прав. Экран, правда, действовал, но это было еще не то, что я надеялся увидеть. Пелена туч на экране превратилась в легкий туман, который окутывал планету. Были видны большие темные пятна. Одно из них занимало почти половину Венеры. Вероятно, о нем и думал Николай Петрович, говоря про океан. Океан на Венере!

Однако, нечего было и думать увидеть что-нибудь такое, что сказало бы мне о жизни или о растительности на Венере. Для этого мы были еще слишком далеко. Жаль, жаль! Какие чудовища, какие удивительные твари существуют на поверхности Венеры под таинственной завесой этого тумана?.. И невольно перед моими глазами проходили образы жутких чудовищ, о которых мы так много разговаривали с Соколом здесь, в ракете, про которых я много слышал еще и на Земле, к встречам с которыми готовился бесстрашный Борис Гуро. Игуанодоны, бронтозавры, птеродактили... археоптериксы... Ах, хоть бы на несколько минут заглянуть туда, хотя бы только одним глазком!..

Но еще слишком далеко. Передвигаются плотным покровом густые белые тучи, не оставляя ни одного просвета... И напрасно мы стараемся увидеть что-нибудь на инфракрасном экране, кроме огромных пятен, кроме великого океана Венеры...

Наша ракета мчится. Сколько ж еще осталось до Венеры?

Николай Петрович смотрел на приборы. Взял карандаш, записал что-то в журнал наблюдений. Выключил автоматический аппарат, фотографировавший Венеру с этого расстояния. Затем взгляд его остановился на нас.

— Пора начинать торможение. Через час долетим до зоны притяжения Венеры, начнем ощущать тяжесть. Странно, но мы снова станем весомыми.

А и правда, странно, что придется снова ходить, как все люди, делать усилия, поднимая что-нибудь, и думать — тяжелая эта вещь или не тяжелая... Однако, сейчас не было времени размышлять. Николай Петрович резко распорядился:

— В гамаки, друзья мои, в гамаки! Вы, Василий, ложитесь в мой. Он свободен.

Мы послушно вышли из навигаторской рубки, чтобы выполнить приказание. Я выходил последним. И, оглянувшись, увидел, как Николай Петрович, в последний раз записав что-то в журнале наблюдений, положил руки на рычаги и рукоятки управления ракетой. Фигура его выпрямилась, и только седые волосы выдавали, что перед пультом управления сидит не молодой человек, а старый академик Рындин.

Я немного завидовал его спокойствию. Сейчас мы трое были только пассажирами небесного корабля. Мы могли только ждать, когда наш корабль прибудет на Венеру. А Николай Петрович вел корабль. В его руках была судьба всех нас. От его движений, от его мыслей зависело все. Правда, Сокол мог бы заменить его, скажем, в случае болезни. Эту возможность Рындин тоже предвидел. Но — вряд ли кто сумел бы оставаться таким спокойным и сдержанным у пульты межпланетного корабля во время приближения к Венере, приближения к спуску, к самому опасному этапу нашей дороги.

Николай Петрович сидел спокойно и уверенно. Приближалось время спуска на Венеру!

ЭЛЛИПСЫ ВОКРУГ ВЕНЕРЫ

Если бы в эту минуту кто-нибудь имел возможность со стороны свободно наблюдать приближение небесного корабля к Венере, этот «кто-то» увидел бы удивительную, необычайную, ни с чем несравнимую картину.

Холодный, прозрачный, как хрусталь, простор. Бездна без конца и краю. Она заполняет собою все — и идет во все стороны, превращаясь в далекий черный фон, на котором разбросаны бесчисленные яркие алмазы, пестрые самоцветы вселенной.

Буйно разливает свое ослепительное сияние гигантское Солнце — и нельзя заметить, стоит ли на месте этот волнующийся огненный шар, движется ли он куда-нибудь, настолько он невероятно велик. Зато в потоках его горячего света ярко видно, как мчится в пустоте другой громадный шар, темный, закутанный в белую тучу. Он медленно поворачивается вокруг своей оси и мчится, мчится безостановочно, ежесекундно пролетая в пространстве около тридцати пяти километров. Это — Венера. Загадочная неизведанная планета, которая хранит свои тайны под густой завесой туч.

И крошечная, как блестящая пылинка, подхваченная каким-то невиданным течением, мчится почти впереди планеты металлическая искорка, словно пытаясь заскочить вперед Венеры. Да где там! Искорка делает всего одиннадцать километров в секунду, гигантская планета догоняет ее, медленно вращаясь в пространстве. Миллиарды звезд с любопытством смотрят на это никогда невиданное состязание; даже само Солнце, сверкающее и гордое Солнце посматривает сюда с любопытством. Крохотная, искорка, ничтожная пылинка, где ж тебе состязаться с гигантскими небесными светилами! Они раздавят тебя, даже не заметив этого!

Но искорка мчится — уверенно и неуклонно. Человеческий разум управляет ею. Едва заметная металлическая черточка, крохотная сигарка мчится своим, избранным ею, путем. Она словно пытается пересечь путь гигантского шара Венеры. Не напрасная ли это попытка?

И вот с одной стороны сигарки появляется маленькое облачко дыма, постепенно тающее в холодном пространстве. Это облачко дыма растаяло. Его уже нет. А металлическая сигарка

почти не изменила своего направления. Она продолжала мчаться к окруженной тучами планете. И странно было думать, что в этой сигарке были живые разумные существа, были люди. Но кто, кроме людей, мог еще появиться в космосе, нарушить покой планет, которые испокон веков мчались своими орбитами?..

Над гамаками центральной каюты сиял большой экран телескопа. Громадный светло-серый диск Венеры ярко вырисовывался на нем. Глаза трех путешественников, трех пассажиров общей каюты, не отрываясь, следили за ним. Диск увеличивался, едва умещаясь на экране. Серый диск, покрытый сплошной пеленой туч. Таинственный диск, нацеливаясь в который, летел ракетный корабль с путешественниками.

Расстояние между планетой и ракетой быстро уменьшалось. Казалось, они вот-вот соединятся. Еще миг — и крошечная ракета разобьется, превратившись в пыль, в ничто. Еще облачко дыма появилось с одной стороны ракеты.

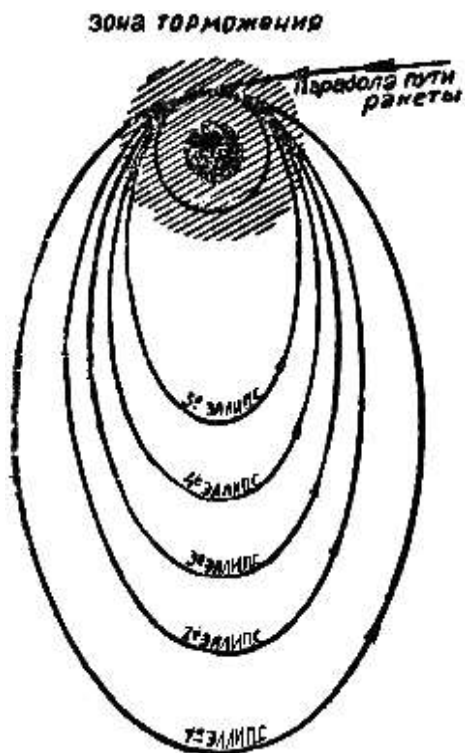
Академик Рындин почувствовал, как капли пота покрыли его лоб. Решающий момент приблизился. Вот сюда, сюда... Как раз над тучами, не выше и не ниже, должна пролететь ракета, чтобы от трения о воздух Венеры началось торможение. Иначе спуск будет невозможен. Сюда, сюда... Слегка двинулся рычаг. Взрыв прототротила снова потряхнул ракету. На миг Рындин закрыл глаза. Сейчас выяснится все.

Металлическая сигарка ринулась в туманный слой, который окружал громадную планету. Ее атмосфера... Звезды блеснули в небе, со страхом присматриваясь к тому, что происходило тут. Конец? Гибель?..

Нет, не конец, не гибель! Блестящая сигарка проскочила над самой поверхностью планеты, чуть-чуть не задев пелены туч. Казалось, в туманном слое атмосферы, который колыхался над тучами, остался след сигарки. А сама она уже мчалась дальше, отдалявшись от громадного шара Венеры, но резко изменив направление и теперь продвигаясь по длинному эллипсу вокруг планеты, которая захватила ее в свое движение и несла с собой в космосе, как спутника.

В центральной каюте прозвучал усиленный громкоговорятелем голос Николая Петровича:

— Парабола нашего полета, друзья мои, превратилась в эллипс! Мы летим вокруг Венеры. Мы вступили в первый эллипс!

Десять часов и пятьдесят четыре минуты будет продолжаться наш полет по эллипсу вокруг Венеры, пока мы очутимся в том самом месте, в котором влетели в ее атмосферу. Вычисления правильны!..

Смех, радостный и веселый, был ему ответом. Победа, победа! Атмосфера планеты приняла ракету, космический корабль мчится уже вокруг Венеры. Гуро смеялся своим низким густым голосом, Сокол даже всхлипывал от смеха, глядя на него. А Василий Рыжко совсем не выдержал. Он выпрыгнул из гамака — и сразу остановился удивленно. Он не плыл в воздухе. Он стоял на полу. Правда, вес его был странно мал, юноша словно был сделан из чего-либо иного, чем обыкновенный человек. Он даже покачивался, шатался, однако стоял. Да, это был уже вес.

Несколько часов металлическая сигарка мчалась вокруг Венеры, все время словно стараясь оторваться от нее, повернуть вновь в бескрайные пространства вселенной. Но, достигнув наибольшей, казалось, отдаленности, сигарка послушно начала сама по себе поворачивать, описывая кривую, которая вела опять ближе и ближе к планете, и ее тучам. Первый эллипс заканчивался. Он приводил ракету вновь к той же самой точке над тучами, где она пролетела впервые.

Николай Петрович опять застыл с руками, положенными на рычаги. Да, расчеты были правильны, это доказал переход ракеты с параболы на эллипс. Но разве можно успокоиться на этом? Разве мало может быть неожиданностей? Нужно быть, готовыми ко всему.

И в центральной каюте снова настала тишина. Приближался второй решающий момент. Ракета снова должна влететь в атмосферу, атмосфера снова слегка затормозит ее, эллипс уменьшится... Будет ли так?

Высоко над тучами ракета промчалась опять с той же самой молниеносной скоростью — по крайней мере, так показалось всем.

И, как и раньше, тучи стали отдаляться. Ракета перешла во второй, меньший эллипс. Николай Петрович обеспокоенно взглянул на циферблат электрического термометра, который показывал изменения температуры оболочки ракеты. Да, как и следовало ожидать, оболочка разогрелась. Термометр показывал триста градусов выше нуля. Это не было угрожающим — нормальная температура для тела, пронесшегося сквозь густую атмосферу со скоростью десяти километров в секунду. Теперь скорость вновь уменьшилась вследствие нового сопротивления трения об атмосферу.

Единственное, на чем могло бы плохо отразиться повышение температуры оболочки, — это система жидкости в трубах. Но еще перед первым торможением Николай Петрович распорядился открыть для жидкости путь к внутренним резервуарам. Теперь трубы были пусты.

Рындин осведомил спутников:

— Вступили во второй эллипс. Скорость — девять с половиною километров в секунду. Продолжительность полета по второму эллипсу — четыре с половиной часа.

— Выходит, второй эллипс вдвое меньше, чем первый? — спросил Василий.

— Даже еще меньше. Потому что мы летим медленнее. Однако, обращаю ваше внимание на необходимость искать подходящее место для посадки. Еще три эллипса — и мы снижаемся, — полусерьезно, полушутя ответил Николай Петрович.

В самом деле, — легко было сказать «искать место для посадки!»

Насколько хватал глаз, поверхность Венеры была покрыта все теми же самыми густыми тучами. Они волновались, превращаясь в безграничное серое море; потоки туч передвигались один над другим. Казалось, планету покрывало несколько слоев туч. И если случалось, что в верхнем слое создавался прорыв, в который засматривали четыре пары глаз, то под этим прорывом виден был лишь следующий слой туч, еще более густой, еще более непроницаемый.

— Николай Петрович, давайте теперь к нашему телескопу инфракрасный экран, — предложил Сокол. — Мы вам найдем все, что нужно,

Василий даже подпрыгнул: верно, инфракрасный экран может увидеть, что делается под этими проклятыми тучами! И почему они до сих пор не установили его? Ведь теперь Венера совсем близко, просто — рукой подать!..

Вот он, этот экран. Изображение Венеры сразу изменилось. Как и раньше, когда Василий впервые взглянул на этот экран, тучи почти исчезли, превратились в прозрачную дымку. И под ними на поверхности Венеры...

— Ничего нельзя разобрать, — с огорчением сказал Гуро. — Не помогает экран...

Действительно, даже на этом расстоянии экран мало

добавлял к той картине, которую Василий уже видел. Вот тот океан. Он словно бы увеличился. Неровные края материка... Словно бы большой остров недалеко от материка... Извилистая линия на материке — должно быть, какая-нибудь речка. И больше ничего. Изображение колебалось, время от времени затягивалось серым туманом, который проходил по нему волнами. Нет, экран не помогает!.. Почему?..

Но на этот вопрос не мог ответить никто. Между тем, обстановка была весьма грозной. Ведь именно с помощью экрана Рындин рассчитывал наблюдать поверхность под тучами перед посадкой, чтобы и в самом деле найти подходящее место для посадки корабля. Нельзя же было снижаться наугад, прямо в густые тучи. Ракета могла разбиться, могла упасть на скалы.

Василий увидел, что настроение академика изменилось. Правда, он старался не показывать этого. Но голос выдавал его, когда он успокаивающе говорил:

— Ну, что ж. Давайте присматриваться без экрана. Вероятно, что-нибудь найдем... какую-нибудь площадку...

Рыжко тихо спросил у Сокола:

— Почему это могло случиться? Разве инфракрасные лучи не везде одинаковы?

Сокол пожал плечами.

— Кто его знает... Может быть, что-нибудь испортилось в аппарате... может быть, поверхность Венеры отражает слишком мало инфракрасных лучей, может быть, есть еще какие-нибудь вредные влияния неизвестного нам излучения... вот как было с космическими лучами. Факт остается фактом: экран не помогает. И это очень тревожно. Впервые мы очутились перед действительной опасностью...

Василий видел это и сам. Он злобно смотрел на экран телескопа. Что кроется под этими тучами? Куда направит ракету Николай Петрович? Слепую, ничего не видя в густом тумане? Может быть, — внизу бурное море; может быть, — там какая-нибудь пустыня; может быть, — горы и скалы?.. А инфракрасный экран только мешал, потому что чем дальше, тем больше он затягивался волнами серого тумана, в котором дрожали все контуры изображения. На него нельзя было полагаться, лучше уж было смотреть на обыкновенный экран. Но тут были видны одни тучи — и не

было ни малейшей возможности хотя бы немножко рассмотреть, разыскать что-нибудь в этой густой пелене...

Один лишь раз Василию показалось, что он увидел между тучами что-то зеленое. Большой прорыв в верхнем слое туч открыл нижний слой. И в нем будто... будто какое-то отверстие. Что там? Отверстие мелькнуло на неуловимый миг — и исчезло. Но там было, было что-то зеленое!

Василий с надеждой взглянул на соседей. Сокол наверняка ничего не заметил. Лицо его было хмурым и напряженным. Он что-то обдумывал. Однако, Гуро внимательно взглянул на Василия. Заметив волнение юноши, он сказал:

— Что-нибудь увидел, мальчуган?

Василий замялся: может быть, это только показалось?

— Да говори, говори!

— Показалось мне, что увидел.

— Зеленое?

Василий вздрогнул: неужели и Гуро видел?

— Да, зеленое... Но на одну лишь секундочку. И я не уверен...

— То же самое видел и я, — задумчиво сказал Гуро. — Ну, что ж, посмотрим еще...

Николай Петрович все время не сходил со своего места в навигаторской рубке. Он не чувствовал утомления. Огромное, бурное возбуждение охватило его. Аргонавты вселенной приближаются к своей цели. Пройден почти весь путь. Остается только закончить спуск. Только... Но — сколько опасности в этом «только»! Грозных опасностей, которые возникли теперь, после того, как академик убедился, что главное его орудие для наблюдения поверхности Венеры — его инфракрасный экран — не действует. Николай Петрович слышал, как объяснял Василию Сокол возможные причины этого. И старый академик не мог ничего добавить к этим неуверенным объяснениям. Да разве в причинах было дело? Рындин знал одно: это объяснялось не порчей аппарата. Значит, делу помочь он не мог. А все остальные причины сейчас не имели значения.

Экран не действовал — вот и все.

Тучи скрывали под собой поверхность планеты.

Однако, сейчас Николаю Петровичу было о чем думать и кроме инфракрасного экрана. Ракета, легко подчиняясь притяжению Венеры, плавно делала второй эллипс. Приближалось третье торможение. Это уже не было новостью. Николай Петрович знал, что все идет как следует. От минувшего волнения остались только следы. Так же быстро ракета мелькнула над тучами и отдалилась от них. Но теперь термометр показывал всего двести пятьдесят градусов выше нуля. Поверхность Венеры словно не отходила дальше; казалось, что ракета делает вокруг нее ровные круги.

Да, уже третий эллипс; Николай Петрович тихо промолвил:

— Через два часа пятьдесят четыре минуты четвертое торможение.

Утомление дало себя чувствовать всем, кроме него. Однообразная картина серого моря туч вызывала у Василия сонливость. С усилием он принуждал себя не закрывать глаз, но они словно слипались. Серые тучи одна над другой — и ничего больше... Негостеприимно встречает Венера их, отважных аргонавтов вселенной, негостеприимно... Голова Василия медленно клонилась на руки, отяжелела голова утомленного юноши. И, казалось ему, почти в ту же самую минуту он снова поднял ее. Те же самые тучи; никакой перемены. Но почему такое встревоженное лицо у Гуро? Почему Сокол нервным движением руки пощипывает свои маленькие усы? Что случилось?

В каюте было жарко. Василий почувствовал, что руки его вспотели.

— Что такое? — нерешительно спросил он.

— Прошло последнее торможение об атмосферу, — ответил Гуро. — Мы начинаем снижаться.

— Куда?

Вместо ответа Гуро только пожал плечами. И действительно — что было отвечать? Под ними была все та же самая густая завеса из туч. Не было никакой надежды, что она когда-нибудь развеется, позволит найти место для посадки.

Николай Петрович понимал, что при таких условиях посадки ракетный корабль имеет все шансы просто разбиться. Из последнего торможения ракета вышла со скоростью в семь с половиной километров в секунду. Это значительное уменьшение скорости, однако...

Простые расчеты показывали всю серьезность положения. Самолет на Земле садится со скоростью около ста километров в час. В час, а не в минуту ведь! И это считается рискованной скоростью. Посадка обыкновенного самолета — самый опасный момент полета.

Ракета летела теперь со скоростью семи с половиною километров в секунду, то есть — двадцати семи тысяч в час, в двести семьдесят раз быстрее самолета. Ракета облетела Венеру во круг за час и тридцать шесть минут...

Однако, выбора не было. Инфракрасный экран не действовал. Нужно снижаться без его помощи, ибо теперь нельзя было даже рассмотреть на нем тот большой океан, который было видно раньше. Весь экран был закрыт серыми волнами тумана. Очевидно, и в самом деле неведомые излучения испортили работу чуткого экрана. Ладно, все равно нужно снижаться!

Рука Николая Петровича передвинула рычаг на боковой стене пульта. Задребезжал тревожный сигнальный звонок. И сразу тело Рындина дернулось вперед. Он с усилием удержался на месте, в своем пневматическом кресле.

Из задней части ракеты вылетел длинный стальной трос с шестью парашютами, расположенными один за другим. Но это не были обыкновенные парашюты: их конусы были направлены острием вперед, чтобы торможение было очень медленным. Иначе их бы просто разорвало, они быстро сгорели бы. Ракета, однако, резко уменьшила скорость. Она шла уже над самыми тучами.

На экране перископа, направленного назад, Николай Петрович увидел, как ярким пламенем вспыхнули два ближайших конусовидных парашюта. Они не выдержали, загорелись от трения о воздух. Быстрым движением Рындина передвинул рычаг дальше. Сзади выскочил еще один трос с шестью парашютами. Снова резкий толчок встряхнул ракету — и она скрылась в тучах. Уже ничего не было видно ни в один из телескопов. Словно густое белое молоко залило все.

Сокол не выдержал. Он спрятал побледневшее лицо в подушку гамака, чтобы ничего не видеть, ничего не слышать. Гуро, по внешнему виду, сохранял спокойствие. И только сжатые челюсти его указывали на волнение этого железного человека. Василий слышал, как стучит его собственное сердце, а пальцы его неволь-

но хватались за край гамака каждый раз, когда ракету словно кто-то толкал назад.

Николай Петрович вел ракету вниз вслепую. Он работал, как хорошо налаженный механизм, как машина. Мозг его автоматически отмечал то, что показывали приборы. Скорость шесть километров в секунду... пять... четыре... тучи не рассеиваются... Они на Венере, должно быть, стелются совсем низко над поверхностью планеты. Скорость три... два километра в секунду. Ракета медленно повернулась хвостом вниз, тросы с парашютами между тем автоматически передвигались вдоль нее к передней выпуклой части. Теперь она летела уже вперед хвостом. Это было правильно, это должно было еще немного облегчить спуск. Кривая линия пути корабля пронизывала тучи по касательной к поверхности планеты. Когда ж окончатся эти тучи?..

И сразу прояснилось. Возглас удивления сорвался с уст Василия. Широко раскрытыми глазами смотрел он на экран.

Тучи остались наверху. Зеленый ковер буйной растительности покрывал поверхность Венеры. Что это было — заросли первобытного леса, или кусты, или трава — нельзя было рассмотреть. Но этот ковер покрывал собою всю неровную поверхность, насколько хватал глаз. Вон серебрится вода... и скалы, острые скалы поднимают свои вершины из зелени. Ракета мчится по кривой линии к ним...

Николай Петрович конвульсивно нажал на рычаг управления взрывами. Три взрыва один за другим ударили вниз, останавливая падение ракеты. Пружинная стальная спираль выдвинулась из нижнего, хвостового конца корабля, готовая принять на себя удар о грунт. Ракета прыгнула, на миг остановилась, задержанная взрывами, — и в туче дыма от взрывов снова полетела вниз. Еще нажим на рычаг, еще взрывы... Корабль замедлил свое падение, но грунт был слишком близко.

Он приближался с невероятной быстротой. Рындин сделал последнее усилие, чтоб переменить направление ракеты. Он схватил левой рукой рукоятку управления стабилизаторами-плавниками. Корабль повернул в сторону. Теперь он уже не прямо падал, он словно скользил под углом к почве. Еще взрывы, еще...

Василий видел острые вершины скал, словно готовившихся проткнуть ракету, как иглами. Они летели вверх, навстречу раке-

те, которая содрогалась от взрывов и все же не могла остановить своего падения.

Николай Петрович откинулся на спинку кресла и закрыл глаза — впервые за все время приближения к Венере, впервые за все время снижения. Теперь он ничем не мог помочь делу. Взрывы продолжались один за другим автоматически. Оставалась еще спираль. Если ракета упадет, как он рассчитал, тяжелым хвостом вниз... Несчастливый спуск... Несчастливое снижение... В этом пункте расчеты старого академика не осуществились, ему не посчастливилось снизить ракетный корабль на водную поверхность. А это было бы совсем безопасным делом. Однако, кто мог думать о том, что инфракрасный экран откажется работать? Кто мог сказать что-нибудь заранее об этих неизвестных таинственных волнах, которые влияли на него?..

Тяжкий толчок встряхнул ракету. Василий почувствовал, как вокруг него все зазвенело. Что-то упало, разбилось. Гамак, в котором он лежал, прогнулся вниз и снова толкнул его вверх. Ракета подпрыгнула и снова упала. Это, должно быть, действовала спираль. Один за другим ощущались тяжелые толчки, удары о почву. В перископах все вертелось, ничего нельзя было рассмотреть. Ракета катилась куда-то вниз, перевортываясь и колотясь о камни.

Все смешалось в глазах Василия, — потолок, пол, стены. Больше он ничего не помнил...

Мандрівники на Венеру закінчили першу половину своєї подорожі.
Їхня ракета — на Венері.

На цьому закінчується і перша половина роману В. Владка. Продовження
його — читайте в наступних номерах „Знання та праця”.

Редакції й авторів цікаво вислухати думку читачів про роман „Аргонавти воєсвіту”.

Надішліть свої думки про роман до редакції.

НЕВЕДОМЫЙ МИР

Бледный фиолетоватый свет пробивался сквозь окна телескопов и глубокие иллюминаторы центральной каюты. В полутьме перед глазами Василия медленно проплывали большие голубые, красные и зеленые круги. Страшно болела голова. Что же, в конце концов, произошло? Почему так темно?

Василий напряженно припоминал: кажется, он потерял сознание. Но — он словно бы отчетливо помнил, что сознание уже возвращалось к нему после этого. Или, может быть, это лишь чудилось ему?

Нет, он хорошо помнит. Было так. Он раскрыл глаза — и странный покой, странная тишина удивили его. Это он помнил. Кажется, в каюте тогда было немного светлей. Василий обвел взглядом каюту, ища товарищей. И взгляд его остановился на большом экране перископа.

Он светился, на нем покачивались зеленые верхушки странных растений — словно ветер пробегал по ним. Лес на Венере?.. Но не успел Василий дать тогда себе ответ на этот вопрос, как глаза его широко раскрылись от удивления, и он застыл, ухватившись руками за края гамака.

Из-за вершин невиданных растений появилась голова чудовищного животного. Словно гигантский дракон полз среди зарослей, поднимая над верхушками деревьев свою ужасную голову. Громадные, неподвижные глаза мертво сидели по бокам головы. Гигантские изогнутые челюсти двигались, расходясь и смыкаясь, как две острые кривые сабли. Чудище придвигалось ближе, ближе, за его головой тянулось блестящее желто-коричневое тело. Еще миг — и все исчезло.

А может быть и не исчезло, может быть, это Василий сам опустил утомленную голову, прячась от страшного привидения? Казалось ему — и не хотелось думать, что могло быть иначе! — что он сразу опять поднял голову. На экране перископа уже ничего не было. Фиолетоватый свет, бледный. Фантастический свет заполнял весь большой экран. На его фоне медленно проплывали неровные волны. Это было все.

Действительно ли видел Василий страшное чудище, или это был только кошмар? Никто не мог ответить. Василий поднял руку. Его поразила тяжесть этой руки, словно налитой свинцом. Да, все приходило в норму. Вот полностью вернулся вес всего существующего, вес человека. Интересно!.. Василий едва заметно усмехнулся, но сразу же поймал себя на том, что он опять со страхом смотрит на экран перископа... Что за странные волны пробегают по нему?.

Тихий отдаленный стон послышался среди глубокой тишины. Василий быстро поднял голову, прислушался. Как он раньше не подумал о товарищах? Кто это стонет? В полутьме он заметил неподвижные фигуры Гуро и Сокола. Путешественники лежали в своих гамаках, словно спали. Кто же стонал?

Тревожная мысль мелькнула в голове Василия: не произошло ли несчастье с Николаем Петровичем? Он быстро расстегнул пряжки ремней, которые привязывали его к гамаку, соскочил на

пол. Странно: он шатался, он лишь с большими усилиями переступал с ноги на ногу. Тело, уже привыкшее к невесомости, к особой легкости движений — было теперь непослушным, отяжелевшим. Впрочем, все это — пустяки. Скорей туда, к Николаю Петровичу!

Здесь, в навигаторской рубке, было немного светлей. Было ясно видно — Николай Петрович лежал на боку, странно пере-
весившись через

край пульта управления. Руки его повисли, одна нога была на кресле, другая беспомощно свисала с пульта, не опираясь на пол. Николай Петрович время от времени тихо стонал.

Василий побледнел. Он почувствовал, как задрожали у него пальцы.

— Николай Петрович! Николай Петрович, что с вами? — проговорил он, осторожно прикасаясь к руке Рындина.

Старый академик тихо простонал:

— Воды...

И вмиг Василий вновь сделался энергичным, проворным и подвижным юношей, каким он был ранее. Чувство ответственности, сознание необходимости помочь Рындину — преодолели невольную вялость.

Он осторожно поднял обессилившее тело Рындина и посадил старика в кресло. Голова Николая Петровича опустилась на мягкую спинку. На лбу Рындина запеклась кровь; глубокий порез проходил через весь лоб. Глаза Николая Петровича раскрылись. Потускневший взгляд остановился на Василии. Губы зашевелились.

— Воды... — опять услышал Рыжко.

Как молния рванулся Василий назад в каюту, схватил там бутылку с водой, чашку, налил воды и подал Рындину. Тот, не отрываясь, жадно выпил. Теперь академик дышал ровнее. Он внимательно смотрел на Василия, пытаясь что-то у него спросить. Говорить ему было еще трудно. Однако Василий понял вопрос сразу, как только Николай Петрович начал:

— А как...

— Кажется, все в порядке, Николай Петрович — быстро ответил Василий, — сейчас я вам все скажу. Все живы, здоровы. Только спят. Вот сейчас!

Он снова сбежал в центральную каюту. Уже из дверей он увидел, что Гуро поднялся и стоит, расправляя руки.

— Товарищ Гуро, — обратился к нему Рыжко, — с Николаем Петровичем неладно. И я не знаю, что с Соколом...

Но тихий голос Сокола сразу успокоил его:

— Со мной ничего. Просто, слабость. А вот что с Николаем Петровичем?

— Довольно лежать, Вадим, — тоном приказания сказал Гуро. — Вылезайте из гамака. Надо работать. Василий, пойдем к Николаю Петровичу. Что с ним?

Через несколько минут все слушали слабый еще голос Рындина. Старый академик, руководитель небесного корабля, до последнего момента не сходил со своего поста. Последний удар ракеты о почву вытолкнул его из кресла и бросил на пульт, на рукоятки. Ударившись лбом о пульт, Николай Петрович поранил голову. Кровь залила лицо, но думать об этом было некогда. Вслепую Рындин нашел ручки управления электричеством и выключил рубильник, чтобы случайное замыкание тока не наделало беды. Потом, почувствовав, что ракета остановилась и лежит неподвижно, Рындин попробовал подняться. Но не смог. Непреодолимая слабость охватила его тело. Он потерял сознание. Сколько времени он пролежал так, между креслом и пультом, он не знал.

— Кажется мне лишь, — добавил он, — что часы показывали в момент нашего падения двенадцать часов и тридцать четыре минуты. А сколько теперь?

Взгляды всех остановились на циферблате главных часов. И общий возглас удивления раздался в каюте: часы показывали девять часов и восемнадцать минут!..

— Что-то не так, — сказал, хмурясь, Гуро. — Не представляю себе, чтоб мы все пролежали без сознания около девяти часов.

— И, тем не менее, это очевидно так, — склонил голову Сокол. — Странно лишь, что сознание потеряли мы все сразу. И почти одновременно оно к нам вернулось.

Рындин молчал, что-то обдумывая. Наконец, он сказал:

— Факт остается фактом. Мы лежали без сознания приблизительно девять часов. Я думаю, что такой долгий и общий обморок является реакцией человеческого организма на внезапное появление веса.

— Веса?

— Да. Других объяснений я дать пока что не могу. Появление веса — немаловажный фактор. Я еще и сейчас чувствую слабость. Мне трудно пошевелить ногой или рукой.

В доказательство этого, Рындин медленно поднял руку, рассматривая ее, как что-то новое и незнакомое. Василий совсем неожиданно засмеялся:

— Так или не так, а все в порядке. Мы — на Венере! Ура, ура, ура — и так трижды! Первое собрание представителей широких человеческих трудящихся масс на негостеприимной нашей соседке Венере объявляю открытым!

Он отступил на шаг и торжественно продолжал, с радостью замечая, как появляются первые улыбки на встревоженных лицах его товарищей:

— Позвольте поздравить вас, уважаемые товарищи, с прибытием. Это знаменательное событие в нашем ракетном житье свидетельствует о том, что мы живем, будем жить, и с честью выполним нашу задачу. Жалею лишь, что еще не явились приветствовать нас представители трудового населения Венеры...

Он замолчал, беспокойно потирая рукой лоб.

— Что такое, Василий? Почему прекратилась ваша речь? — спросил у него Сокол, еще улыбаясь. — Такое красноречивое вступление — и вот тебе!

Но Василий уже не смеялся. Он вспомнил свое странное видение, чудовищную фигуру дракона. Страшилище так ярко стояло в его памяти, что он даже вздрогнул.

— Да что с тобой, мальчуган? Что случилось? — забеспокоился уже и Гуро.

— Сейчас объясню, — ответил Рыжко.

Сжато и коротко он рассказал о том, что видел — или о том, что ему мерещилось. Он обрисовал облик чудовища, его голову, вид деревьев, леса, не забыв даже про ветер. Глубокое молчание было ему ответом. Его нарушил Сокол:

— Вы уверены, что видели эти острые кривые челюсти?

— Да, уверен.

Сокол пожал плечами:

— Пока что наука ничего не знает о таких чудовищах. То, что рассказал Василий, не напоминает мне ни одного из существ юрского периода.

— Так что ж из этого? — нетерпеливо перебил его Гуро. — Вы полагаете, что если среди известных вашей палеонтологии животных не было такого чудовища, то оно уже никак не может существовать тут, на Венере?

— Этого я не говорил. Просто, мне кажется, что такого животного не может быть среди ящеров, характерных для юрского периода. Не может его быть и среди гигантских млекопитающих.

— Почему?

— Голова, которую так хорошо обрисовал Василий, может принадлежать лишь какому-нибудь представителю насекомых. Да, да, не удивляйтесь. Именно для них типичны такие саблевидные челюсти.

— Итак, вы хотите сказать, что это была букашка? — иронически опросил Гуро, не скрывая усмешки.

— И этого я не хочу сказать, — сдержанно ответил Сокол. — Прежде всего, я говорил «насекомое», а не «букашка». Это разница. Но дело не в этом. По-моему, если уж хотите знать, это не было ни насекомое, ни ящер, ни что-нибудь иное...

Он сделал паузу и все так же сдержанно, но с оттенком насмешки закончил:

— Это — плод буйной фантазии Василия. Скажем, это ему примерещилось, — вот и все, — продолжал он, словно не замечая гневных взглядов, которые бросал на него юноша. — Очень интересно, разумеется, с психологической точки зрения: как создается в воображении человека фантастический образ, составленный из разных, совсем не однородных частей. Возможно, что когда-нибудь на Василия произвело очень сильное впечатление рассматривание какого-нибудь насекомого под увеличительным стеклом, не так ли? — сделал насмешливый выпад Сокол, теперь уже обращаясь прямо к Василию.

Но юноша, слегка смутившись, ответил:

— Не помню такого случая. И вообще не люблю насекомых...

Сокол засмеялся. Ему понравилось упорство юноши.

— Значит, вы уверены, что это вам не примерещилось?

— Нет, я не знаю. Только не помню, чтобы я видел такое когда-нибудь раньше, хотя бы и под увеличительным стеклом.

Гуро поднял руку:

— Довольно, Вадим. Могу добавить кое-что со своей стороны. Очень странно, но мне тоже привиделось такое чудовище. Совершенно такое же. Привиделось сегодня. Понимаете? Очевидно, в одно время с Василием.

Лицо его было настолько серьезным, что Соколу и в голову не пришло рассматривать это заявление, как шутку. Он пожал плечами.

— Не знаю. Ничего не могу сказать.

Между тем Рындин, с трудом поднявшись, подошел к шкафу с приборами, взял оттуда сложный стеклянный прибор и ласково сказал:

— Не стоит пререкаться, друзья мои. Мы еще успеем узнать все. Могу лишь сказать, что, как мне кажется, неожиданностей у нас тут будет больше, чем могла бы себе представить самая буйная фантазия. А сейчас первое, что мы должны сделать, это — проанализировать состав воздуха Венеры. Вадим, я попрошу вас сделать это.

Сокол взял стеклянный прибор и вышел. Гуро обнял Василия за плечи и ласково сказал ему, понизив голос:

— Мальчуган мой, я должен сказать, что все это тебе не мерещилось. Я не хотел говорить об этом всем, чтобы не беспокоить. Но я точно так же видел твоего дракона. И очень сожалел, что был отделен от него стеклом и из-за этого не мог испытовать пулей прочность его кожи. Нет, нет, сейчас мы больше не будем говорить об этом. Не стоит. Успеем еще, как сказал Николай Петрович. А сейчас пойдем, посмотрим, как идет исследование воздуха.

В центральной каюте Сокол работал возле небольшого прибора, выгнутые трубки, которого входили в стену. Это был автоматический насос, который нагнетал

воздух в стеклянные резервуары. Сложный механизм позволял открывать и закрывать краны на наружной стене ракеты. Воздух, всасываемый насосом, проходил по трубкам из атмосферы и сжимался в резервуарах. Геолог рассеянно оглянулся на Гуро и Василия и продолжал работу. Затем он оглянулся еще раз. Легкая улыбка появилась на его лице. Не отрываясь от аппарата, он насмешливо сказал, подмигивая Гуро:

— Тэк-с... дракон, говорите?

Гуро смолчал; лишь челюсти его сердито сжались. Между тем, Сокол закончил набирать воздух. Он осторожно выкрутил стеклянные резервуары и понес их в навигаторскую. Проба воздуха Венеры... Что она даст?

Анализ воздуха продолжался всего несколько минут. Николай Петрович успел только перевязать раненый лоб бинтом, когда Сокол, хмурясь, уже вручил ему клочок бумаги с цифрами. Рындин взглянул на бумагу. Брови его сдвинулись, нависнув над глазами. Гуро и Василий смотрели на него с немим вопросом. Рындин аккуратно сложил листок бумаги и положил в карман.

— Немного спустя проверю сам, — сказал он. — Тщательно проверю. Однако... друзья мои, из корабля, должно быть, нам не придется выходить иначе, как в скафандрах.

В скафандрах? На свежий воздух — в скафандрах? Василий ничего не понимал. Но Рындин хмуро пояснил:

— По первым данным анализа — в атмосфере Венеры не какие-нибудь там части процента углекислоты, как на Земле, а... примерно, друзья мои, пятнадцать процентов углекислоты! Этого многовато для нас. Человек не может свободно дышать таким воздухом. Понятно?

Тревожное молчание царило в каюте. Пятнадцать процентов углекислоты... как же работать в таком воздухе? Как искать ненайденные элементы?..

Рындин еще раз развернул листок бумаги с анализом, проверил цифры. Но — зачем было делать это? Разве ошибся бы такой опытный исследователь, как Сокол? Все было правильно. Гуро свирепо ударил кулаком о стенку.

— Все равно, мы сделаем... — начал он и замер, точно так же, как и все остальные, прислушиваясь.

Ракета вздрогнула от тяжелых толчков. Словно кто-то, напрягаясь, силился опрокинуть ее на бок. Вот она словно бы чуть-чуть поднялась — и вновь стала на место. Казалось, какой-то великан упорно дергал ее. Звон встревоженного металла каждый раз отвечал на эти толчки. Василий видел близ себя бледное лицо Сокола, сдвинутые брови Рындина, сжатые челюсти Гуро. Молчание нарушалось лишь тяжелым скрежетом по металлу, грохотом и резкими толчками. Вдруг Николай Петрович поднял руку и

показал на окно над пультом управления. Василий невольно схватился за сильное плечо Гуро.

Неясная туманная тень закрыла собою все. Резким движением что-то промелькнуло за окном. Словно гигантская лапахватила по кварцевому стеклу, сжатому стальной рамой. А еще через мгновение за окном разлилось голубоватое сияние, какой-то вибрирующий свет. Ближе, ближе.

Огромные глаза — зеленоватые, сверкающие глаза неизвестного чудовища смотрели в окно. Не было ни носа, ничего, кроме этих глаз, которые бессмысленно смотрели вперед, да складчатого огромного рта, покрытого твердыми наростами. Голубоватое сияние исходило именно изо рта. И в обе стороны от рта расходились и угрожающе смыкались кривые, как серпы, зубчатые челюсти; раздвигались и смыкались, как две кривые острые сабли.

Это продолжалось одно лишь мгновение. Через какую-нибудь секунду за окном уже опять ничего не было. Страшное чудовище исчезло в глубокой фиолетовой полутьме, хранившей в себе тайны неведомого мира.

ЗНАМЯ НА ВЕНЕРЕ

Двое людей в скафандрах с круглыми металлическими шлемами вышли из отверстия ракетного корабля. Люк закрылся за ними. Первый человек нес в руках какую-то завернутую вещь; другой держал в руке короткую автоматическую винтовку. Это был Рындин и Гуро.

Николай Петрович легко соскочил на почву, огляделся вокруг себя. Роскошное, влажное и теплое утро встречало их. Большие, острые скалы поднимались высоко вверх справа и слева, скалы, покрытые буйной растительностью. Крутые отвесные склоны бежали вдогонку за скалами — и не в силах были догнать их. А там, высоко над скалами, медленно плыли тяжелые белые тучи, одна за другой, одна за другой. Солнце, должно быть, никогда не пробивало их своими лучами. Но и без этого свет заливал

скалы и растения, даже тут, в этом глубоком ущелье, где лежал ракетный корабль.

Гуро внимательно осматривал скалы. После ночных приключений он не доверял Венере. Кто знает, может быть вот здесь, за ближайшей скалой, прячется еще какое-нибудь чудище? Нужно быть наготове. И привычная рука Гуро крепко сжимала винтовку.

Рындин смотрел вверх, на вершины скал. Гуро услышал его голос.

— Здравствуй, неведомый край, чудесная планета! — торжественно сказал старый академик, простирая вперед руки: — Здравствуй, страна, по которой еще никогда не ступала нога человека! Мы первые пришли к тебе — и мы заставим тебя открыть свои тайны!.. Пойдем, Борис. Вот эта высокая скала — самая подходящая для нашей цели.

Быстрыми шагами он двинулся вперед, к указанной им скале. Гуро шел за ним, внимательно и напряженно. Он осматривался по сторонам, приглядываясь ко всем подозрительным местам. Да, академика Рындина было кому защищать!..

Вадим Сокол и Василий Рыжко следили за передвижением товарищей в иллюминаторы каюты. Отсюда им был виден каждый их шаг. Оба они завидовали Рындину и Гуро, обоим им тоже хотелось выйти на почву Венеры. Но Николай Петрович сказал;

— Если бы не было Василия, тогда все равно вам, Вадим, пришлось бы на первый раз оставаться в корабле. Мы не можем оставлять ракету без присмотра. А теперь, когда с нами Василий, вам вдвоем будет веселее. Зато обещаю вам, что в следующий раз останусь я, а вы втроем выйдете.

Что оставалось делать Соколу и Рыжко, как не выполнить это распоряжение? Что оставалось им теперь, как не следить за каждым движением людей в скафандрах, которые шли по склону ущелья?..

Но вот Рындин остановился. Он смотрел себе под ноги — удивленно и внимательно.

— Видели вы что-нибудь подобное? — спросил он у Гуро.

— Нет, — честно ответил тот, переступая с ноги на ногу.

Вся почва под ногами путешественников в этом месте была покрыта мириадами насекомых. Разнообразнейших форм: длинные, короткие, круглые, продолговатые, с шестью, десятью, с сотнями ног, величиной с муху и величиной с большого жука-

рогача, — насекомые быстро двигались одним сплошным потоком. Этот поток спускался с одного склона, пересекал ущелье и поднимался на другой склон. Насекомые бежали одно за другим, как будто кто-то их гнал. Ни одно не отклонялось в сторону от главного потока, словно бы здесь было постоянное русло этой речки живых существ.

Гуро осторожно поставил ногу в резиновом сапоге в середине этого потока. С отвращением он услышал, как хрустят и давятся насекомые под его ногами. Но это не останавливало потока. Он двигался дальше и дальше.

— Странная вещь, — сказал охотник. — Впрочем, это для нас не препятствие.

И он несколькими шагами перешел через живой поток, почти по колена погружаясь в него. Николай Петрович шел вслед за ним.

Группа высоких красивых деревьев, напоминавших пальмы, с широкими опахалами больших зеленых листьев, преградила им дорогу. Николай Петрович указал на них Гуро:

— По-видимому, Сокол имел полный резон, когда уверял нас, что на Венере мы встретимся с чем-то подобным нашему земному юрскому периоду. Видите, Борис? Это типичные для юрского периода деревья. Растительность своим видом подтверждает предположения Сокола.

— Не могу спорить насчет растительности, — ответил охотник. — А вот животные здешние что-то не совсем такие, как расписывал нам Вадим... Посмотрите на это очаровательное творение!

Рука Гуро указывала куда-то между стволами деревьев. На толстых блестящих нитках гигантской паутины, которая сплошной пеленой занимала весь просвет между двумя деревьями, сидел огромный, жирный, мохнатый паук. Он был величиною с человеческую голову, с длинными кривыми лапами. Десятки маленьких глазок смотрели на путешественников. Паук перебирал лапами нитки паутины — и неизвестно было, собирается ли он убежать, перепуганный, или, наоборот, готовится прыгнуть на людей.

— Как он вам нравится? — спросил Гуро Рындина, на всякий случай держа наготове ружье.

— Довольно омерзительная тварь... — ответил Николай Петрович. — Хотя, Борис, существование такой твари совсем не

опровергает утверждений Вадима. Пауки, вполне возможно, существовали и среди наших юрских животных. Может быть, еще более крупные, чем этот.

— И вот такие чудища, как то, что заглядывало сегодня ночью в наши окна?

Николай Петрович не ответил. Действительно, ночное чудище ничем не напоминало ни одного существа юрского периода. Это вынужден был признать и Сокол...

— А это что? — воскликнул Гуро, отступая на шаг назад. Из-за большой скалы навстречу им вылетела целая туча летучих насекомых. Насекомые с жужжанием облепили шлемы и скафандры. Гуро видел, как они извивались, как изгибали свои длинные тела, стараясь ужалить толстое стекло шлема, видел, как сгибались их острые жала, скользя по стеклу, как вытекали из жал небольшие капельки прозрачной желтоватой жидкости. К счастью, даже острейшие жала насекомых бессильны были проткнуть скафандры из прочной резины, покрытой сверху еще тонкой металлической сеткой.

Отмахиваясь рукой и винтовкой, Гуро вышел из тени от скалы на свет. Тотчас же насекомые прекратили свое нападение. Они сразу исчезли. Заинтересованный Гуро опять подошел к скале, в ее глубокую тень. И насекомые снова облепили его.

— Николай Петрович, — крикнул охотник Рындину, который все еще отбивался от насекомых на том же самом месте, — идите сюда! Кажется, они очень не любят света. Это что-то похожее на ночных насекомых. Они нападают лишь в тени!

Он продемонстрировал Николаю Петровичу еще раз, как насекомые облепляют его в тени — и как моментально исчезают с освещенного места.

— Хорошо, — ответил Рындин. — Но как же нам все-таки пройти дальше? Тут, в проходе между скалами, — эти насекомые. Там, между деревьями, — паук...

— Очень просто, Николай Петрович, — ответил Гуро. — Можно было бы идти, не обращая внимания на насекомых, потому что им все равно не удалось бы проколоть жалами ни скафандры, ни шлемы. Но, с вашего позволения, я прочищу путь сквозь паутину. Знаете, издавна не люблю пауков...

И он нацелился винтовкою в жирного паука.

— Одну секунду, Борис, — остановил его Рындин. — Это очень редкостный экземпляр. Мне хочется оставить что-нибудь на память о нем.

Он достал свой миниатюрный фотоаппарат и снял паука, который все так же перебирал лапами.

— Теперь можете.

Сухой звук выстрела раздался в воздухе. Паук подпрыгнул и упал. Собственно, упал уже не паук, а разорванные остатки его. Потому что Гуро не принял в расчет, что его винтовка заряжена разрывными пулями. Толчок воздуха разорвал паутину, которая свисала теперь с обоих стволов, открывая путь.

Теперь путешественникам ничто не мешало. Они прошли между стволами и остановились у подножья той самой скалы, которая понравилась Николаю Петровичу. Еще несколько секунд — и оба стояли на ее вершине. Отсюда открывался более широкий пейзаж, чем снизу.

Ракета лежала в узком промежутке между скалами. Промежуток этот, глубиной метров в пятьдесят-шестьдесят, напоминал высохшее старое русло реки. Но если здесь и протекала когда-нибудь речка, то это было очень давно, потому что сейчас все ущелье было покрыто деревьями, росшими всюду между скалами. Это были странные деревья; иногда они были похожи на пальмы, иногда напоминали гигантские папоротники. Часть из них высоко

поднимала свои зеленые верхушки, другие деревья, наоборот, были, раскидистыми и словно ползли по почве, обвивая скалы. Николай Петрович покачал головою:

— Дрянное местечко выбрали мы себе для посадки... Как-то мы будем отсюда выбираться?. Ведь тут никакие колеса не помогут. И стартовать из этого ущелья невесело... Ишь, сколько скал!..

— К сожалению, нам не пришлось выбирать, насколько я помню.

— Это так, но... ну ладно. Об этом после. Времени у нас еще хватит. Давайте вот тут, Борис. Интересно, видят ли нас товарищи?

— Разумеется, Николай Петрович. Ведь мы на самой вершине.

Действительно, Сокол и Рыжко видели все. Лишь на несколько минут Гуро и Рындин исчезли с их поля зрения. Это было тогда, когда на путников напали летучие насекомые. Затем Василий и Вадим видели, как Гуро стрелял.

— Вот уже и есть Борису утеха. Уже охотится, — сказал Сокол.

— Значит, увидим добычу. Может быть — какого-нибудь зайца или что-нибудь вроде этого. Попируем, попируем, — засмеялся Василий.

Теперь они видели Рындина и Гуро на вершине высокой скалы, которая господствовала над всем ущельем. Гуро, казалось, разбивал что-то киркой на вершине горы. Рындин развертывал ту вещь, которую он принес с собой. Еще через несколько минут Николай Петрович поставил на вершине что-то похожее на широкую толстую трубку. От нее отходили проволочные стержни. Гуро аккуратно привязал их к вбитым в скалу колышкам.

Тогда Николай Петрович обернулся к ракетному кораблю и помахал рукой, словно требуя внимания товарищей.

Гуро тоже смотрел в эту сторону.

— Да видим, видим! — сказал Василий, смотря в окно.

Николай Петрович наклонился. Он что-то делал с той толстой трубой, которая торчала теперь из почвы. И вот эта труба начала вырастать. Казалось, она вытягивалась вверх, как подзорная труба, коленом из колена. Так это и было. Труба удлинялась,

все время утончаясь. Но верхняя ее часть была все-таки широкой. Вот труба поднялась на четыре-пять метров. Остановилась...

И на ее верхнем конце, который сразу сделался тонким, распустилось большое красное знамя. Знамя Советского Союза, с золотым серпом и молотом, громадное шелковое красное знамя. Ветер подхватил его полотнище и замахал им. Труба слегка покачивалась, поддерживаемая подпорками.

Советское красное знамя развевалось на высокой скале Венеры!

Это была торжественная минута. Николай Петрович и Борис Гуро стояли на вершине скалы, под знаменем, как часовые. Василий схватил руку Сокола:

— Как красиво! Как подходит красное знамя к этому зеленому склону! Советское знамя, товарищ Сокол! Наше знамя!

Юноша забыл обо всем. Он запел торжественный гимн Советского Союза, могучий «Интернационал». Он пел его громко, выпрямившись во весь рост и дирижируя руками. Сокол подхватил. Гимн звучал в каюте корабля, — но казалось, что поет все ущелье, что поют и скалы, и деревья, и густые заросли...

Когда гимн окончился, в каюте с минуту царило молчание. Затем Сокол указал Василию на небо:

— Кажется, будет здоровенный дождь. Смотрите, какая туча.

Действительно, из-за гор медленно выплывала огромная темная туча. Она двигалась низко-низко, почти касаясь своей тяжелой массой верхушек деревьев. Очевидно, ее заметили и Рындин с Гуро, потому что, проверив еще раз крепления древка, они поспешили вниз со скалы. Туча медленно закрывала все небо.

Вот уже упали первые большие тяжелые капли. Они прокатились по стеклу иллюминаторов, оставляя на нем широкие мокрые следы. И почти сейчас же после этого дождь хлынул, как из ведра. Это был не обычный дождь, в котором можно увидеть отдельные капли. Казалось, что сверху, с неба вода льется прямо большими бурными ручьями, словно кто-то там, наверху, опрокидывал одну за другою громадные бочки, наполненные водой. Разом громадные потоки воды ринулись между скалами вдоль склонов ущелья.

— Как-то наши доберутся до корабля, — вздохнул Василий. Сокол, не отвечая ему, прислушался. Ему показалось, что он

слышит, как открывается наружный люк.

— Идут, идут! — радостно крикнул и Василий.

Еще через минуту открылись двери каюты, и на пороге появились Гуро и Рындин. Вода сбегала с них на пол, вода покрывала их с ног до головы. Василий бросился помочь Рындину снимать шлем.

— А мы уж беспокоились, Николай Петрович, — возбужденно говорил он, заглядывая в окно шлема.

— Ага, дождь такой, что будьте спокойны! — ответил ему Гуро. — Мне не приходилось видеть такого даже под тропиками... Вон, видите, что делается?..

Склоны ущелья превратились в громадные сплошные водопады. Вода мчалась с них вниз, образуя на дне ущелья бурную реку.

— Может быть, эта вода вынесет нас отсюда? — сказал Гуро. Но, не ожидая ответа, махнул рукою: — Да где там! Стоит лишь вспомнить, как низко лежит ракета...

Василий тоже смотрел в окно. Если уж Гуро никогда не видел такого дождя, то Василий и подавно. Ведь ему не случалось бывать под тропиками. Ой, какой дождь!.. От одного взгляда на него человеку делалось холодно. Василий чувствовал, что и в самом деле у него как будто застыли кончики пальцев на ногах. И затем — левая нога внезапно как-то странно онемела. Это еще что за новость?..

Невольно Василий ощупал рукой ногу у колена, где она, казалось, слегка опухла, — и вскрикнул. Его пальцы нащупали какую-то шишку величиной с кулак.

— Что такое, Василий?

Василий испуганно смотрел на ногу. У колена на брюках сидело странное существо. Оно было округлым, как полушарие, темно-красного цвета. Оно не двигалось, его короткие лапы впились в брюки.

— Помахай ногой, Василий. Оно свалится.

Нет, это не помогало. Отвратительная тварь держалась цепко. Гуро взял шомпол, которым он чистил винтовку, и попытался столкнуть им тварь с ноги. Но она не отскакивала. И тут Гуро распознал, что это такое.

— Товарищи, это клещ! — воскликнул он. — Он насосался крови и поэтому так раздулся. Стой, Василий!

Шомполом он отрывал от брюк одну за другой лапы отвратительного существа, не давая им прицепляться снова. Наконец, клещ упал на пол, беспомощно перебирая в воздухе лапами. Бледный Василий ощупывал колено: как это он не слышал, когда клещ кусал его?.

Гуро закатил брюки Василия, осматривая ранку. На коже было ясно видно красное пятно. Отсюда клещ сосал кровь.

— И вы ничего не чувствовали? — с удивлением спросил Рындин.

Василий молча покачал головой.

— Нет ничего удивительного, — сказал Гуро, обмывая ранку Василия спиртом. — Вполне возможно, что эта порода клещей прежде всего впускает в кожу какой-то свой сок, который делает кожу нечувствительной.

— Нога у меня онемела... поэтому я и обратил внимание, — сказал наконец Василий.

— То-то же и оно, — заметил Гуро. — Ну, будем надеяться, что он не ядовит, этот клещ. Кажется, они никогда не бывают ядовитыми. Теперь мне любопытно, откуда он взялся здесь? Не с Земли же мы его с собой привезли?...

— Пролез в люк, когда мы выходили, или возвращались, — высказал свое предположение Сокол,

— Не похоже на это... Да будет тебе, Василий! Чего ты такой, словно прибитый? Ну, кусал тебя клещ, ну, сняли его. И все. В жизни еще не такое случается. Нужно не обращать внимания на такие пустяки, — успокаивающе сказал Гуро. — Брось, мальчуган, не обращай внимания!..

— Вы, Борис, обратите внимание на вашу правую ногу. Кажется, там такой же самый сидит, — заметил Сокол.

Гуро подпрыгнул чуть не до потолка:

— Где? Где? — свирепо хлопнул он себя рукою по ноге. Лицо его покраснело. Из-под руки брызнула кровь. Сильная рука Гуро раздавила клеща.

— Фу, какая мерзость! — сказал он.

— Не обращайтесь внимания, Борис. Это же пустяки. Вы только что сказали это Василию, — насмешливо отозвался Сокол, едва сдерживая смех.

Гуро сердито взглянул на него.

— Разве вы не говорили этого? Кажется, я хорошо слышал... По-моему, нужно внимательно осмотреть скафандры. По-видимому, вы принесли клещей на них.

Внимательный осмотр скафандра подтвердил правильность предположения Сокола. На одном из скафандров сидели целых три клеща, на другом — один. Они были немедленно уничтожены.

Дождь утихал. Путешественники, сидя за закуской, посматривали в окно. Бурные водопады все еще мчались по склонам ущелья, но уже не так неумно, как раньше. Красное знамя, вымокшее под дождем, спадало вдоль древка тяжелыми складками. Николай Петрович, первым закончивший есть, постучал пальцем по столу:

— Внимание, товарищи! Слушайте сейчас о дальнейшем плане. Нам нужно определить две вещи. Первое: сможем ли мы вызволить ракету из скал, используя такой дождь. Очевидно, они бывают тут частенько. Второе — нужно осмотреть тот район поверхности Венеры, где мы находимся. Я предлагаю сделать так. Я останусь на этот раз в ракете. Вы пойдете все вместе — Борис, Вадим и Василий. Напоминаю, что всем вам необходимо быть вооруженными. Единственная моя просьба к вам — на этот раз не расходиться, а держаться вместе. Это будет первая ваша серьезная разведка.

— Можно собираться, Николай Петрович? — моментально схватился Василий. Юноша горел желанием как можно скорей очутиться вне стен ракетного корабля. Николай Петрович от души рассмеялся:

— Вы хотите просто вот так, под дождем? Нет, обождите, такое путешествие, боюсь, не даст желательных результатов.

— Да дождь уже затихает...

— Вот, когда прекратится совсем, когда сойдет вся вода, тогда и поговорим. Кажется, еще чуточку воды есть?

Василий взглянул в окно и безнадежно покачал головою:

— Она может быть, еще несколько дней будет сходить... и придется все время сидеть в ракете... и ничего не делать...

Но он и сам понимал, что Рындин говорил резонно. Нельзя было и думать о разведке, пока не сойдет вода, бурными потоками мчавшаяся со склонов ущелья, размывая все новые и новые щели между каменными скалами. Оставалось только ждать.

ЗАРОСЛИ ЮРСКОГО ПЕРИОДА

- Ракета застряла заднею частью!..
- Стабилизаторы целы и не повреждены!
- У правой дюзы помята одна сторона!

Василий произносил эти отрывистые фразы, каждый раз поворачивая перед тем маленький выключатель у себя на груди. Каждый раз выключатель включал переносный передатчик у него на спине. Радиоволны несли его слова в ракету, где внимательно слушал возле громкоговорителя Николай Петрович. Да, Василий, Сокол и Гуро не могли рассказать ничего утешительного академику... Ракета, упав на поверхность Венеры, катилась по скалам. Об этом свидетельствовали все повреждения. Правда, они были невелики, нестрашны, — ведь наружная стенка нигде не была пробита. Однако, помятого было не мало.

Теперь корабль лежал в каменных объятиях. Возвращение домой, на родную старую Землю, превращалось в сложную проблему. Разрешить ее будет вероятно не легче, чем найти элементы, за которыми они прилетели сюда.

Три человека в скафандрах обходили ракету, изучали положение, в котором очутился их корабль. Это была первая вылазка Сокола и Василия. Гуро держал себя, как человек, который уже знает кое-что на Венере. Он рассказал товарищам про встречу с насекомыми, с пауком и т. д. Однако, и без этого рассказа путники обратили бы внимание на то, что поверхность Венеры была густо населена насекомыми. Они кишели, роились повсюду.

— Может быть, наше ущелье почему-нибудь особенно нравится насекомым?.. Может быть, это излюбленнейшее их место? — задумчиво сказал Сокол. — Иначе — чем это объяснить?...

Опыт ночных приключений и встреча Гуро и Рындина с пауком не прошли бесполезно. Все трое товарищей были вооружены. Гуро решительно сказал перед выходом из ракеты:

— Нужно быть готовыми к опасностям.

Сам Гуро взял свою любимую автоматическую винтовку, в магазине которой скрывались тридцать зарядов, тридцать стальных смертоносных шмелей, готовых в любую минуту вылететь туда, куда их направит крепкая рука охотника. Василий был во-

оружен тоже автоматом на двадцать пять зарядов. И лишь Сокол, и без того нагруженный снаряжением геолога — молотком, киркой, лопаткой, — ограничился лишь большим пистолетом, который висел у него на поясе в кожаной кобуре.

Сначала было решено так: ввиду того, что вода еще не вполне сошла, путники лишь осмотрят, в каком положении очутился ракетный корабль, и сейчас же возвратятся обратно. Но затем Николай Петрович согласился все-таки на первый вариант, согласился, чтобы путники хотя немножко ознакомились с районом, куда попал корабль. Василий взял с собой переносный передатчик; а так как постоянный передатчик на ракете при падении немного попортился, разладился, то Николай Петрович условился:

— Разговаривать с вами, друзья мои, я не смогу. Буду только слушать то, что будет рассказывать мне Василий. Если же мне понадобится, чтобы вы немедленно возвратились, то я сделаю один за другим два небольших взрыва. Это будет сигналом к немедленному возвращению. А теперь идите. Желаю успеха!

Едва выйдя за двери ракеты, едва ступив на вязкую еще от недавнего дождя почву Венеры, — путники остановились, пораженные. Остановился даже Гуро, который уже выходил раз из корабля. Но тогда картина была не такой. Нет, не такой!

Ливень освежил все краски пейзажа, заставил их блистать всеми цветами радуги. Глаза путников, привыкшие к сумеркам каюты, привыкшие к однообразным сероватым краскам всего, что было с ними на корабле, — невольно зажмуривались теперь под стеклом шлемов, ослепленные буйной красочностью девственной природы чудесной планеты. Нигде и никогда, даже в самых богатых ботанических садах, не мог бы никто увидеть этого. Венера была действительно сплошной гигантской оранжереей с теплым и влажным воздухом под ее облачным покровом!

Грандиозные вечнозеленые деревья, похожие на араукарии, поднимали высоко вверх яркие шапки своих вершин, покачивавшихся под порывами ветра. Казалось, слышен был шелест их огромных перистых листьев, среди которых виднелись крупные шишки величиною в две-три человеческих головы. Вот с ближайшей араукарии сорвалась одна из таких шишек. Большой коричневый шар пролетел в воздухе, ломая на своем пути ветви, — и скатился по склону к ракете.

Василий невольно отступил на шаг и осмотрелся: не готовит ли еще какое-нибудь дерево неожиданного подарочка, способного убить на месте неосторожного человека?..

Громадный девственный лес окружал ракетный корабль со всех сторон и тянулся до самого горизонта. Кое-где над лесом возвышались зеленые мохнатые шапки араукарий на длинных прямых стволах. Иногда виднелись яркие, длинные конусы каких-то родных братьев земных кипарисов, и высоко поднималась, покачиваясь в прозрачном воздухе, широкая веероподобная листва своеобразного и красивого дерева, напоминавшего редкое на земле дерево гинкго. Высокие стволы араукарий стояли поодаль один от другого; и почти все пространство между ними покрывали густые непролазные заросли растений, которые почти ничем не отличались от пальм.

И действительно, это были настоящие цикадеи с их толстыми невысокими стволами, покрытыми шероховатой корою. Прямо из стволов цикадей буйной развесистой метелкой расходились во все стороны длинные перистые листья, переплетаясь с соседями, едва находившими себе место. Через несколько минут привыкший глаз уже начал отличать цикадей от их соседей — доисторических беннетитов, тоже похожих на пальмы, но с листвою то перистой как у цикадей, то прямой и ровной.

Еще ниже, под перистыми метлами цикадей, в густой влажной тени раскинулись заросли папоротников разнообразнейших форм. Под их причудливо-разрезанными, как тончайшее кружево, листьями не росло уже ничего, потому что эти растения создавали на почве Венеры постоянную темную ночь, вбирая своими листьями последние остатки солнечного света.

Но и здесь, в густой темноте, была своя кипучая жизнь. Мириады насекомых копошились тут, охотясь одно за другим, борясь, выполняя всемирный закон борьбы за существование. Василий сказал Соколу истинную правду во время разговора о драконе, который заглядывал в окно ракеты: юноша в самом деле очень не любил насекомых. И теперь, после того как он убедился, как велико насекомое население Венеры, Василий с радостью, удовлетворенно смотрел на свои резиновые сапоги, покрытые металлической сеткой, на крепкие непроницаемые перчатки, на прочный скафандр. Все это позволяло ему избегать непосредственного прикосновения к противным насекомым, которыми были переполнены и чащи, и деревья, и самая почва. Никогда и нигде не видел Василий такого бесчисленного количества представителей царства насекомых!..

Заросли вокруг путников стали совсем непроходимыми. Приходилось время от времени даже браться за топор, захваченный Гуро: охотник сделал выводы из утренней прогулки с Рындиным!

Вот Гуро остановился и положил руку на плечо Соколу:

— Нечто похожее на это мне довелось видеть в Австралии, — сказал он. И его голос, переданный радиопередатчиком в шлемы и принятый приемниками Сокола и Василия, звучал для путников так близко и естественно, что, казалось, и не было на их головах металлических шлемов с большими стеклянными окнами.

Василий удивленно взглянул на Гуро: при чем тут Австралия? Однако, Гуро уже продолжал, словно припоминая:

— Вот такие же самые непролазные чащи... Правда, не из таких растений, но не менее густые и дикие. Там новичка всегда предупреждают, чтобы он не пробовал ходить один, потому что вряд ли ему удастся выбраться назад...

Девственный лес спускался по склону вниз, на дно ущелья, где лежала ракета. Безусловно, это было старое русло какой-то реки. Сверху нависали большие скалы, по которым кое-где, отдельными группами и деревьями, зеленели растения. Но дальше, ниже деревья исчезали, оставались сначала только цикадеи, а затем и одни папоротники. Внизу было сыро и темно по сравнению со светом здесь, наверху.

Ракетный корабль скатился сюда сверху, перекидываясь по скалам и ломая, очевидно, на своем пути деревья. Его след был

виден: сломанные пальмы, несколько помятых кипарисов, раздавленные папоротники, которые лишь теперь начинали раскрывать свои резные листья, освеженные дождем...

Ракета лежала, сдавленная между двумя скалами, в самом низу ущелья, две серовато-зеленые скалы стояли под углом одна к другой; ракета словно умышленно втиснулась между ними задней частью. На ее почерневших от нагревания боках отчетливо виднелись свежие царапины: это были оставленные скалами следы.

— Застряли! — высказал общую мысль Сокол, осматривая ракету. — Как-то придется извлекать ее отсюда?..

Гуро покачал головой в шлеме, и от этого шлем комично качнулся тоже, вместе с верхней частью всего скафандра. Это было так смешно, так неуклюже, что Василий не сдержал улыбки. Несуразное чудовище с круглым шлемом вместо головы, — и это ловкий, подвижной, энергичный охотник и путешественник Гуро!

— Да, не легко будет, — сказал наконец Борис, — вероятно, придется взрывать скалы, хотя бы частично. Другого способа я не вижу. Так застряла, что дальше и некуда!..

Он сделал такой взмах рукой, словно хотел почесать в затылке.

Рука остановилась, дотронувшись до шлема. И Василий опять усмехнулся: нелегко человеку привыкать к новым условиям, к постоянному пребыванию в скафандре. Однако, у него неожиданно возникла важная мысль. Он еще раз оглянулся на ракету. Для чего взрывать скалы? Можно же...

— Товарищи, — крикнул Василий. — Есть другой способ, не взрывая скал!..

Сокол и Гуро повернулись к нему. Их глаза вопросительно смотрели сквозь окна шлемов на экспансивного юношу. Но он продолжал:

— Посмотрите, куда направлена ракета? Куда смотрит ее нос? А?

Два шлема послушно повернулись опять к ракете. Нижняя часть ее была сдавлена скалами. Но вся она лежала на почве под углом. Нос ее был направлен вверх.

— Разве не напоминает это вам трамплин? — радостно говорил дальше Рыжко. — Да, да, самый обыкновенный трамплин, вот какие бывают в гимнастических залах. Вы только представьте себе, как это будет. Ракета направлена вверх под углом. Если Ни-

колай Петрович даст взрывы нужной силы, целую серию взрывов, то ракета полетит вверх по касательной к почве. Полетит точно так, как поднималась она с поверхности озера на Земле. И все. Не нужно ничего взрывать, это же все равно, что эстакада. Факт!

И опять две головы в шлемах повернулись к ракете, словно взвешивая то, что говорил Рыжко, и проверяя его выводы. Затем шлемы повернулись один к другому, один из них качнулся так же неуклюже, как и раньше. А после этого шлем повернулся к Рыжко, сильная рука пожала его руку, и суровый голос Гуро проговорил:

— Мальчик мой, я не жалею, что ты очутился в нашей ракете!

Его серые, холодные глаза на этот раз смотрели на Рыжко с заметной и непривычной лаской.

— Да, Василий, это превосходная мысль! — откликнулся и Сокол. — Обязательно нужно будет ее проверить. Сегодня же обсудим ее с Николаем Петровичем.

Вот теперь Василий растерялся. Он почувствовал, как краска заливает его лицо, шею, заливает спину, спускается ниже, ниже... Как хорошо, что сквозь стекла шлема это все равно незаметно!..

Они пошли дальше. Дойдя до подножья скалы, на которой было установлено знамя, Гуро на минутку сел на скалу и оглянулся назад. Это было чудесное зрелище, фантастическое по самому своему содержанию.

На небольшом клочке почвы, в узком и глубоком ущелье собрались представители разных эпох развития живой природы вместе с самыми усовершенствованными образцами достижений человеческой техники.

Высоко вверху тянулся густой лес, девственные заросли юрского периода, где свободно росли, зеленели и буйно цвели растения, которых уже не видит и никогда не увидит живыми старая Земля. На Земле они давным-давно уже вымерли, отдали свое место в жизни другим видам, известным современному человечеству. Среди этих девственных зарослей, наверно, прятались дикие и невиданные животные, чудовищные драконы, ящеры, птицы. Где-то там, в зарослях, они сидели, ожидая ночи, поджидая свои будущие жертвы.

Нависшие скалы спускались от леса сюда, ближе к оврагу. На них сидели под большим красным знаменем, с золотыми серпом и молотом люди — три человека в скафандрах и с оружием в руках, готовые защищаться, чтоб иметь возможность выполнить свои задачи. Поблескивало толстое стекло шлемов, матовыми пятнами играл свет на вороненых дулах винтовок.

А еще ниже, среди скал, неподвижно лежала длинная металлическая сигара, межпланетный космический ракетный корабль аргонатов вселенной — самое последнее достижение человеческого ума, принесшее сюда, на чужую и далекую планету, перебросившее в заросли юрского периода четырех представителей человечества, представителей наилучшей части этого человечества — советского общества.

Араукарии, цикадеи, беннетиты — и автоматическая тридцатизарядная винтовка! Доисторические чудовища, драконы, ящеры, — и ракетный межпланетный корабль! Поистине, это была благодарная тема для поэта!

Все почувствовали это — и никто не удивился, когда Сокол мечтательно сказал:

— Какая замечательная картина! Словно на фантастической машине времени Уэллса мы спустились вниз, в неведомые недра существования земной жизни — и теперь смотрим на то, чего никогда не видел ни один человек. Дикий, буйный, страшный пейзаж — и как он все-таки манит глаз! Хочется смотреть, смотреть

без конца, вбирая в себя как можно больше, заполняя каждую клеточку памяти.

Шлем Гуро повернулся к Соколу. С минуту охотник присматривался к товарищу. Сквозь толстое стекло Гуро видел мечтательное лицо Сокола. Геолог был настроен лирически. И иронический голос Гуро подействовал на него, как душ холодной воды.

— Кажется, один мой знакомый еще на Земле никак не мог оторваться от земных пейзажей. Едва слезы удерживал. А когда я сказал ему, что, по-моему, перед нами развернутся еще более интересные виды, он вскипел. Не помните ли вы такого случая? И кто был прав?..

— Ну, ладно. Правы были вы. Но я все-таки опять скажу: не поэтичная у вас душа. Душа сухаря, — полусердито ответил Сокол.

— Насчет души протестую, — заметил Василий. — Это устаревшая терминология. Факт! Душа, как говорится, это — пар. И больше ничего. Даже у самого лучшего поэта.

— Тогда у Бориса это даже не пар, а какой-то черный дым! — уже шутливо отозвался Сокол.

— Ладно, пусть будет дым, — спокойно согласился Гуро. — Но пойдем дальше. Нам нужно осмотреть все вокруг. Двигайтесь за мною!

Один за другим путники поднялись между большими, мокрыми еще от недавнего дождя скалами. Сочная листва папоротников с хрустом ломалась под ногами. Сапоги время от времени погружались в гнилую листву, устилавшую почву. Гуро внимательно приглядывался: ему очень хотелось показать товарищам что-нибудь вроде того потока насекомых, какой они с Николаем Петровичем встретили в первый раз. Но, по-видимому, это было и в условиях Венеры редкостным зрелищем. Правда, насекомых они все же увидели очень много. Даже испытали нападение тех самых летучих насекомых, что нападали только в тени и боялись света. Однако эти насекомые водились лишь в скалах ущелья. Выше, ближе к ровной поверхности, их уже не было: должно быть, здесь для них был слишком сух воздух; хотя вообще-то он был, как везде на Венере, насыщен влагой, словно в оранжерее.

Теперь Гуро двигался вперед быстрыми, но мерными шагами, все время держа наготове свою винтовку и внимательно поглядывая во все стороны. Он выбирал дорогу между кустами,

иногда отламывая ветки и складывая из них на дороге кресты. Василий, который точно так же держал винтовку наготове, услышал его тихий голос:

— Нужно обеспечить себе возможность быстрого возвращения домой, чтоб не блуждать потом. Я очень рад, что нам ничто не препятствует, Вадим. Но странно, почему мы не видим ничего похожего на ваших юрских чудовищ? Куда они все подевались? Насколько я помню все предположения и ваши, и ваших товарищей геологов, — этих животных тут должно бы быть немало. А вы послушайте — тут даже тихо, если не принимать во внимание жужжания насекомых...

Все прислушались: действительно, тихо. Ничего, кроме однообразного шелеста листвы, ровного дуновения ветра, качающего верхушки деревьев, и назойливого жужжания насекомых. Сокол задумчиво ответил:

— Не знаю... Может быть, население Венеры не любит дневного света и показывается лишь по ночам?..

Никто ничего не ответил ему. Ибо Гуро внезапно остановился и, сжимая винтовку, прислушался. Теперь слышали все: где-то вдали что-то гудело. Это напоминало гул самолета — мерный, ровный, на самых низких нотах. Гул постепенно усиливался, потом также постепенно начал утихать, и наконец, затих совсем. Казалось, что где-то справа пролетел и исчез большой многомоторный самолет. Гуро вопросительно, взглянул на спутников.

— Ну!

А так как все молчали, он двинулся дальше. Никто не мог дать объяснения странному звуку — первому сильному звуку природы Венеры.

Через несколько минут путешественники окончательно выбрались наверх. Среди леса поднималась высокая скала. Гуро решительно направился к ней. Василий сообразил: с этой скалы будет хорошо видно все вокруг.

Ожидания оправдались. Однако, ничего нового не увидели путники и со скалы. Те же самые необъятные леса, над которыми возносились горделивые верхушки араукарий и кипарисов. Да еще поблескивала вдали серебром река — широкая, светлая полоса среди зеленого моря зарослей. Гуро показал на нее:

— Сколько воды, а?

— И мы не можем использовать ее для безопасного обратного старта? — с сожалением сказал Сокол.

— Смотрите! — воскликнул Василий.

— Что? — перебрал винтовку к плечу Гуро.

Над рекой, далеко за лесом, что-то летело. Да, в воздухе, почти касаясь верхушек деревьев, медленно пролетало что-то странное. Казалось, можно было рассмотреть большие крылья, неподвижное длинное туловище. Но что именно — напрасно было и пытаться рассмотреть. Это одинаково мог быть и большой самолет, и чудовищный летучий дракон. Быстрым движением Гуро опустил винтовку и поднес к глазам бинокль. Но, чтобы смотреть сквозь окна шлема, нужно было хорошо приладить бинокль. Тем временем странная летучая вещь — или чудище — медленно опустилась ниже и исчезла за зарослями, — очевидно, у реки.

Гуро раздраженно кашлянул:

— Не успел. Что это было?

— Самолет, — сказал Василий.

— Летающий ящер, — возразил Сокол.

Но дискуссия, едва начавшись, внезапно оборвалась. Далеко внизу, с той стороны, откуда пришли сюда путешественники, тревожно прозвучали два коротких громких взрыва. Люди в скафандрах застыли. Неужели это... да, ничего иного не может быть. Это — взрывы. Это — сигналы опасности. Их подает Николай Петрович, который остался в ракете. Что случилось?

— Вниз, за мною, — скомандовал Гуро, перехватывая винтовку в другую руку.

Перепрыгивая через камни, ветви, ломая на своем пути жирные листья папоротников, едва замечая кресты из веток, которые положил перед этим Гуро, люди в скафандрах бежали вниз, назад, к ракете, куда их звали тревожные сигналы Николая Петровича.

ВАСИЛИЙ! ОТЗОВИСЬ!

Николай Петрович внимательно слушал все, о чем рассказывал ему Василий. Правда, экспансивный юноша, по-видимому, иногда просто забывал включать передатчик, собираясь рассказать о чем-нибудь Рындины. Бывало и так, что, внезапно спохватившись, Василий вспоминал про передатчик и включал его, уже начав говорить. Но Рындин понимал все. Больше того: он спокойно улыбался, отмечая такие проявления юношеской невнимательности. Возможно, Николай Петрович вспоминал, каким он сам был когда-то; может быть, что-нибудь другое припоминалось старому академику...

Так продолжалось до тех самых пор, пока путешественники в скафандрах не начали своего восхождения вверх, на скалы. Тогда Василий, окончательно увлеченный впечатлениями от необычайного путешествия, просто забыл о своем обещании аккуратно извещать Николая Петровича обо всем увиденном.

Николай Петрович еще раз усмехнулся и вздохнул. Какая это прекрасная пора жизни — юность!.. Время, когда все представляется совсем не таким, как потом, когда человек становится вполне зрелым, а особенно — когда начинает стареть. Время, когда человек мгновенно отзывается на все, что его окружает, что влияет на него...

Сильно болела голова. Резкий удар головой о пульт, когда ракетный корабль падал на Венеру, дал свои последствия. Николай Петрович уже не так молод, чтобы его организм не реагировал некоторое время на сотрясение. Беда, беда, он никак не рассчитывал столько времени оставаться в каюте...

Рындин проверил повязку на голове. Ничего, еще сутки, двое, — и все будет в порядке. Что же делать, пока этот юноша вспомнит свое обещание рассказывать по радио обо всем увиденном?

Больше всего беспокоил Николая Петровича анализ состава воздуха на Венере. Не произошло ли все-таки какой-нибудь ошибки? Ведь пятнадцать процентов углекислоты — это такое существенное обстоятельство, которое может очень и очень усложнить всю работу путешественников. Вот почему академик хотел обязательно провести анализ вторично.

Это отняло у него около получаса напряженной работы, точнейших вычислений. А закончив работу, Николай Петрович откинулся на спинку кресла и несколько раз задумчиво постучал кончиками пальцев по столу. Ничего утешительного, ничего...

Правда, в воздухе Венеры не было каких-либо примесей, которые могли бы отрицательно влиять на организм человека; ничего такого, с чем не был уже знаком земной человек. Тот же самый кислород, углекислота, азот, ничтожная примесь аргона, неона, криптона. Все это так, но суть дела была в углекислоте.

Земной воздух имеет в своем составе всего только 0,03 процента углекислоты. Три сотых... Воздух Венеры, как окончательно установил Рындин, — 15,5 процента. Невероятное, неслыханное количество!.. Следовательно, человек может дышать таким воздухом лишь очень ограниченное время. Рындин прикинул в уме: дыша воздухом Венеры, человек все время будет ощущать недостаток кислорода, это вынудит его делать глубокие, почти конвульсивные вдохи и выдохи. Так будет продолжаться минут пятнадцать. А затем... затем человеческий организм, которому

все это время не хватало кислорода, начнет проявлять признаки отравления углекислотой. Появится так называемая асфиксия, задушение человека. Сначала затуманится ум, ослабеет слух, угаснут рефлексы, остановится дыхание и, наконец, прекратится деятельность сердца.

Опустив голову на руку и невнимательно поглядывая в окно навигаторской рубки, Рындин думал. Разумеется, если кто-нибудь из путешественников выйдет из ракеты без скафандра на несколько минут, — это его не затруднит. Человек только будет тяжело дышать. Но это можно делать лишь несколько минут. Дальше уже небезопасно. Следовательно, все работы снаружи нужно проводить в скафандрах. Это, безусловно, очень усложнит поиски элементов.

Николай Петрович машинально подумал: Сокол не ошибался, когда так уверенно предсказывал, что на Венере должно продолжаться что-то похожее на земной юрский период. Растительность Венеры почти такая же, какая была на Земле во времена юрского периода. Что же касается животных — тут дело несколько иное. Насколько известно геологии и палеонтологии, на Земле в те времена не было такого грандиозного количества насекомых. Однако, это, разумеется, лишь предположение. А может быть, и на Земле было то же самое?

Вполне возможно, что чрезмерное количество углекислоты в воздухе Венеры отражается и на развитии жизни животных. Ведь животные дышат так же. И вот, их организмы, приспособляясь к этому чрезмерному количеству углекислоты, должны были как-то измениться — вполне вероятно, что и сами животные приобрели формы, отличные от земных. Разве не доказательство этому — то ночное чудовище, которое заглядывало в окна ракетного корабля? Как, например, дышит это чудовище? Ой! Что это такое?..

Раздвигая стволы деревьев, беспощадно ломая на своем пути зеленые папоротники и низкорослые пальмы, по склону ущелья ползло удивительное огромное создание. Передняя его, коричневая и блестящая часть напоминала рака — только неслыханной величины. Длинные тонкие усы нервно изгибались, словно ища чего-то в воздухе. Черные блестящие глаза повертывались во все стороны. Они сидели в углублениях твердого панциря, покрывав-

шего голову и всю переднюю часть чудовища. Броненосец с головой рака — вот на что было похоже чудовище!

Широкие лапы, как гребни, словно пытались расчесать лес; становясь на почву, они поворачивались, каждая в свою сторону, глубоко разрывая землю и вырывая из нее растения. Но такими были только передние лапы. Задние были значительно меньше, они едва виднелись из-под продолговатого жирного пухлого туловища, заканчивавшегося третьей парой длинных лап с острыми когтями на концах. Чудовище ползло вниз к ракете.

Сжав руками края пульта, Николай Петрович следил за чудовищем. Казалось, оно было величиною с двух слонов.

— Не менее десяти метров в длину, — прошептали губы Рындина.

Чудовище медленно ползло. Оно чего-то искало. Длинные усы его безостановочно шевелились, изгибались в воздухе. Достронувшись до какого-нибудь ствола, усы неудовлетворенно откидывались в сторону, продолжая свои поиски. Но вот ужасное создание изменило направление своего движения. Его усы потянулись к ракете. Еще миг — и чудовище исчезло из поля зрения Николая Петровича, зайдя куда-то вправо от окна.

Рындин быстро повернулся, чтобы перевести рычаги управления перископами и увидеть чудовище опять. Но не успел он сделать это, как страшное сотрясение бросило его назад, в кресло. Раз за разом что-то ударяло по хвостовой части ракеты. Как бы гигантский молот избрал себе ракетный корабль накопательной. И после каждого такого удара нос ракеты опускался ниже и ниже, как нос корабля, медленно погружающегося в воду.

Раздраженное чем-то чудовище бешено колотило по ракете лапами, пытаясь разбить ее. Другого объяснения не могло быть.

Еще несколько секунд — и Рындин овладел собой. Нужно было что-то делать, как-то спастись. Но как?

Решение создалась моментально. Николай Петрович, давно выброшенный из кресла, цепляясь за петли, ударяясь о стены и двери, почти падая от тяжких толчков, добрался вновь до пульта управления. Несколько быстрых движений, несколько поворотов рукояток. Включен ток, поданы небольшие порции прототритила в боковые дюзы. Еще мгновение — и два взрыва один за другим встряхнули корабль. И сразу стало тихо. Рындин включил боковые перископы.

На экране перископа стало видно, как, уже далеко от ракеты, быстро ползло вверх перепуганное чудовище. Одна из его задних лап бессильно волочилась по почве, правый бок жирного его туловища почернел. Столбы огня и раскаленного газа из дюз обожгли чудовище и поранили его. Еще несколько секунд — и чудовище исчезло. Только сломанные деревья да раздавленные папоротники указывали дорогу, которой оно убежало.

Облегченно вздохнув, Николай Петрович обернулся к циферблатам приборов управления. И только теперь он заметил, что ракетный корабль изменил свое положение. Раньше его нос был поднят вверх, а хвост опущен вниз. Теперь положение было диаметрально противоположным. Хвост смотрел вверх, нос, наоборот, почти зарылся в почву. Чудовище сдвинуло ракету с места.

— Да, — пробормотал Николай Петрович, — интересные новости для товарищей... понравятся ли только они им?..

И он запнулся: ведь этими двумя взрывами он вызвал своих спутников назад. Два взрыва один за другим — это же сигнал опасности! Что, если они, случайно, возвращаясь назад, встретят рассвирепевшее чудовище?.. Впрочем, с ними Борис Гуро, он сумеет защитить Сокола и Василия. Ничего, пусть поспешают назад.

Пока что Николай Петрович посмотрит, не повредило ли чудовище механизмов ракеты.

Но Рындин не успел ничего проверить. Он услышал, как отворяются двери, услышал тяжелые шаги в коридоре, который шел от наружного люка к каюте. Путники уже возвратились. Быстро открытые внутренние двери пропустили в каюту двух человек в скафандрах. Из-за стеклянных окон шлемов на Николая Петровича смотрели встревоженные лица Гуро и Сокола.

Гуро что-то говорил — это было видно. Он пытался что-то спросить у академика. Но Рындин, понятно, ничего не слышал, потому что все звуки оставались в шлеме Гуро, голос которого слышал лишь Сокол при помощи радиосвязи. А между тем Рындин понимал, что именно интересуется Гуро.

— Не пытайтесь расспрашивать, Борис, — с усмешкой сказал Николай Петрович, — ведь все равно я не слышу вас. Вы меня слышите, не так ли? Ну, конечно, слышите. У вас же есть микрофон в шлеме. Он передает вам все звуки извне. Так вот: ничего страшного, кроме того, что на ракету наскочило какое-то чудовище. Оно пыталось разбить наш корабль. Ну, я не согласился с такими намерениями. Сделав два взрыва, прогнал перепуганное чудовище. Вот и все. Даже не собирался вас вызывать. А где же Василий? Почему он остался снаружи?

Гуро посмотрел на Сокола, Сокол посмотрел на Гуро. Затем Гуро что-то сказал. Сокол кивнул головой и начал снимать свой шлем. А Гуро, не теряя времени, повернулся и вышел, тщательно закрыв за собою двери.

— Да что случилось? — встревожился Николай Петрович. — Куда это пошел Гуро? Вадим, ну, расскажите же. Где Василий?

Сокол снимал шлем. Вот из круглого выреза скафандра появилась его голова с взлохмаченными как всегда волосами. Он поправил очки, кашлянул, нервно потер руки.

— Довольно молчать, — сурово заметил Рындин. — Что случилось?

— Мы, Николай Петрович, очень спешили сверху, когда услышали ваш сигнал, — начал неуверенно Сокол. — Очень быстро бежали вниз. Там, знаете, скалы, и всякие корни под ногами переплетаются, и скользко после дождя... и кое-где очень круто. Василий бежал вторым, между Борисом и мною. И внезапно

он упал, должно быть споткнувшись. А там был очень крутой спуск. И он покатился вниз... прямо вниз, — к ракете. Мы видели, как он летел, как даже переворачивался... а когда сбежали и сами вниз, то его там не было. Должно быть, он упал где-то в стороне.

— Ну?

— Мы решили, что сначала нужно узнать, то произошло с вами. Ведь мы слышали ваши сигналы, думали, что вы нас вызываете. А сейчас вот Борис пошел искать Василия. Он найдет, Николай Петрович, вы не беспокойтесь, все будет хорошо. Просто мы очень спешили. Возможно, Василий упал, ушибся, потерял сознание... Вот я, рассказав вам, пойду и сам искать его, на помощь к Гуро. Вдвоем легче будет. Так мы условились с Борисом, что я расскажу вам — и пойду...

Сокол быстро надел снова шлем, завинтил его и вышел. Рындин не задерживал его: нужно было немедленно разыскать Василия. Если он при падении разбил себе хотя бы одно стекло в шлеме, — это угрожало ему смертью после двадцатиминутного пребывания в воздухе Венеры. Ведь весь кислород из шлема уйдет в атмосферу... Василий будет дышать углекислотой... удушье... асфиксия...

Старый академик сел в кресло. Он почувствовал неприятную слабость. Такое нагромождение приключений... ведь на Василия может наброситься еще и чудовище, которое было возле корабля... Очевидно, в дальнейшем придется быть очень и очень осторожными. Однако, это будет после, сначала нужно разыскать юношу. Дело в том, чтобы найти его. Где он?

А Сокол, едва отойдя от ракеты, уже услышал возгласы Гуро:

— Василий! Где ты? Отзовись!..

Эти звуки существовали лишь для троих: самого Гуро, Сокола и Василия. Ни одно существо кроме них не могло бы услышать ничего. Сами звуки оставались в шлеме Гуро. И только радиоволны неслись от Гуро, и их принимали аппараты Сокола и Рыжко. Сокол прислушался: если бы Василий слышал Гуро, он ответил бы. Было бы слышно его голос.

Но все молчало. Только возгласы Гуро и тихий шелест ветвей на деревьях. Да еще назойливое жужжание мириадом насекомых. Только это и было слышно в тревожной тишине, беспокоившей больше, чем шум.

— Василий!

Откликнись!.. — звучал голос Гуро. Ориентируясь на этот голос, Сокол пошел вперед к Гуро, как ему казалось. Но в ту же минуту он спохватился: ведь он слышит не настоящий голос, а радио. Нельзя ориентироваться на него, радио он будет слышать одинаково, куда бы он не свернул. Поэтому Сокол крикнул:

— Борис! Я вышел. Где найти вас?

— Вот я.

Из-за ближайших зарослей папоротника вышел Гуро.

— Нет? — спросил почти механически Сокол.

— Нет, — хмуро ответил охотник. — Будем обыскивать все уголки. Кажется, я уже нашел то место, куда он упал.

— Как?

— Помятые папоротники, — коротко ответил Гуро.

Через минуту они осматривали небольшую полянку, над которой нависали скалы. Вот сломленные, измятые папоротники. Очевидно, именно сюда Василий и упал сверху. Но где же он?

— Если бы он упал и потерял сознание, то мы нашли бы его здесь, — размышлял Гуро. — Но его тут нет. Значит, он не потерял сознания, не в обмороке. Он поднялся и куда-то пошел. Куда?

Охотник внимательно осматривал растения. Он продвигался вперед медленно, изучая каждый след, каждое сломанное растение.

— Здесь он упал... видите, немало поломанного папоротника. Потом он поднялся и пошел... По-видимому, сюда... Разу-

меется, сюда; вот следы его ботинок в вязкой почве. Он шел сюда... да вот еще поломанный папоротник указывает его дорогу... Стойте, а это что?

Гуро остановился, удивленный. Не менее удивлен был и Сокол.

Следы Василия привели их на небольшую полянку. Тут все было раздавлено, поломано, уничтожено. Будто огромный танк прошел здесь, ломая все на своем пути. Следы Василия исчезли под совершенно изувеченными растениями, вдавленными в почву.

Одна мысль одновременно промелькнула у обоих разведчиков: это был след чудовища, которое нападало на корабль. Перепуганное, оно мчалось тут, давя все. И тут же оканчивались следы Василия... Сокол с ужасом смотрел на эту картину сплошного разрушения. Глаза Гуро медленно сужались, он сжимал свою винтовку. Ах, если бы он встретил вместе с Василием это чудовище, тогда дело наверняка обернулось бы иначе... А теперь... Что произошло с юношей?

Сокол, боялся сказать о том, что его мучило. Он переводил взгляд с поломанных растений на товарища, снова на растения — и молчал. Эта мысль угнетала. Но вот Гуро опустил голову. Неужели и он думает так? Сокол не выдержал:

— Вы думаете, Борис, что...

И он снова остановился. Слишком страшной была эта мысль, чтобы ее высказывать. Но Гуро, подняв голову, сурово и безжалостно сказал:

— Да, и у меня мелькнула мысль о том, что чудовище схватило Василия и понесло его куда-то. Иначе трудно понять его исчезновение. Если бы чудовище убило его, мы нашли бы следы, вещи, по крайней мере... А тут нет ничего. Однако, я не верю этому, не хочу даже допускать такой возможности.

— Вы думаете...

— Я еще ничего не могу сказать. Чтобы сообразить все, нужно поговорить с Николаем Петровичем, выяснить всю обстановку. Пошли, Вадим. Нельзя терять ни одной минуты.

Разговор с Рындиным был коротким. Николай Петрович рассказал, как выглядело чудовище, рассказал, как быстро оно бежало от корабля, перепуганное взрывами, как тащило оно заднюю лапу, обожженную газами. Гуро покачал головой:

— Я не допускаю мысли, чтобы оно могло в таком положении, вконец перепуганное, захватить с собой Василия.

— Но ведь чудовище, кроме того, было и сильно раздражено.

— Следовательно, оно могло убить его на месте. Но нести с собой... Нет, это невозможно!

— Тогда где же он?

— Еще не знаю. Однако — вот вам факты. Мы знаем, где он упал. Там нам не удалось найти ни крови, ни обломков чего-нибудь. Я старательно осмотрел это место. Больше того, Василий сам пошел оттуда — мы же видели его следы, Вадим?

— Да.

— На том месте, где его следы исчезли, тоже не осталось ни одной вещи. Чудовище не убило его, потому что тела его там нет. Оно даже не ударило его, потому что там нет ни одной вещи, которую Василий мог бы потерять, падая. Остается еще одно...

Он на мгновение смолк. Рындин и Сокол со страхом смотрели на него.

— Ну, что ж, нужно всегда смотреть правде в глаза. Чудовище могло сожрать его. Но это невозможно, потому что, опять-таки, что-нибудь да осталось бы от него. Следовательно... следовательно, Василий жив, он где-то в неизвестном нам месте. Николай Петрович, на сколько времени хватит ему кислорода в приборе?

— Заряда оксилита хватает на двенадцать часов. Но...

— Что такое? — вопросительно взглянул на Рындина Гуро.

— Ничего, ничего! Это у меня одна посторонняя мысль. Идите, друзья мои, на розыски. Идите, не теряйте времени.

Академик грустно проследил, как вышли Сокол и Гуро. Нет, ему слишком тяжело было высказать опасение, что в шлеме Василия могло разбиться какое-нибудь из окон. Известно, что Гуро не нашел осколков стекла. Однако, достаточно было трещинки, чтобы кислород начал выходить из шлема. И тогда ни о каких двенадцати часах не могло быть и речи. Тогда бедного юношу не могло спасти ничто, он наверняка был теперь уже задушен углекислотой...

Минуты проходили в тоскливом ожидании. Вот минутная стрелка часов обошла вокруг циферблата. Час. Стрелка двигалась

далее. И когда она прошла еще половину своего круга, двери опять открылись. Рындин с живостью юноши бросился навстречу:

— Ну? Что? Нашли?..

Нет, Гуро и Сокол возвратились без Василия. Сокол осторожно положил на стол какой-то прибор. Рындин узнал его: это был переносный передатчик, который Василий взял с собой сегодня, выходя из ракеты с товарищами. Передатчик, при помощи которого Рыжко извещал академика о результатах осмотра ракеты.

Рындин боялся спрашивать. Он молча смотрел на передатчик. Что-то подступало ему к горлу, что-то мешало свободно дышать...

Гуро медленно снял шлем. Повернулся к Николаю Петровичу. Снова отвернулся, вытащил из кармана трубку. И, уже набивая ее табаком, произнес сквозь стиснутые зубы:

— Вот все, что нам удалось найти. Прибор лежал на краю глубокой пещеры, провала. Там прекращались следы чудовища. Ремни, прикреплявшие передатчик к спине Василия, были растегнуты...

ЧУДОВИЩНЫЙ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

Зацепившись на бегу ногой за растения, Василий потерял равновесие, упал и покатился вниз. Он летел среди пальм, папоротников, перевертываясь и напрасно пытаясь ухватиться за что-нибудь, чтобы остановиться. Все вертелось вокруг него — папоротники, трава, почва. Резкий удар — и все остановилось.

Василий лежал на раздавленном, изломанном папоротнике. Над ним склонялись широкие кружевные листья странных растений, скрывая его под собой. Тяжело отдышавшись, Василий попробовал пошевелить рукой, ногой. Нет, как будто ничего не повредил. Правда, глухая боль ныла в левой ноге, но это была, разумеется, мелочь.

Где же он? Должно быть, упал прямо под откос, перегнав таким образом товарищей. Ну, ладно, нужно найти их и спешить к

ракете. Ведь что-то случилось с Николаем Петровичем, ему нужна помощь. А он тут лежит... даже смешно: летел точно пуля!..

Василий поднялся, сделал несколько шагов в сторону, но в то же мгновение опять присел. Странный шум удивил его. Слышно было громкое раздраженное пыхтение, трещали ветки, словно кто-то безжалостно ломал их. Этот шум приближался, усиливался. Осторожно, прячась за кустами папоротников, Василий выглянул — и отшатнулся назад.

На расстоянии метров ста от него быстро ползло, почти прямо в его сторону двигалось страшное чудовище, свирепо разбрасывая во все стороны сломанные растения. Его широкие лапы, как гигантские грабли, раздвигали деревья. Длинные тонкие усы не терпеливо ощупывали все на своем пути. Челюсти раздвигались и сжимались, как ковш экскаватора. Чудовище двигалось быстро. Вот один из его усов, извиваясь в воздухе, мелькнул совсем недалеко от Рыжко.

Василий содрогнулся. Руки сжали винтовку. Но что можно было сделать винтовкой с таким чудовищем? Он отступил на шаг, еще на один, пытаясь отойти в сторону от дороги чудовища. Но оно приближалось слишком быстро. И вот Василий увидел, как чудовище в свою очередь изменило направление — в ту сторону, куда отступал он.

Назад, назад! Отступать! Может быть, оно свернет еще куда-нибудь!..

Чудовище внезапно остановилось. Оно продиралось сквозь деревья, царапавшие ему бока. Должно быть, это его раздражало. Использовать время! Василий круто повернулся и прыгнул в сторону.

— Ай! — вскрикнул он.

Неожиданно он опять потерял почву под ногами. Словно пропасть раскрылась перед ним. Вскрикнув, он полетел вниз, в темноту, ударившись спиной о край этой пропасти. Что-то треснуло, словно оборвалось. Василий летел вниз. Светлое небо, зеленое буйство растений остались наверху. Василий падал вниз, не выпуская из рук винтовки.

И вот мягкая почва остановила его падение. Ударился он не очень больно, потому что тело его, упав на наклонную почву, прокатилось несколько метров. Он опять лежал, не зная, где он, куда он попал.

Густой мрак окружал его. Далеко вверх виднелось светлое отверстие: должно быть, оттуда он и упал. Природная жизнерадостность юноши взяла верх. Он усмехнулся и сказал:

— Должно быть, я уже приобретаю привычку падать и не разбиваться. Это ж только подумать: дважды за несколько минут упасть с такой высоты!.. Но — что это за пещера такая?

Обеими руками Василий ощупывал вокруг себя почву и стену. Пористая, влажная поверхность — и камни. Придется, очевидно, включить электрический прожектор на скафандре. Но глаза юноши как будто уже привыкли к темноте. Или это рассеялся мрак? Почему стало лучше видно?..

Василий удивленно огляделся. Почему он теперь видел почти все вокруг? Что случилось? Откуда взялось это странное голубоватое сияние, наполняющее пещеру?..

Неровные, грубо выкопанные стены, поднимающиеся вверх. На почве — несколько обломков веток, гнилая листва. И прямо перед ним начинался широкий тоннель, который вел куда-то в недра. Голубоватое сияние разливалось от стен, оно плыло по тоннелю вдоль него. Казалось, это сияние исходило от камней, кое-где вкрапленных в стены и почву. Как тысячи светляков, светились эти камешки.

Еще раз Василий взглянул вверх. Нельзя было и думать возвратиться на поверхность этим путем. Крутые стены как будто сходились вверх. Очевидно, оставалось только продвигаться вдоль тоннеля, куда бы он ни привел. Что ж, нужно двигаться.

Осторожно, легко ступая, юноша пошел вперед, внимательно всматриваясь в голубоватую полутьму и держа винтовку наготове. Включать прожектор не было смысла: он не помог бы здесь. Тем более, что голубоватое сияние постепенно усиливалось, заливая все вокруг.

Все время тоннель оставался таким же широким, как и в начале. Лишь кое-где его стены немножко сближались; однако и здесь ширина тоннеля была не менее двух с половиною метров.

— Кто выкопал его? — подумал Василий.

Трудно было ответить на этот вопрос. Но вместе с тем нельзя было думать, что этот странный ход возник сам по себе, что он был своеобразною игрой природы. Вот из стены торчит толстый корень. Он, наверно, пересекал этот ход, — и теперь на

его сломанном конце легко заметить глубокие царапины, словно кто-то раздирает корень крепкими челюстями.

— Безусловно, нора или ход какого-то гигантского животного, — опять подумал Василий. — Однако, не попаду ли я этак прямо в его пасть?

На минутку он остановился. Но иного выхода не было. Путь назад был отрезан. Только вперед, только вперед!..

Внезапно тоннель раздвоился. Одно его колено поворачивало направо и шло вниз; другое, левое, постепенно поднималось вверх. Василий думал недолго: ему нужно было выбраться на поверхность, подробное изучение недр Венеры не входило в его ближайшие планы. Налево, налево, вверх!

Проходили минуты. Тоннель поворачивал во все стороны, извиваясь как змея. Но все время он оставался таким же широким, все время был наполнен голубоватым сиянием. Теперь Василий пришел к окончательному выводу: светились эти камешки.

Не останавливаясь, он выдернул из стены несколько камешков и положил их в сумку, которая висела у него на боку. И тотчас у него появилась тревожная мысль: почему он не ощущал привычной тяжести переносного радиопередатчика, который был у него за спиной?.. Василий пощупал рукой. Передатчика не было. Он исчез вместе с ремнями, державшими его на спине.

Только теперь Василий почувствовал, что он испугался. Ведь без этого передатчика он не сможет подать весть о себе. И вторая мысль: почему он не использовал этой возможности, будучи еще на дне ямы, куда он упал? Разве нужно было идти этим тоннелем? Ведь он же мог рассказать по радио товарищам о том, что очутился в яме, и они спасли бы его. Что передатчик сорвался у него со спины при этом последнем падении, Василий был уверен. Следовательно, он лежит там, на тех ветках, что устилали дно ямы...

Теперь было поздно горевать. А может быть — он потерял передатчик где-нибудь уже в тоннеле? Нет, это не могло случиться, он бы заметил, почувствовал падение вещи. Может быть — возвратиться назад, поискать передатчик на дне той ямы?..

Рыжко остановился, обдумывая положение. Да, лучше было бы поискать... Обратный путь он помнил. Тоннель лишь один раз раздвоился, только один раз. Возвратиться?..

Глубокая тишина, окружавшая до сих пор юношу, нарушилась. Далеко позади послышалось тяжелое отрывистое пыхтение. Василий вздрогнул: это очень напоминало звуки, которые производило страшное чудовище, едва не наскочившее на него там, на поверхности. Скорей вперед! Куда бы ни привел его этот тоннель, все равно это будет лучше, чем встреча с чудовищем!..

Рыжко бросился бежать вперед. Ноги его цеплялись за камни, он спотыкался, чуть не падал. Но бежал дальше и дальше, лишь иногда останавливаясь, чтобы прислушаться, не движется ли за ним страшное чудовище.

И каждый раз он слышал то же самое пыхтение. Чудовище, очевидно, не отставало от него. Слышало ли оно его? Преследовало ли оно незваного гостя в своей норе или просто двигалось к каким-то своим подземельям? Василий не знал этого. Но ему оставалось только бежать — быстрее, быстрее!

Казалось, чудовище нагоняет Василия. Каждый раз, как он останавливался прислушаться, пыхтение как будто приближалось. И каждый раз с новой силой Василий бросался вперед, забывая об утомлении. Винтовка отяжелела в его руке. Но расстаться с единственным своим оружием, с единственной своей защитой Рыжко, разумеется, не мог. Он мчался дальше и дальше.

Сияющие камешки в стенах бежали навстречу ему, позади него мигали светлыми блестками, исчезающими за спиною. Тоннель извивался — возможно, только это и спасало юношу, потому что чудовище не видело его за частыми поворотами. И внезапно, как в сказке, тоннель оборвался.

Со всего разбега Василий вскочил в огромную пещеру, которая открылась перед ним за последним поворотом. Тут точно так же было полутемно, так же разливалось голубоватое сияние. Но так как оно исходило главным образом от стен и потолка, то посреди пещеры было значительно темнее. Широко раскрытые глаза юноши заметили какое-то неопределенное движение как раз посреди пещеры. Как будто кто-то шевелился там... нет, даже не кто-то, а несколько небольших белесоватых животных.

А сзади уже приближалось сердитое пыхтение: чудовище тоже продвигалось по тоннелю.

Времени на размышление не оставалось. Ни назад, ни вперед!.. Василий быстро бросился вдоль стены, налево. Большие глыбы, большие кучи почвы, лежавшие вдоль стены, мешали ему.

Бежать было уже нельзя. Рыжко полз за этими глыбами, позволявшими ему по крайней мере прятаться. Дальше, дальше от отверстия тоннеля!.. Вот большая глыба. За ней его совсем не будет заметно. Скорее, скорее!..

И едва юноша успел не лечь, а, вернее, упасть вниз, прячась за глыбу, как громкий рев показал, что чудовище тоже очутилось в пещере. И навстречу ему прозвучал тонкий радостный визг животных, шевелившихся посреди пещеры.

Едва дыша, Василий выглянул из-за глыбы: ведь он должен знать, что делается вокруг него. Сдаваться так Просто Василий не думал. В его винтовке было двадцать пять пуль. Каким бы огромным и страшным ни было чудовище, — он еще поборется с ним в случае надобности. Тут, в пещере, просторно, есть где прицелиться.

Чудовище, казалось, забыло про незваного гостя (если оно перед этим и чувствовало его присутствие). Оно проползло на середину пещеры и теперь что-то там делало. Что именно — Василий рассмотреть не мог: синий туман закрывал от него середину пещеры. Собственно, это был не туман. Голубоватое сияние от камешков, вкрапленных в стены, не достигало так далеко, оставляя центр пещеры в неполном мраке. Какие-то животные шевелились там. Их было несколько. Они пищали, они как будто встречали чудовище с радостью.

— Я попал в логово этого животного, — подумал Василий. — А это его дети. Мамочку они себе выбрали незавидную!..

Но от этого вывода ему не стало легче. Каждое животное приходит в неистовство, когда видит, что его потомству угрожает опасность. И каждый незванный гость кажется животному такой опасностью, что оно готово разорвать его в клочья, лишь бы защитить своих детей.

Василий вспомнил про жуткую внешность чудовища, про его кривые острые челюсти, и содрогнулся. Что делать?.. Двигаться с места, пока чудовище здесь, — значит, идти на гибель. Ждать, пока оно опять пойдет на поверхность, и тогда выбираться самому?

Но — сколько придется ждать? Хватит ли кислорода в аппарате, дающем ему возможность дышать?.. Про пищу Рыжко уже не думал, это было дело второстепенное. Кислород — вот главное.

Юноша, пытаясь сохранить спокойствие, делал расчеты, не сводя глаз с чудовища. Он вспоминал: «...всходили на гору и потом бежали назад. Это продолжалось приблизительно час. Потом он бежал назад, упал, покатился. Встреча с чудовищем. Второе падение. И путешествие по тоннелю и в пещере». Все это продолжалось около двух-трех часов. К этому нужно прибавить еще увеличенную затрату кислорода, потому что Василий почти все время бежал, поглощая значительно больше воздуха... а окислительный аппарат работает автоматически, возобновляя кислород в соответствии с потребностями дыхания. Надо полагать, что он истратил приблизительно половину запаса. Оставалось еще на шесть часов.

Всего шесть часов. Если ему не удастся за шесть часов возвратиться к ракетному кораблю, — конец. А сколько времени это отвратительное чудовище захочет пробыть в пещере, не выходя на поверхность?.. Ведь ему-то, наверно, спешить некуда...

Мысли бежали одна за другой. Проекты спасения, один фантастичнее другого, приходили в голову и безжалостно отбрасывались. Убить чудовище. Выпускать в него пулю за пулей. Броситься бежать и пробовать отстреляться в тоннеле. Нет, все это безумие. Радио... ах, как мог он потерять мощный передатчик!..

Мать его, должно быть, уже получила письмо. И сестра наверно рассказала все, все: и как Василий мечтал о межпланетном путешествии, и как он готовился к нему, и почему он вдруг так увлекся астрономией, что даже просидел целых три месяца в обсерватории. Хорошая, милая мать! Она поверила ему, что он решил сделаться астрономом, и охотно помогала знакомиться с инструментами и сложными приборам обсерватории. А сестра? Как умоляла она его бросить эту чудовищную, по ее мнению, мысль!.. И как, однако, согласилась не выдавать его, не говорить никому в мире — даже матери — о его намерении... Если бы она только знала, в какую опасность попал ее брат...

Николай Петрович тоже пожалел бы его. Что с ним с самим делалось там, в ракете? Почему он подавал тревожные сигналы? Ах, как Василий плохо все это сделал! Вместо того, чтобы помочь любимому старому Николаю Петровичу — он сам сидит в этой норе и заставляет всех товарищей беспокоиться о его судьбе. Ведь они ничего не знают о нем...

Интересно, что это за светящиеся камни? Рука Василия нащупала один такой камень. Юноша поднес его к глазам. Ничего особенного, хрупкий кусок, рассыпается, если надавить пальцем. И светится. И, кажется, даже немножко теплый. Или это только кажется? Пальцы не ощущают тепла. А вот если поднести камень ближе к глазам, то они чувствуют нежное и приятное тепло. Удивительные камни! Нужно будет обязательно показать Николаю Петровичу и Соколу, когда он возвратится... когда возвратится... если ему удастся возвратиться к товарищам.

Мысли, отрывистые и нестройные, прыгали в голове одна за другой, перегоняя одна другую.

Как бы помог ему тот переносный передатчик, если бы Василий не потерял его!.. Товарищи знали бы, где Рыжко, спасли бы его... Однако, разве... разве же нет еще одной возможности? Правда, мощный передатчик потерян, но — в скафандре есть свой небольшой передатчик, с помощью которого путешественники связывались во время изучения района падения ракеты, разговаривали друг с другом. Может быть — он вызовет? Дать самое большое напряжение, чтоб было дальше слышно... В самом деле, может быть кто-нибудь из товарищей и услышит...

Наощупь Василий нашел маленькую рукоятку у себя на груди. Она управляла током миниатюр-аккумулятора, от которого работал передатчик. Повернуть рукоятку вправо — ток усилится. Вот так, еще... еще... до конца...

— Товарищи, слышите ли вы меня? — громко крикнул Рыжко, вкладывая в эти простые слова все свои надежды.

Молчание.

— Товарищи, это я, Василий, товарищи... — начал Василий снова. И внезапно умолк.

Дрожащее яркое голубоватое сияние залило пещеру. Каждый камешек, который перед этим светился ровно и спокойно, как светильник, — теперь испускал из себя яркие вибрирующие волны голубого света. Этот свет дрожал, он переливался, он словно отвечал на слова Василия. Каждое слово юноши вызывало новые и новые световые волны. Вот Василий умолк — и камни в стенах и потолке, бесчисленные голубые фонари, успокоились, изливая из себя ровное туманное излучение.

Заинтересованный этим сказочным зрелищем, Василий проговорил еще раз:

— Товарищи!..

Камни опять вспыхнули, волны голубого света пронеслись по пещере, осветив все ее закоулки. И теперь Василий ясно увидел то, что делалось в средней ее части.

Гигантское чудовище лежало там, растопырив лапы. Оно медленно шевелило длинными тонкими усами. А вокруг него было штук десять тварей величиною с большую собаку. Они немножко напоминали медвежат — такие же рыжеватые, толстые, круглые. Но вот волны света исчезли — и диковинная семья чудовищ снова погрузилась во тьму, еще более непроглядную после голубого света.

— Товарищи!.. — громко повторил заинтересованный Василий. Он забыл про опасность, ему хотелось еще посмотреть на животных.

Снова яркий свет залил пещеру, голубые волны пронеслись по ней, дрожали и смешивались. И словно в ответ на это, — гигантское чудовище тревожно зашевелило усами. Василий услышал его грозное рычание. Чудовище подняло голову, осматриваясь.

— Э, нет, довольно, — уже тихо сказал Василий, забыв, что каждым его словом вызывается новое бурное излучение из стен и потолка. Камни опять ответили на эти слова беспокойными световыми волнами. Казалось, что камни светились не все вместе, а по очереди, плавными переходами, как волнуется под порывом ветра пшеница в поле.

Со свирепым ревом чудище поднялось. С минутку оно шевелило высоко поднятыми усами, затем медленно повернулось и поползло в сторону, продвигаясь вдоль стен пещеры. Чудище ощупывало стены усами, едва дотрагивавшимися до них и торопившимися далее. Широкие лапы страшилища загребали под себя рыхлую почву. Василий заметил, что одна из задних лап животного почти бессильно тащилась за туловищем, отвратительное соприкосновение не наступало на нее.

Положение становилось безнадежным. Чудовище двигалось вдоль стен кругом пещеры, отрезая последние пути отступления для Василия. Еще несколько минут — и оно приблизится к юноше. Оно...

Странное спокойствие охватило Василия. Исчезло куда-то волнение, как рукой сняло страх, который чувствовал раньше Ва-

сий. Он прекрасно понимал, что спасения он не может ждать ниоткуда. Ну, что ж! Свою жизнь он, по крайней мере, продаст недорого.

Размеренными спокойными движениями, как в тире, Василий улегся удобнее, подложил под дуло винтовки плоский камень, прицелился. Нет, он не собирался стрелять до тех пор, пока чудовище не приблизится к нему. Нужно было беречь пули. Нужно выждать удобный момент.

Чудовище двигалось. Казалось, оно начинало ощущать, что приближается к человеку. Усы его шевелились еще грознее, широкие лапы энергично разгребали почву, из-под них летели камни. А челюсти... вот на что не мог спокойно смотреть Василий. Отвратительные челюсти, которые все время двигались, словно пытаясь что-то схватить, раздавить, растереть в порошок. И чтобы такая гадина схватила и убила? Нет, этому не бывать!

Василий прицелился еще точнее. Он выбрал себе точку посредине головы чудовища, между его свирепыми глазами. Юноша рассчитывал так: если ему посчастливится попасть в мозг животного, это будет самым верным выстрелом. Винтовка, во всяком случае, позволит за несколько секунд выпустить не меньше десятка пуль. А тогда...

Чудовище приближалось, его отделяло от юноши всего метров десять. Василий замер. Глаз его поймал прямую линию, соединявшую мушку винтовки и намеченную точку на голове страшилища. Теперь пусть станет немного светлее, в момент выстрела нужно хорошо видеть.

— Подожди же, чертяка! — крикнул он. Яркие световые волны поплыли по пещере. Да, цель намечена верно. Все видно ясно, видно эту точку между глазами гадины.

Как на учебной стрельбе, Василий аккуратно нажал спуск. Сухой выстрел прозвучал раз — и отозвался бесчисленными звуками в пещере. Что-то ударилось о глыбу рядом с Василием, упало возле него вместе с отбитыми осколками, кусочками камня.

Василий оглянулся и похолодел. Это была его пуля!

Деформированная, сплюснутая, — но это была она, еще горячая от удара. Значит — пуля не пробила головы чудовища, она отскочила от нее... На страшилище — панцирь?..

Да пусть будет, что будет, у него есть еще пули, он найдет, куда их всадить. Не может быть, чтобы чудовище было все в панцире!

Выстрел... еще... еще... И каждый раз пули, возвращаясь, брызгали каменными осколками вокруг Василия. Пули не брали ужасное животное, с грозным ревом подвигавшееся вперед, взбешенное, размахивающее усами и разбрасывающее лапами почву. Его челюсти угрожающе ляскали, хватая воздух. Вот оно уже на расстоянии всего несколько метров...

Одна из широких, словно закованных в панцирь лап поднялась высоко в воздухе, как бы замахиваясь на Василия. Еще мгновение...

Руки юноши похолодели. Винтовка казалась тяжелой, такой тяжелой, что у него не было сил поднять ее и направить опять на врага. Это было слишком ужасно — страшилище, одетое в панцирь, который не может пробить пуля автоматической винтовки!

Василий не выдержал. Утомленные, натянутые нервы сдались. Он обессиленно склонил голову на руки, на ненужную теперь винтовку. Глухой стон сорвался с его губ.

И, отвечая на него, голубым ярким светом, беспокойными дрожащими сияющими волнами засветились камни в стенах и потолке пещеры, освещая неподвижную беспомощную фигуру человека в скафандре, освещая поднятую широкую, закованную в панцирь лапу чудовища, готовящуюся ударить юношу...

ПО СЛЕДАМ ГИГАНТОВ

Борис Гуро в раздумьях стоял перед отверстием в земле. Сюда или не сюда? Он оглянулся: за несколько шагов виднелось второе отверстие. И первое, и второе вели куда-то в недра Венеры. Казалось, это были начала больших подземных ходов. Но — куда идти, где искать Василия... или, может быть, лишь то, что осталось теперь от него?..

Что думал сам охотник о судьбе юноши? Во время беседы с товарищами он старался утешить их, вселить в них уверенность в том, что Василий, живой и невредимый, находится где-то в неизвестном еще им месте. Возможно, он скрывается от какой-нибудь опасности или просто почему-нибудь не имеет возможности возвратиться самостоятельно. Таковы были предположения Гуро перед тем, как он нашел на краю пропасти переносный передатчик, бывший до этого на спине у Василия.

Теперь положение представлялось несколько иным. Гуро не хотел говорить этого Рындину и Соколу, чтобы не лишать их последней надежды, но сам он видел вещи в весьма неутешительном свете. Василий упал в эту пропасть. Это было ясно. Если бы он не разбился — он слышал бы, как окликал его Гуро. Если бы он лежал внизу, потеряв сознание от падения, — и тогда его можно было бы увидеть сверху, осветив дно пропасти прожектором. Куда же исчез юноша?

И опять Гуро вспомнил о высказанном Соколом предположении относительно чудовища, которое нападало на корабль. Василий упал, на дне его нет — остается только думать, что его схватило и унесло с собою это чудовище. Ведь и его следы, полуманые деревья и папоротники, оканчивались у одного из отверстий в почве.

Тревожные мысли беспокоили, лишали охотника хладнокровия, так необходимого именно теперь. Но Гуро хорошо владел собой; усилием воли он отогнал неприятные мысли и снова начал раздумывать.

Передатчик он нашел здесь, у этого отверстия. Но этот вход значительно менее глубок, чем другой. И следы чудовища исчеза-

ли не здесь, а у другого, более широкого отверстия. Попробовать разве еще раз крикнуть? Заглянуть еще раз, освещая прожектором?

Наклонившись над отверстием, Гуро крикнул:

— Василий! Где ты? Отзовись!..

Но, как и перед этим, он не дождался ответа. Яркий в темноте пропасти луч прожектора забегал по стенам и дну входа. Нет, там ничего не видно. Однако, острые глаза охотника заметили неглубокую ямку на дне пропасти — словно след от какой-то тяжелой вещи, упавшей сверху. Этот след мог оставить Василий. Но куда же он сам исчез?

Нужно было решаться. Гуро проверил еще раз свое оружие, приборы. Винтовка с разрывными пулями, запасной резервуар с оксилитом — итак, ему хватит кислорода на восемнадцать часов: на двенадцать в основном резервуаре и на шесть — в запасном. Три ручные гранаты на поясе — это серьезное оружие. Запасной миниатюр-аккумулятор. Переносный передатчик на спине, который даст ему возможность держать радиосвязь с ракетой. Как будто все в порядке. Вперед!

— Я двигаюсь на розыски в подземный ход, — громко сообщил он товарищам, повернув перед этим выключатель передатчика. Затем Гуро привязал к стволу ближней пальмы тонкую крепкую веревку и с ее помощью начал спускаться в пропасть.

Вот оно, мягкое, покрытое гнилыми листьями и изломанными ветками дно. Наверху уже смеркалось; здесь, внизу, было совсем темно. Поворот выключателя — и тьму перед охотником прорезал сильный луч света его прожектора, прикрепленного к скафандру. Луч отражался от стен там, где из почвы выступали камни, и освещал все так ярко, что Гуро даже уменьшил силу света: зачем было напрасно расходовать энергию?

Подземный ход не опускался далеко вниз. Должно быть, он тянулся все время на глубине не более пяти метров под поверхностью. Об этом свидетельствовали и мягкая влажная почва, и множество древесных корней, свисавших со стен.

Напрасно Гуро искал следов юноши. Их тут не было; почва подземного коридора была укрыта широкими следами чего-то вроде гигантской метлы, заматавшей все остальные следы,

— Несомненно, нора какого-то животного, — подумал Гуро. — Хорошо, если еще ход не имеет разветвлений, потому что иначе я просто не буду знать, куда идти.

Он шел быстрыми, но не напряженными шагами. Так ходит человек, привыкший ходить много, не затрачивая ни капли энергии бесполезно. Если бы сейчас кто-нибудь попытался идти рядом с охотником, то сразу почувствовал бы, что за этой неторопливой, казалось, ходьбой можно поспеть, не отставать, лишь переходя иногда на бег. Большие спокойные шаги позволяли Гуро хорошо рассматривать и замечать все подробности, которые, безусловно, были бы оставлены без внимания другим человеком. Сказывались привычки опытного путешественника в охотника.

Вот Гуро на минутку задержался и подошел к большому корню, который свисал со стены, точно оборванный. Он покачал головой и сказал сам себе:

— Этакую животинку я совсем не желал бы встретить...

Это относилось к следам на корне. Опытный глаз охотника делал выводы из следов, видневшихся на перегрызенном корне. Неведомое животное не жевало грубый корень, оно просто перекусило его. Так грызть дерево могли лишь челюсти гиганта...

Еще через минуту Гуро остановился перед несколькими странными камнями, торчавшими из почвы возле стены. Он даже

присел, внимательно разглядывая их. Потом выключил прожектор на груди — и присвистнул от удивления:

— Вот так светляки... Интересно, интересно!..

Но время не ждало. И, включив опять прожектор, Гуро двинулся дальше.

Его внимательный слух настороженно ловил малейшее подобие звуков. Впрочем, микрофон на шлеме не улавливал ничего, кроме легкого шума шагов самого Гуро.

Больше всего беспокоило охотника отсутствие следов на почве. Если бы здесь не было все так чисто подметено неведомым подземным дворником, следы должны были бы быть. Кто же это постарался? Неужели эта тварь? Ведь вот следы самого Гуро ясно обозначаются на мягкой почве: их можно легко заметить на расстоянии нескольких метров, Неужели чудовище действительно тащило с собой несчастного юношу?..

И опять Гуро отогнал от себя эти мысли. Они слишком действовали на нервы.

Ход тянулся без конца. Дважды Гуро смотрел на ручные часы. Путешествие под землей продолжалось уже второй час. Но облик хода не изменялся.

Те же самые стены из рыхлой земли, с вкрапленными кое-где камнями, такие же самые корни, переплетавшиеся иногда сложными узорами. И никаких следов, кроме одного гигантского следа огромной метлы. Но теперь Гуро уже твердо решил, что эта самая метла была верным следом. Бесспорно, это след чудовища, которое тащило за собой свое туловище и заглаживало им все предыдущие следы.

Что это было за животное? Что обещает встреча с ним?

Спокойным, размеренным шагом Гуро двигался вперед. Уже два раза ему попадались разветвления. После короткого обдумывания дальнейшего пути Гуро оба раза выбрал тот ход, что шел вниз. Он рассчитывал так:

— Животное, делающее подземные ходы, роет их не для того, чтобы попетлять внизу и выйти снова, просто так себе, на поверхность. У него должна быть какая-то центральная часть хода, его логово, так сказать, и это логово, разумеется, будет ниже под почвой. Итак, мой путь — вниз!

Охотник не забывал помечать на каждом разветвлении тот ход, которым он пришел сюда. Он даже не жалел времени, чтобы

делать на стенах пометки коротким кинжалом, с которым никогда не расставался, точно так же, как и со своей тридцатизарядной винтовкой.

Третье разветвление. Гуро сдвинул брови:

— Дело усложняется. Хозяину этих катакомб, разумеется, хорошо известно, куда какая дорога ведет... А мне... хм... пойдем по старому принципу. Мой путь — дальше, вглубь.

Гуро сделал очередную зарубку на стене и шагнул вперед. Но вдруг остановился и прислушался. Какой-то неясный тихий звук обратил на себя его внимание. Словно бы что-то шуршало, едва слышно шипело. Вот упало несколько камней, они покатились по почве. Каждый звук рассказывал охотнику о чем-то, а все сплетение звуков рисовало в его воображении такую картину:

— По норе, где-то впереди, ползет какое-то животное. Ползет медленно и осторожно. Не могу сказать, чтобы оно ползло от меня, потому что звуки не ослабевают. Точно так же не могу сказать, что оно приближается ко мне, потому что звуки не усиливаются. Следовательно... оно остается на месте? Но как можно оставаться на месте, ползя?

Мысли эти мгновенно промелькнули в его голове. Гуро включил прожектор и, пользуясь неверным туманным светом загадочных светляков-камней, медленно двигался вперед, держа винтовку на изготовке. Он словно забыл о привычке ходить быстрым свободным шагом. Теперь Гуро шел вдоль стены, медленно, прячась за ее выступы и не продвигаясь вперед ни на метр, пока ему не удавалось как следует рассмотреть этот следующий метр.

Так подкрадывались когда-то краснокожие индейцы, так подкрадывается хитрый хищник, охотящийся за своей жертвой. У Гуро была еще более важная задача: он должен был спасти Василия, и уже в силу этого не имел права ни на какой необоснованный риск.

Шаг за шагом охотник продвигался вперед. Таинственные звуки не исчезали. Они стали теперь яснее, потому что Гуро приблизился к месту их возникновения. Таинственное животное, действительно, словно оставалось на том же самом месте. Вот опять отчетливо слышно: упал камень, покатился. И опять то же самое, едва слышное шипение. Что же это такое?

За наворотом входа Гуро наконец заметил какое-то громадное тело, пересекавшее тоннель. Охотник остановился. Его вин-

товка почти автоматически выставила вперед свое короткое дуло. Палец уверенно лежал на спуске винтовки. Глаза Гуро изучали цель холодным, спокойным взглядом.

Поперек тоннеля лежало огромное круглое тело. Оно, казалось, состояло из колец, непрерывно шевелившихся. Будто обрубок громадной колоды, вкопанной своими концами в обе стенки тоннеля. Но живой обрубок, который все время, вибрируя, двигал своими коричнево-красными кольцами. И от этого движения со стены время от времени срывались, падали камни, катились вниз.

Глаза Гуро не отрывались от удивительного животного. Что оно делает? Что за непонятное положение поперек тоннеля? Постепенно, все более привыкая к полутьме, Гуро заметил, что кольца, из которых состояло тело животного, словно бы медленно выходили из одной стены и входили в другую. Может быть — это лишь своего рода обман зрения?

Впрочем, нет. Охотник заметил на одном боку животного небольшое черное пятно. Это пятно медленно двигалось вместе со своим кольцом. Вот оно уже совсем приблизилось к стене. Вот соприкоснулось с нею... исчезло!

Да, ошибки быть не могло. Гуро видел лишь небольшую часть длиннейшего чудовища, которое ползло поперек тоннеля, вылезая из одной его стены и исчезая в другой. Кольчатое тело продвигалось без конца, загораживая путь. Что же это за животное?

Гуро опустил дуло винтовки. Он нажал на выключатель прожектора. Яркий свет облил диковинное животное, вернее, ту часть его тела, что была в тоннеле. Так вот они, эти кольца! Теперь видно очень хорошо. Можно подойти ближе.

Нежное, прозрачное тело. Оно, казалось, беспрерывно пульсировало, передвигаясь поперек тоннеля и с заметным усилием подтягивая свои кольца. Внутри этого тела, в обратном направлении, двигалась какая-то черная масса. Или, правильнее, эта масса не двигалась, она словно стояла на месте, а прозрачное тело продвигалось по ней, как бы натянутое на черную палку.

Гуро дотронулся дулом до чудовища. Его бок вздрогнул, вдоль него пробежали морщины. Отступив на шаг, Гуро задумался, наблюдая, как медленно проползало чудовище поперек тоннеля.

Странные вещи приходили ему на ум. Пребывание путешественников на Венере приносило им неожиданные встречи с диковинными животными. Это не были страшилища юрского периода, о которых столько рассказывал Сокол. До сих пор они не видели никаких бронтозавров, археоптериксов, игуаноносов. Может быть, здесь, на Венере, жизнь развивалась иными путями, отличными от земных? Вполне возможно. Странно лишь, что предсказания Сокола относительно растительности на Венере, этой богатейшей бурной флоры юрского периода, — осуществились полностью, а предположения относительно фауны, относительно животных, не подтвердились ни в какой мере. Вот теперь эта встреча с живой прозрачной колодой, которая все еще ползет от стены к стене, словно она длиною в десятки метров... что это за животное?

И вдруг Гуро хитро подмигнул самому себе. Ему знакомо это животное! Правда, он помнит его в несколько другом виде и размере, но — это оно, оно! Охотник легко ударил красноватое тело дулом винтовки. Вдоль тела опять пробежали морщины, животное словно пыталось избежать прикосновения неведомой вещи. Гуро засмеялся хриплым, немного напряженным смехом:

— Я знаю, кто ты такой, — сказал он, обращаясь к молчаливому вибрирующему телу. — Ты — червь! Ты дождевик, вот ты кто!

Это звучало невероятно. Так мог бы сказать разве что сумасшедший. Дождевой червяк — вот это чудовище, толщиной в полтора метра? Дождевик такого фантастического размера?

Однако охотник больше не колебался. Он с силой ударил винтовкой по полупрозрачному телу. Кольца, составляющие его, зашевелились быстрее; чудовище старалось как можно скорее спрятаться в землю, убежать.

— Пролезай, пролезай, — пробормотал Гуро, — не задерживайся. У меня нет времени. Дождевик... хм, да сколько ж ты еще будешь тащиться?

Гигантский дождевик, казалось, был бесконечным. Он загораживал своим телом путь, между ним и потолком тоннеля оставалось всего с полметра. Как пройти?

Гуро выставил вперед винтовку и быстро, не целясь, выстрелил. Сухой звук растаял в воздухе, его поглотили мягкие стены. Пуля пронзила тело дождевика. На нем осталась маленькая

крапинка — и только. Кольца двигались вперед все с такой же скоростью. Гуро закусил губу:

— Может быть, я ошибся, — подумал он. — Может быть, я зарядил винтовку не разрывными пулями?

Он проверил магазин. Нет, там лежали именно разрывные пули. Что же случилось? Почему пуля не разорвалась? Впрочем... ха-ха, опять все понятно. Пуля не разорвалась потому, что не встретила достаточного сопротивления. Она прошла сквозь тело дождевика, не причинив ему вреда, как прошла бы сквозь кисель.

Гнев охватил охотника. Ему нужно спешить, каждая секунда промедления может стоить жизни Василию, а он стоит тут, не зная, когда освободит путь этот мерзостный дождевик, перегородивший ему дорогу. Разрубить его, уничтожить!.. Рука охотника уже нащупала рукоятку короткого острого кинжала, висевшего в ножнах у него на поясе. Но Гуро подумал:

— Ну, хорошо, я разрублю эту гадину надвое. Но ведь это же дождевик. Он все равно не остановится, будет ползти, еще более загораживая путь. Нет, рубить нельзя.

Оставался только один способ — перелезть через отвратительное тело, протиснуться между ним и потолком тоннеля. Гуро отступил на несколько шагов назад, разбежался и прыгнул вверх. Руки его попали на спину дождевика, он упал на его бок грудью, ноги его ударились коленями о бока мягкого холодного тела. Охотник почувствовал, как дождевик задрожал от удара. Он напрягся, пытаясь сбросить с себя человека.

Однако Гуро с бешеным усилием уже влезал на него, сжимая зубы, чтобы сдерживать припадок тягостной тошноты, которая подступила к горлу. Еще миг — и он легко соскочил, протиснувшись под потолком поперек тела свирепо извивавшегося дождевика. Слюна наполнила рот охотника. Не оглядываясь, он быстро пошел вперед по тоннелю, принуждая себя не слушать легкого шороха сзади, напоминавшего ему про отвратительного червя.

Но это продолжалось лишь несколько минут. Новые звуки, значительно более громкие и угрожающие, привлекли к себе внимание Гуро. Какой-то рев, хриплый и ужасающий, долетал издалека. Ему отвечали тонкие звуки, напоминавшие повизгивание щенят. Забыв о возможной опасности, Гуро ускорил шаги. Рев, прерывавшийся тревожным молчанием, усиливался. Так могло

реветь лишь какое-нибудь до крайности взбешенное чудовище, нападая на врага.

— Скорее, скорее, — выстукивало сердце охотника. — Как я мог задержаться около этого дождевика... скорее, скорее!

Гуро на ходу ощупью проверил свое оружие. А рев все приближался. Но вот тоннель еще раз круто повернул, и перед Гуро открылось темное отверстие. Луч прожектора потонул в глубокой темноте отверстия, ни на чем не остановившись. Резким взмахом руки Гуро выключил прожектор, но тотчас же опять включил, бросившись вперед.

Он ясно услышал, как прозвучал выстрел. В ответ на него рев раздался с новой силой. Затем прозвучало еще несколько выстрелов разрозненно, с разными интервалами. И опять грозный рев.

Далее четко послышался глухой стон человека. Гуро уже лежал на краю тоннеля, внезапно обрывавшегося черною пропастью, и смотрел вниз, откуда долетали угрожающие звуки. Словно в ответ на стон, огромная пещера, в которую он смотрел сверху, наполнилась мягким голубым сиянием, лившимся со всех сторон. Луч прожектора Гуро выхватывал из потемок отдельные куски скал, груды земли, каких-то странных мохнатых тварей. И наконец Гуро увидел то, чего искал.

На расстоянии десяти-пятнадцати метров от него, внизу, возле одной из стен пещеры, на глыбе земли лежал человек в скафандре. Он бессильно склонил круглый шлем на руки, рядом с ним лежала винтовка. Человек лежал неподвижно, как мертвый... Это был Василий.

И вдоль той же стены к обмершему, должно быть потерявшему сознание юноше быстро ползло гигантское чудовище. Длинные тонкие усы жадно обшаривали воздух, приближаясь к Василию. Гигантское тело быстро продвигалось вперед, поддерживаемое несколькими лапами. Две из них, передние, были широкие, как грабли, с острыми страшными зубцами. Одна из них поднялась, затем вторая.

Тонкий длинный ус тронул неподвижную фигуру в скафандре, и сразу же в воздухе с молниеносной быстротой поднялась широкая граблеподобная лапа, готовая упасть на человека и раздавить его.

Лапа вздрагивала в воздухе, приближаясь к человеку в скафандре, словно прицеливаясь для последнего решительного удара.

СХВАТКА У РАКЕТЫ

Николай Петрович наконец поднял голову от сложного рисунка, который он долго и старательно вычерчивал на бумаге. Сокол, все время внимательно следивший за движениями руки Рындина, перевел взгляд на академика.

— Итак, — неуверенно произнес он, — итак, что получается?

Рындин задумчиво посмотрел на него, на рисунок, опять на Сокола. И лишь после этого медленно ответил:

— Ничего утешительного не получается, дорогой Вадим... Ничего утешительного!

Он рассеянно сделал карандашом несколько широких черточек возле рисунка, словно пробуя карандаш. И продолжал, одновременно проводя карандашом на бумаге такие же черточки, как бы подчеркивая свои слова:

— Вот мои выводы. Ракета стояла раньше неплохо. Василий... — Он тяжело вздохнул. — Василий правильно заметил, что из этого положения можно было прямо стартовать. Дать несколько взрывов, начать движение — и ракета пошла бы вверх. Правда, здесь был бы известный риск. Старт нельзя было бы назвать вполне безопасным, но во всяком случае это было возможно. Теперь, после визита того чудовища, которое вздумало забавляться нашим кораблем и перекидывать его со стороны на сторону, ракета изменила положение. Она загрузла носом в почву, подняла хвост вверх. Дюзы смотрят в небо. Сделать взрывы — значит, погрузиться еще больше в почву. Понимаете?

Сокол молчал.

— Разумеется, нам еще рано думать об отлете. Мы ничего пока что не нашли... разве что потеряли. Поживем — увидим. Может быть, еще какое-нибудь страшилище пожелает поиграть кораблем и поставит его как следует, — пошутил Николай Петрович. Но Сокол даже не улыбнулся.

Он сидел неподвижно и крутил пряди волос, спадавшие ему, как и всегда, на лоб. Вот он снял свои очки, протер их, надел и внимательно посмотрел на Рындина.

— Николай Петрович, — произнес он наконец, — нельзя ли будет, скажем, подкопать почву под ракетой... чтобы ракета стала ровнее. Хотите, я посмотрю?

Рындин спокойно улыбнулся:

— А не рано ли, Вадим? Повторяю, нам спешить некуда. Еще успеем. Или вас уже назад, на Землю тянет?

Сокол покраснел:

— Нет, не то... не то, Николай Петрович...

— А что же?

— Я скажу вам откровенно. Меня всегда нервировала неизвестность. Я могу недурно работать, Николай Петрович (и вы это хорошо знаете), но я должен знать, что будет дальше. Вот сейчас, когда...

Сокол заметно волновался. Он поднялся, выпил воды, сел на место и опять встал:

— Ну вот, меня нервирует сознание того, что путь к возвращению домой как будто отрезан. Нет, Николай Петрович, нет, уверяю вас, я не думаю о возвращении — по крайней мере до того времени, пока найдем Василия и разыщем наши элементы. Но — с какой радостью я делал бы все, если бы знал, что эта возможность возвращения не отрезана... Ну, вот, такой я глупый, такая у меня особенность. Не могу я таиться перед вами, Николай Петрович...

Рындин слушал Сокола, не сводя с него глаз. Он помолчал с минутку.

— Садитесь, Вадим, — ответил он. — Я понимаю вас. Поймите и вы меня. Возможность возвратиться назад не отрезана.

— Как?

— У меня есть свои мысли. Позже я познакомлю вас с ними. Нужно еще все обдумать, взвесить. Во всяком случае, в своем докладе, который мы должны отослать на Землю, я не говорю, что наше положение безнадежно. Наоборот, я уверен, что мы счастливо возвратимся назад. Только бы найти Василия! Кстати — после того, как Борис сообщил, что спускается вниз, вы ничего больше не слышали от него?

— Нет.

— Вот это и беспокоит меня больше всего. Что ж, будем надеяться, что Борис найдет нашего юношу. Теперь слушайте, Вадим. Пойдите на минутку в навигаторскую рубку и напишите

там письмо. Мы с вами сейчас отправим вторую ракету-письмоносца. Идите, пишите, только не слишком долго, я хочу сделать это, пока возвратятся Борис и Василий!

— Какое письмо? — Сокол очень неуклюже делал вид, что он не понимает.

— Ну, Вадим, разве мне нужно вам пояснять? Поищите в вашей памяти, может быть и найдется какая-нибудь особа на Земле, которой приятно будет получить от вас известие. Да довольно, я вам говорю, — добавил Рындин с деланною суровостью, видя, что Сокол медлит. — Разве не вы сами рассказывали мне в свое время и про вашу невесту, и про все иное? Идите, я вам говорю. А то отправлю ракету без вашего письма.

— Я, Николай Петрович, того... я уже...

— Неужели написали?

Сокол сконфуженно достал из кармана письмо. Рындин засмеялся:

— Ну, вот, а то скрывали! Надевайте скафандр, выносите ракету. Я сейчас выйду вслед за вами. Только попробую отыскать солнце. Надеюсь, что хоть на этот раз наш инфракрасный экран не откажется служить.

Уже выходя, Сокол, вспомнив что-то, спросил:

— Вы сказали, что выйдете вслед за мной? А как же вы пойдете? Ведь у нас нет четвертого скафандра. Или вы хотите без него?

— Ну, да, я пойду без скафандра, — ответил Рындин, не обращая внимания на удивление Сокола. — Не волнуйтесь, надевайте ваш. Жаль только, что я не смогу услышать вас. Вы-то будете слышать меня, а я вас — нет. Ну ничего, как-нибудь пойдем друг друга. Надевайте.

— А если нападут летучие насекомые?

— Они, как мы уже установили, нападают лишь в глубокой тени. А сейчас солнце стоит высоко. Одевайтесь!

Сокол не пытался спорить дальше. Если Рындин сказал — нужно было подчиняться. К тому же, и время пройдет быстрее. Это гнетущее ожидание, пока возвратится Гуро... и какие известия он принесет? Ах, Василий, Василий, неужели же Гуро вернется без тебя?

Николай Петрович довел Сокола до дверей в коридор, который шел к наружному люку:

— Прошу, выходите. Немножко подождите меня. Да не забывайте прислушиваться тогда к моим словам.

Сокол прекрасно слышал все, что говорил Рындин. Он закрыл за собою двери, прошел в камеру, где лежали ракеты-письмоносцы, взял одну из них и с большими усилиями потащил ее к выходу. Теперь это была работа значительно более тяжелая, чем тогда, когда они выпускали письмоносца в межпланетном пространстве. Через несколько минут люк опять открылся, и из корабля вышел старый академик. Он остановился на пороге люка, протянул вперед руки, — вперед к зеленым зарослям, к скалам и папоротникам:

— Какой чудесный воздух! Какой изумительный вид, какие разнообразные краски, какие живописные растения! И сколько тайн прячется под красотой этого пейзажа!..

Он умолк. Воспоминание о Василии, о судьбе несчастного юноши возникло в его голове, как только вырвались у него слова о тайнах Венеры. Что с ним? Где он?

Свежий прохладный ветер развеивал его седые волосы, откидывал полы пиджака. Прямо перед ним раскинулись буйные заросли, поднимавшиеся по склонам вверх, все густевшие и превращавшиеся в девственный первобытный лес удивительной планеты. Далекое стрекотание, какое-то мелодичное чирикание долетало до слуха Николая Петровича. Он повернул голову к Соколу:

— Слышите, Вадим? Это — звуки здешней жизни. Ах, если бы наш Василий был с нами!

Он сошел на почву и, сверяясь с записями на листке бумаги, установил на прочном треножнике ракету-письмоносца в нужном направлении. Проверил, плотно ли закрыты дверцы ракеты. Сигарка смотрела в какую-то одну точку неба, выбранную Рындиным.

— Отойдите, Вадим... Я выпускаю!

Он нажал маленький рычаг на боку ракеты и отпрыгнул в сторону. Из дюзы ракеты вылетели пламя и синий газ. Металлическая сигара с рокотом взлетела в воздух и, обвитая дымом, исчезла в тучах. Только густое синее облачко осталось от нее.

— Полетел наш второй вестник, — задумчиво произнес Рындин. — Скоро ли придется отправлять третьего? Ведь его очередь наступит перед нашим обратным стартом... Однако, у меня мало времени. Пойдемте, Вадим, осмотрим ракету.

Они шли рядом. Сокол в непроницаемом скафандре, круглом шлеме с большими стеклянными окнами — точь-в-точь водолаз, которому не хватало лишь тяжелых свинцовых подошв и грузила на шею. И Рындин в обычном сером пиджаке, длинных брюках, без шапки, с серебряными своими волосами, развевавшимися под порывами ветра, с взволнованным лицом: он был первым человеком, который вдыхал полной грудью воздух Венеры!

Они обходили вокруг ракеты. Выводы Николая Петровича были вполне правильны. Ракета зарылась в почву носом, подняв вверх хвост. Дюзы смотрели в небо. Нельзя было и думать о том, чтобы выравнять ее при помощи взрывов. Это только ухудшило бы положение.

Сокол внимательно следил за Николаем Петровичем, который не пропускал ни одной мелочи. Вот Рындин подошел ближе к ракете и ощупал рукою царапины, сделанные чудовищем, которое пыталось опрокинуть корабль.

— Солидные шрамы, а, Вадим? — сказал он. И сразу его лицо омрачилось. Должно быть, опять воспоминание о Василии возникло у него.

Они шли дальше. Сокол заметил, что старый академик дышит не так, как всегда. Он делал глубокие вздохи и выдохи, словно очень утомленный. Жестом руки Сокол показал на свое лицо, раскрыв широко рот, подражая дыханию Рындина. Николай Петрович махнул рукой:

— Ну, да, немного не хватает кислорода... или, наоборот, слишком много углекислоты. Но это пустяки. Минут на пять мне еще хватит. А затем нужно возвращаться. Дальше станет небезопасно. Идем, идем!

Но теперь Сокол все время посматривал на Рындина: его беспокоило это тяжелое дыхание. Он думал: «Вот нам Николай Петрович не разрешает выходить без скафандра, а сам... нет, нужно следить, как бы чего не случилось».

А Рындин шел дальше, заканчивая осмотр ракеты. Вот он остановился перед большой каменной глыбой, которая наклонилась над кораблем, прижав его. Между нею и ракетой, только снизу оставался просвет, где можно было пройти. Рындин дотронулся до глыбы.

— Интересная порода! Как вам кажется, Вадим? А ну-ка отбейте вашей киркой осколок. Исследуем в каюте.

Сокол исполнил желание Рындина. Отбитый ловким ударом кирки обломок глыбы заиграл в изломе разноцветными блестками.

— Интересная, интересная порода, — повторил Рындин задумчиво, рассматривая обломок и пряча его в карман. — Ну, теперь идем домой, Вадим. Мне сдавило грудь. Больше не могу.

И он легким движением протиснулся в просвет между скалой и ракетой. Сокол переждал, пока Рындин освободит проход, чтобы пройти и самому вслед за ним — и услышал удивленный возглас Николая Петровича:

— Что это такое?

Сокол бросился в проход. Его кирка зацепилась за глыбу, упала на землю. Спеша, Вадим не поднял ее. Он взглянул туда, куда смотрел Рындин, и чувство отвращения охватило его.

Прямо на стене ракеты, на наружном ее люке, через который они выходили и через который должны были возвращаться обратно, сидело страшное, неправдоподобное чудище. Большое, как у рослой овцы, округленное, косматое туловище, среди черной шерсти которого виднелись белые и желтые полосы. Большая волосатая голова вытянута вперед; из лба смотрели холодные свирепые глаза. Что-то похожее на два клюва торчало спереди этой головы. Два клюва, одновременно раздвигавшиеся и сдвигавшиеся, угрожающе показывая зубчатые свои края. И пять пар мохнатых ног, которыми этот гигантский паук крепко держался за стену ракеты.

Да, это бесспорно был паук. Он свирепо смотрел на людей. Его ноги едва заметно вздрагивали от напряжения. Казалось, он в любую секунду готов был броситься на путешественников.

— Какое отвратительное... животное... ой! — услышал Сокол голос Рындина. Старый академик насилиу говорил. Казалось, он задыхался. Сокол быстро взглянул на него. Николай Петрович шатался. Лицо его, перед этим покрасневшее, теперь приобрело какой-то зловеющий синеватый оттенок. Сокол вспомнил: Рындину нечем дышать, он постепенно отравляется углекислотой. Но — что сделать? Ведь он, Сокол, не выполнил просьбы, строгого требования Гуро — не выходить из ракеты без оружия...

Николай Петрович едва слышно произнес:

— Вадим... гоните его... этого паука... да осторожнее... он может быть... ядовитый...

Сокол беспомощно взглянул на паука. Тот сидел неподвижно, словно изучая силы противника. Но вот его ноги шевельнулись. Он слегка продвинулся вперед. Клювы его угрожающе раздвинулись, голова глубже вдавилась в туловище. Чудовище встало в боевую позу, решив, очевидно, что перед ним его какие-то неизвестные, но обреченные жертвы.

— Нужно попробовать испугать его, — подумал Сокол. — Ведь нам нужно только, чтоб он сошел с люка, освободил дорогу...

Не сводя с паука глаз, он сделал шаг назад и, присев, нащупал позади себя кирку. Это было его единственное оружие. Ждать какой-либо помощи не приходилось. Собрав все свои силы, Сокол с диким возгласом прыгнул вперед, забыв, что чудовище все равно его не услышит.

Паук немного отодвинул назад туловище. Но ноги его не сдвинулись с места. Из широко раздвинутых страшных клювов вырывалось угрожающее шипение. Длинные волосы на его туловище взъерошились. Чудовище не сдавало позиции.

Сокол оглянулся на Рындина. Старик стоял, опершись на скалу и тяжело хватая воздух открытым ртом. Его глаза были закры-

ты, грудь конвульсивно поднималась и опускалась. На лбу блестели большие капли пота.

Не помня себя, Сокол схватил с земли большой обломок глыбы и бросил в паука. Обломок попал выше клювов, отскочил и упал. Над клювами выступила густая белая жидкость. Чудовище было ранено.

Сжав похолодевшими руками кирку, Сокол увидел, как паук поднял угрожающе переднюю пару лап и на четырех остальных парах быстро двинулся вперед. Страшные волосатые лапы с острыми когтями на концах шевелились в воздухе, готовые схватить противника и притянуть к клювам, из которых слышалось свирепое шипение.

Чудовище было настолько отвратительно, что Сокол невольно отступил на шаг назад. Он почувствовал, как покрывается потом его лоб, как пальцы становятся влажными в липкими. Паук медленно, словно рассчитывая каждое движение, подвигался вперед, не опуская передних лап и держа их наготове.

Глухой стон донесся до Сокола. Это стонал Николай Петрович. Должно быть, паук тоже услышал этот стон, потому что он внезапно переменял направление и двинулся прямо к академику, намереваясь схватить его бессильное тело своими когтями.

И опять Сокол забыл обо всем, даже об отвращении. Что-то выкрикивая, сжимая зубы, он бросился вперед на паука, замахиываясь на него киркой. Чудовище остановилось. Его лапы махнули в воздухе, пытаясь схватить Сокола. Клювы широко раздвинулись. На них появились густые желтоватые капли.

— Яд? — молниеносно промелькнуло в голове Сокола. — Ну, пусть яд, все равно.

Изо всех сил он хватил паука киркой по голове. В то же самое мгновение он почувствовал, как что-то схватило его за бока. Что именно — он не видел, но знал, что это были передние лапы паука. Сокол изо всей силы тянул назад кирку, чтобы ударить еще раз. Но она застряла и не вытаскивалась. Мощные объятия чудовища сжимали тело Сокола и медленно, но верно подтягивали его к клювам.

Сокол почувствовал, что его ноги отрываются от почвы. Он висел в воздухе, зажатый в когтях чудовища, не выпуская из рук рукоятки кирки и пытаясь вытащить ее. Вот перед его глазами, перед стеклянными окнами шлема мелькнули кривые зубчатые

клювы. Чудовище, наконец, подтянуло его голову к себе. Клювы раздвинулись еще шире и схватили шлем.

Послышался отвратительный скрежет. Клювы скользили по ровной поверхности шлема, бессильные сломать его металлические стенки.

— Только бы выдержало стекло, только бы выдержало стекло... — шептали побелевшие губы Сокола. — Да еще соединительные трубки, что подводят кислород к резервуару...

Скрежет клювов по металлу усилился. Чудовище пыталось разгрызть шлем. Желтые потоки густой жидкости потекли по стеклу шлема. Должно быть, это был яд, который выпускали из клювов ядовитые железы чудовища.

Сокол был почти лишен возможности что-нибудь видеть сквозь внезапно помутневшее, желтое стекло. Он еще раз попробовал вытащить кирку. Она покачнулась, но не выдернулась.

Вдруг скрежет прекратился. Клювы вгрызлись во что-то. И вот в ушах Сокола прозвучал резкий треск. Вслед за тем в нос ему ударил густой смрад, такой едкий и мерзкий, что на глаза набежали слезы.

— Разорвались соединительные трубки! — с отчаянием подумал Сокол и, собрав все силы, еще раз дернул рукоятку кирки. Он с радостью почувствовал, что она подалась. Еще усилие — и кирка освободилась. Тогда, извиваясь в сильных объятиях чудовища, Сокол начал бить киркой куда придется, почти ничего не видя и лишь механически отмечая каждый раз, когда острие кирки погружалось в тело страшилища.

Сколько ударов он нанес — он не помнил. Но вот объятия паука ослабели. Свирепые удары клювов о шлем прекратились. Еще миг, и Сокол почувствовал, что он падает. Мягкий удар о почву. Сокол сидел на ней, протирая стекло рукой. Он увидел, как паук, хромая, медленно отползал от ракеты, направляясь к скалам. Из многочисленных ран на его туловище вытекала густая белая жидкость.

— А Николай Петрович?.. — внезапно вспомнил Сокол.

Рындин лежал возле скалы. Он не шевелился. Синие губы его бессильно открылись. Грудь не поднималась. Он был или в обмороке, или... Дальше Сокол не осмелился думать.

Быстрым движением он поднялся. Острая боль в боку заставила его сразу согнуться. Пересиливая эту боль, Сокол схватил

безжизненное тело старого академика поперек туловища, поднял его и понес к люку. Он шатался, что-то как ножом резало ему бок. С громадными усилиями он открыл люк и ввалился вместе со своей ношей внутрь ракеты.

Подняться вверх у него не хватало сил. Ползя на руках и ногах, Сокол тащил за собою Николая Петровича. Вот, наконец, внутренние двери, ведущие в центральную кабину. Последним усилием он открыл их, прополз внутрь и втащил тело Николая Петровича.

Двери с мягким скрипом автоматически закрылись за ним.

Дрожащими руками Сокол снял шлем. Скафандр снимать он не стал, не мог. Что с Николаем Петровичем?

Старый академик недвижимо лежал на полу. Ни одной кровинки не было у него в лице. Посиневшее, безжизненное, оно мертвенно смотрело вверх своими полураскрытыми глазами.

— Николай Петрович... Николай Петрович!.. — с отчаянием позвал его Сокол.

Молчание.

— Николай Петрович!.. — еще раз крикнул Сокол, слегка дотронувшись до старика и боясь смотреть ему в лицо.

Рындин неподвижно лежал на полу.

НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

Василий ясно слышал, как в его левом виске стучал маленький острый молоточек. Тук... тук... тук... Вспотевший лоб лежал на холодном стекле шлема. Юноша знал: вот еще секунда — и конец. Грозное ворчание приблизилось к нему. И эта поднятая лапа с зубчатыми краями... Неужели же это последнее, что довелось ему увидеть в жизни?..

Как бы большая и длинная разорванная кинолента пронеслась перед его глазами. Отдельные кадры ее останавливались, задерживали на себе внимание и мчались дальше, исчезали, освобождая место для следующих. Сколько может человек вспомнить за несколько секунд? Кажется, немного, но за эти несколько секунд Василий успел увидеть так ясно, словно бы все стояло у него перед глазами, — успел увидеть почти всю свою жизнь.

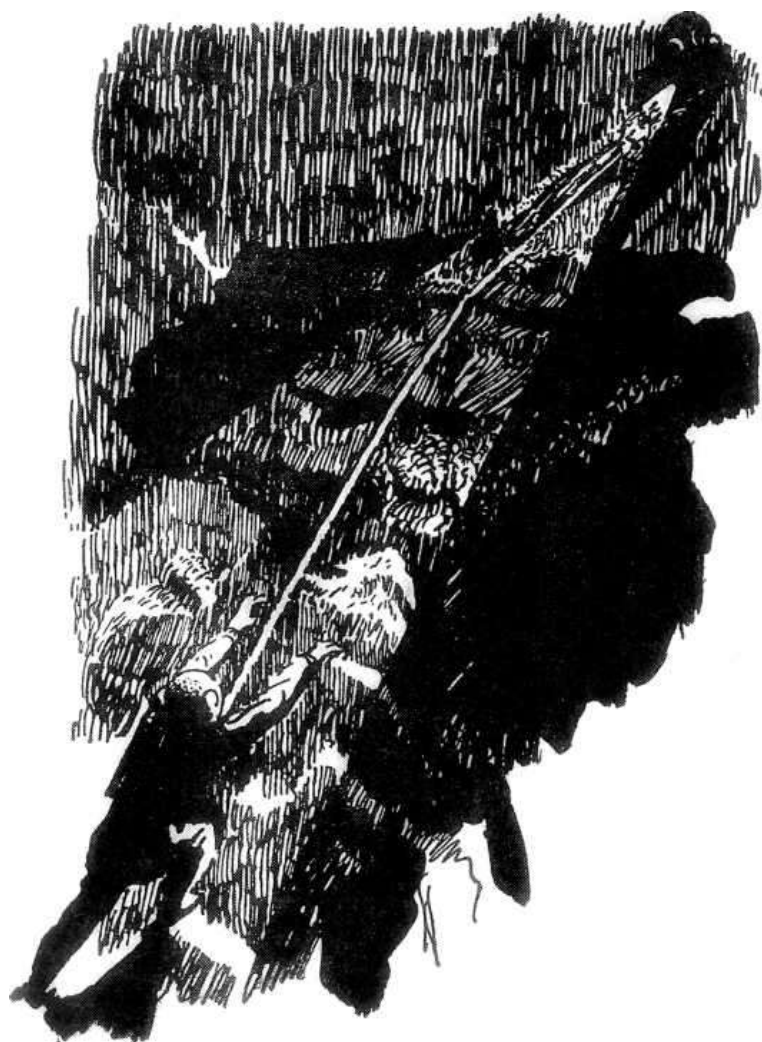
Вот он, Василий, еще маленький, забрался в шкаф, где лежали памятки об отце, его вещи. Никто не заметил этого, и через пять минут маленький Вася появился перед родными в буденовке и с саблей, тащившейся вслед за ним по полу. И как он проливал слезы, когда мать отобрала у него эти замечательные вещи!..

И еще раз он плакал горячими слезами, когда побывал с матерью в мавзолее Ленина. «Мама, неужели Ленин никогда не встанет?» — спросил маленький Вася. И, услышав ответ, горько заплакал: ему так хотелось, чтоб Ленин опять был живой!

Экзамены в школе. Василий — отличник. И вдруг, неожиданно, он забыл формулу воды. Невозможно, по-глупому смешно, но забыл и не мог вспомнить, до тех самых пор, пока преподаватель, поняв, что мальчик волнуется, отпустил его на минутку на место. А затем — как блестяще Василий доказал свои отличные познания!

Маруся... его черноглазая приятельница, вместе с которой он обсуждал возможности своего путешествия в межпланетном корабле Рындина... теперь она, вероятно, вспоминает о нем, милая, дорогая Маруся...

Всего несколько секунд — и столько воспоминаний, столько мыслей!.. И вдруг Василий услышал резкий звук выстрела. Юноша вздрогнул: это чудится ему, чудится!..

Но вслед за этим раздался второй выстрел, совсем близко у его головы. Или это был уже не выстрел, а взрыв? Дикий рев ответил на это.

Помощь? Откуда? Кто?

Порывистым движением Василий поднял голову, но тотчас же опустил ее снова. Потому что он узнал спокойный, властный голос Гуро:

— Юноша, не шевелиться! Лежать все так же, как лежал до сих пор. Ни одного движения. Я управлюсь один.

Гуро уже сидел на выступе, свисавшем в верхней части пещеры, на противоположной ее стороне. Он держал в руках свою короткую автоматическую винтовку, из которой еще тянулась тоненькая струйка дыма, заметная в ярком луче электрического прожектора, направленного вниз. Вниз смотрел и охотник.

Страшный гигант, уже занесший над Василием лапу, беспомощно махал теперь ею в воздухе. Собственно, это была уже не та лапа, которую видел только что Гуро. Ловкий охотник в какую-нибудь долю секунды прицелился, выстрелил и раздробил лапу чудовища. Разрывная пуля его винтовки наткнулась на сопротивление и доказала, на что способны эти крошечные снаряды. Толстый слой твердой оболочки лапы был разорван в куски; мускулы висели на ниточках жилок. Чудовище свирепо ревели; должно быть, ему было знакомо чувство боли.

Оно недоумевало. Вот только что перед ним был враг, который стрелял, теперь этот враг лежит неподвижно, должно быть — мертвый. А опасность появилась с другой стороны. Что это еще за опасность? И почему не действует лапа?

Непонимающими глазами чудовище искало эту вторую напасть, забывая про первого врага. Его длинные усы, словно обнюхивая воздух, быстро двигались и извивались.

Именно этого и хотел Гуро.

— А ну-ка, посмотри сюда. Я тут, тут, голубушка; иди, нападай на меня, — бормотал Гуро сквозь сжатые зубы, — иди, иди сюда. Да вот я где!

С последними словами он направил на чудовище яркий луч своего прожектора. Чудовище взревело и решительно повернулось к Гуро, окончательно забыв про Василия. Оно медленно подвигалось через пещеру, не сводя с охотника свирепых глаз. Ви-

димо, ему мешали раненые лапы; страшилище тяжело передвигалось, таща за собой длинное, грузное туловище.

— Сюда, сюда, вот так, ближе, — повторял Гуро. — Василий, дружок, можешь теперь смотреть. Только не высовывайся из-за глыбы, а то я боюсь задеть тебя! Как ты себя чувствуешь?

Василий поднял голову и выглянул. Он увидел острый, как нож, луч прожектора, соединявший, казалось, темную фигуру на высоком выступе с гигантским чудовищем, которое ползло к этому выступу.

— Да что же ты не отвечаешь? — опять донесся к нему спокойный голос Гуро. — Как себя чувствуешь? Или разучился разговаривать, а?

Василий удивленно посмотрел на темную фигуру на выступе: какое спокойствие, какая выдержка!.. Готовится к битве с таким чудовищем и спокойно говорит, словно сидя где-то на балконе...

— Все хорошо, товарищ Гуро, только вот это созданище едва не поставило точки на моей биографии, — ответил он, стараясь попасть в тон собеседника.

— А вот мы сейчас, наоборот, поставим точку ему, — весело отозвался Гуро. — Как ты всегда говоришь? Факт...

— Факт, факт, — подтвердил Василий. — Но как же вы поставите эту точку? Вы осторожнее, она, эта тварь, того...

— А вот увидишь. Ну, ты, пошевеливайся!

Последние слова охотника адресовались уже чудовищу, которое, подползая к стене, остановилось. Выступ закрыл от него фигуру врага. Усы ощупывали стену, одна лапа из всех сил скребла ее, отрывая большие камни и сбрасывая их вниз.

— Э, нет, так мне неудобно, — произнес Гуро. Он подвинулся ближе к краю выступа, выставил вниз винтовку и нажал спуск. Гулкий выстрел раздался в пещере и прогремел внизу: то взорвалась разрывная пуля в теле чудовища.

Этого было достаточно. Вконец рассвирепевшее страшилище бросилось вверх, цепляясь лапами и челюстями за землю и карабкаясь на выступ, на котором спокойно ожидал Гуро. Зычный рев, прерывавшийся рычанием, наполнил пещеру. А снизу, словно помогая и сочувствуя, визжали и тявкали маленькие чудища, дети страшилища.

Василий видел, как Гуро спокойно отложил в сторону винтовку, снял левой рукой со своего пояса какую-то круглую вещь, что-то сделал с ней и поднял в правой руке высоко над головой.

— Ну, Василий, держись! — услышал Рыжко его голос.

Охотник взмахнул рукой и в тот же миг скрылся за выступом, потому что голова страшилища уже приближалась к нему. Большая серая туча дыма, прорезанная огненными языками, закрыла голову чудовища. Свирепый рев моментально умолк, словно растворившись в громовом взрыве. Сверху падали камни, сброшенные волной воздуха, которая через секунду толкнула и Василия.

Гуро опять сел на выступ и осматривался. В руках его уже была винтовка.

Огромное туловище чудовища тяжело осело вниз. Лапы держались во все стороны. Два длинных отростка на конце туловища сближались и снова расходились, как гигантские ножницы. Вот туловище осело совсем и замерло. Туча дыма клубами расходилась под потолком, расплываясь в воздухе и оседая на потолок и стены.

— Видишь, как мы поставили ему точку? — спросил Гуро.

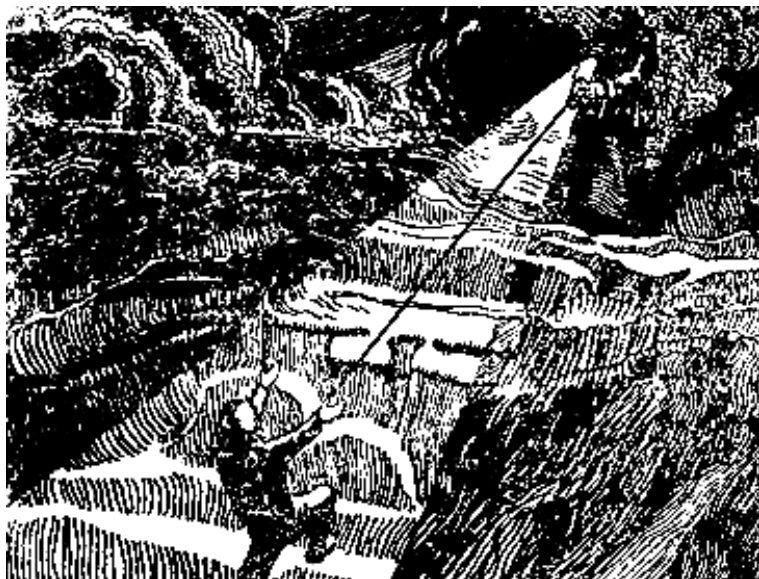
Да, Василий хорошо видел. Там, где перед этим была грозная бронированная голова страшилища, где лязгали грозные челюсти, шевелились длинные усы, — там теперь торчали отдельные куски хитинового панциря, какие-то жилы, клочки мяса. Граната сделала свое дело. Чудовище было обезврежено.

Но это зрелище было не менее отвратительным, чем вид целого чудовища. Волосатое туловище вздрагивало, лапы беспрерывно разгребали грунт, перетирая его. А главное, эти длиннейшие ножницы на конце туловища, не прекращавшие своего движения...

— Двинемся теперь, юноша, — опять послышался голос Гуро. — Там, в ракете, очень беспокоятся о тебе. Как бы это перетащить тебя сюда, ко мне?.. А, вот! Обожди, обожди.

Охотник, удобнее устроившись на выступе и опершись обеими ногами о камни, развернул моток тонкой веревки, который был перекинут у него через плечо. Он посмотрел туда, где был Василий, и взмахнул мотком в воздухе:

— Держи, юноша! — крикнул он.

Моток веревки, раскручиваясь в воздухе, полетел к Василию. Другой конец веревки был в руках у Гуро.

— Так, — произнес охотник, увидев, что Василий поймал веревку. — Теперь обвяжи конец поперек себя. Да как можно крепче, чтоб не развязалась. Кстати оказать, эти животинки, которые верещат внизу, они как — не помешают тебе?

Старательно обвязывая себя, Василий взглянул на середину пещеры.

— Кажется, нет, — ответил он, — они как щенята, только очень большие.

Опираясь на винтовку, он двинулся вперед. Ловкие руки Гуро подтягивали в то же время веревку, которая соединяла обоих. Вдруг Василий остановился:

— Товарищ Гуро, заметили ли вы, как отвечают нам эти удивительные камни? Как только скажешь что-нибудь, они светятся. Да вы выключите ваш прожектор, будет яснее.

— Прежде всего вижу, что ты совсем уже стал на ноги, — ответил Гуро. — Даже разговариваешь о посторонних вещах. Ну что ж, это неплохо. Ну-ка, что же с этими камнями?

Он выключил прожектор. Голубоватая полутьма наполнила пещеру.

— Смотрите! — крикнул Василий.

Словно отвечая ему, камни на всех стенах засияли голубым светом. Он переливался. Он волнами проплывал по стенам.

— Н-да, любопытно, — произнес Гуро задумчиво. И в тот же самый миг камни пролили новую волну света, начинавшуюся ближе к Гуро и прокатившуюся вдоль стен пещеры к Василию.

— Ну, будет раздумывать, — приказал Гуро. — Иди, мальчуган мой, иди. Повторяю, там очень беспокоятся о твоей судьбе.

Василий медленно выбирал дорогу между глыб земли, камней, которыми была усеяна пещера. Он приближался к диковинным, похожим на медвежат, тварям. Должно быть, они увидели его, потому что повизгивание усилилось. Василий внимательно посмотрел вперед и махнул винтовкой.

Испугавшись, твари, толкая одна другую, поползли в сторону, освобождая Рыжко дорогу.

— Так, так, паренек, гони их, — раздался голос Гуро. — А вот дальше тебе будет труднее.

В самом деле, дальнейший путь загораживало огромное тело страшного чудовища. Оно все еще вздрагивало, все еще корчились его лапы. Василий растерянно остановился: что делать? Но Гуро уже нашел выход.

— Забудь, мальчуган, про это чудовище. Оно не может тебе повредить. Разумеется, не нужно попадать под его лапы. Лезь на него, а я подтащу тебя за веревку.

Ничего другого не оставалось. Тело чудовища образовало крутой склон от выступа, на котором стоял Гуро, ко дну пещеры. Василий больше не медлил. Стиснув зубы, он прыгнул на мягкий волосатый бок страшилища. Оно заметно вздрогнуло под его ногами. Василий почувствовал, что тело это все еще живет, что жизнь не оставила его полностью. Оно извивалась, словно пытаясь сбросить его с себя.

Крепкая веревка подтягивала Василия вверх, облегчая подъем. Ноги путались в косматой шерсти, покрывавшей чудовище. А эта отвратительная дрожь огромного тела! Василий почувствовал, как задрожали у него ноги. Он пошатнулся.

— Смелей, мальчуган, — ободряюще сказал Гуро, внимательно следивший сверху за каждым шагом Василия. — Тебе осталось уже немного.

Еще десяток шагов, и Василий очутился под самым выступом. Гуро крепче оперся ногами о камни и потянул к себе веревку:

— Хватайся за землю, за камни, мальчуган!

Крутясь в воздухе, Василий приближался к Гуро, который ловкими движениями втаскивал его. Вот ноги Василия коснулись стены. Вот руки схватились за края выступа.

— Так, так, вылезай, — слышал он голос Гуро.

Еще через полминуты Василий сидел возле Гуро на каменном выступе и крепко сжимал сильную руку охотника. Ему хотелось многое сказать своему спасителю. Ведь без помощи Гуро он давно был бы уже мертв... Однако, смотря прямо в энергичное, словно высеченное из камня, лицо охотника, Василий чувствовал, что все такие разговоры ни к чему. Поэтому он лишь пожал руку Гуро и в это пожатие вложил всю свою благодарность. И тут же, застыдившись, отвернул голову: ему показалось, что у него на глазах выступили слезы.

Гуро ласково погладил юношу по плечу:

— Ничего, ничего, паренек. Это часто так бывает; после острых переживаний нервы человека не выдерживают. Тебе просто нужно будет отдохнуть. Но как ты сюда попал?

Путаясь, Василий коротко рассказал обо всем. Гуро молча слушал, покачивая по привычке головой. Глаза его рассеянно следили за камнями в стенах и потолке пещеры, все время вспыхивавшими голубым сиянием, светившимися, угасавшими при паузах в рассказе Василия — и вновь изливавшими из себя свет, особенно яркий тогда, когда Василий повышал голос.

— Действительно, — сказал, наконец, охотник, — серьезное приключение. Разумеется, все это произошло потому, что ты забыл о своем передатчике. Если бы ты сразу известил нас по радио, что упал в яму, — разве же мы не вытащили бы тебя?.. Кста-ти сказать, вот он, твой передатчик, — показал он себе за спину. — Узнаешь?

— Где ж вы его нашли? — искренно удивился Василий.

— Возле того хода, которым я пошел. Я взял его с собой, чтоб держать связь с ракетой.

— Все равно вы не получите ответа. Ведь передатчик ракеты испорчен, — заметил Василий.

— Испорчен, но не вполне. Он может подавать позывы, которые мы с тобою будем слышать, как короткий резкий хрип. Я так и условился с Соколом, что он будет отвечать мне такими позывами на каждое мое уведомление. Как видишь, все-таки связь, — усмехнулся Гуро.

— Факт, — радостно согласился и Василий.

Гуро повернул выключатель радиоаппарата и громко, четко произнес:

— Товарищи! Спешу порадовать вас. Со мной Василий, живой и здоровехонький. Все в порядке. Двигаемся домой. Сокол, прошу подтвердить, что вы меня слышали. Жду.

Оба — и Гуро и Василий — напряженно ожидали ответа: этого самого хрипа. Прошли секунды... тишина. Не было слышно ни одного сигнала. Василий растерянно посмотрел на Гуро:

— Может быть, они не слышат?

— Не может быть, — резко ответил Гуро. — Выходя, я сам включил приемник и громкоговоритель. Каждое мое слово доносится туда, в центральную кабину ракеты. Ну-ка, повторю еще раз.

Он так же четко произнес то же самое, что и раньше.

И опять проходили секунды и минуты. Передатчик ракеты молчал.

— Что-то случилось, — неуверенно произнес Василий. Гуро молчал, прислушиваясь. Он еще ждал. Наконец, он резко поднялся. Лицо его было хмуро и напряжено. Вслед за ним поднялся и Василий.

Гуро молча смотрел в пещеру. В голубоватой полутьме было все-таки видно, что чудовище уже не корчилось. Оно лежало совсем неподвижно. Только в одном уголке пещеры что-то шевелилось: оттуда доносилось тонкое повизгивание.

Гуро задумался. Наконец, он сказал:

— Ну-ка, мальчуган мой, свети своим прожектором туда.

— Куда? — не понял сразу Василий.

— Туда, на тех маленьких страшилищ. Ведь через некоторое время из них выйдут точно такие же чудовища, как и их мать, — указал Гуро рукой на мертвое чудище. — И привычки у них будут такие же самые. Еще чего доброго, придут атаковать наш корабль.

— Это еще не скоро будет. Они маленькие...

— А разве ты знаешь, сколько времени мы здесь пробудем?
Свети, паренек, да внимательнее.

Василий направил прожектор в глубь пещеры. Его яркий луч быстро нашел мохнатых тварей, ползавших теперь вдоль стен, перепуганных взрывом.

Охотник привычным движением вскинул винтовку к плечу. Почти не целясь, он раз за разом нажимал на спуск своей автоматической винтовки. Выстрелы раздавались один за другим. И каждый раз после очередного выстрела одна из тварей оставалась недвижимой.

Василий молча смотрел на мастерскую работу Гуро. Ни одного промаха — и почти не целясь. Но одна мысль не покидала его: почему молчит передатчик ракеты? Почему никто не ответил на их вызовы? Может быть, передатчик еще больше испортился? Это было бы наилучшим, самым желательным случаем. Но едва ли такой знаток дела, как Николай Петрович, не наладил бы его... Значит, что-то случилось... И опять Василий почувствовал свою провинность. Если бы не он с его приключениями, если бы не его неосторожность и легкомыслие, из-за которых он забыл немедленно после падения связаться по радио с товарищами и известить их обо всем, — ничего бы тогда не произошло, Гуро не был бы вынужден разыскивать его... и не пришлось бы теперь думать о какой-то новой опасности... Василий и Гуро были бы вместе с товарищами... ах, как скверно все это получилось!

Когда охотник, убедившись, что в пещере не осталось ни одного живого маленького или большого чудища, повернулся к Василию, юноша спросил у него несмело:

— Что... что там случилось с товарищами, как вы думаете?

Охотник аккуратно вновь зарядил магазин винтовки: одним из его постоянных правил было — никогда, двигаясь в путь, не оставлять винтовку без полного количества зарядов. Затем, не отвечая Василию, он еще раз включил передатчик, сказал несколько слов в микрофон и прислушался: тишина... едва слышное потрескивание атмосферических разрядов — и больше ничего...

Гуро выключил передатчик, положил руку на плечо Василию и серьезно посмотрел на него:

— Мальчуган мой, — сказал он взволнованным голосом. — Мальчуган мой, я ничего еще не знаю. Когда я выходил из ракеты,

Николай Петрович и Вадим были в каюте. Я уверен, что внутри ракеты им ничто не могло бы угрожать. Выходить они словно бы тоже не собирались. Но — если передатчик с корабля не отвечает, это значит...

— Их нет на корабле?

— Это единственное объяснение. Давай думать так: они вышли из ракеты и еще не успели вернуться назад. Вот и все.

— Но у них же только один скафандр.

— Значит, кто-то вышел без скафандра.

— Но Николай Петрович сказал, что без скафандра на поверхности Венеры можно пробыть не больше пятнадцати минут. А мы тут гораздо дольше...

Василий со страхом смотрел на охотника, заметив, как сразу посерьезнело его лицо.

— Идем, паренек, — сказал решительно Гуро. — Наши догадки все равно ничему не помогут. Кто знает, что ожидает нас там...

Выразительный взмах руки, направленный вверх, закончил его мысль.

Василий повернулся, чтобы идти, но внезапно вскрикнул от боли.

— Что такое? — оглянулся Гуро.

— Не знаю... мне жжет бедро и бок... — простонал Василий.

— Где?

Василий показал на левое бедро.

— Ты ушибся?

— Нет.

— Вспомни, может быть во время падения?

— Нет... оно не болело тогда...

Гуро задумался. Ловкими руками он ощупал всю ногу юноши, проверил, свободно ли она сгибается в суставах. Василий подавил стон, закусил губу: что-то жгло его как огнем, когда рука охотника дотрагивалась до бедра.

— Внутри ноги ничего... ничего не болит, товарищ Гуро, — пояснил он. — Болит только снаружи, на коже...

— Странно... что ж с тобой делать?.. Ведь я не могу осмотреть твою ногу, она в скафандре... — Гуро все еще обдумывал. И вот он вспомнил что-то:

— Слушай, юноша, которую ногу укусил тебе тот клещ: помнишь, в ракете? Не левую?

— Левую. Вот здесь, — показал Василий немного выше колена.

— Гм... а теперь болит бедро и бок?

— Да.

— Странно, странно... неужели яд от укуса пошел именно вверх? Ну, все равно, нужно как можно быстрее возвращаться к кораблю. Там посмотрим. Ты сможешь идти?

— Попробую.

Перемогая боль, хромая и припадая на левую ногу, Василий пошел вперед. Странная жгучая боль не унималась. Гуро поддерживал Рыжко под руку, он вынужден был двигаться медленно, отказавшись от своей обычной быстрой и спокойной походки. Василий пытался подавлять стон, но иногда он все же прорывался. Тогда Гуро крепче поддерживал его и ободрял:

— Мужественней, мальчуган, мужественней, уже недалеко!

А вокруг странным голубым сиянием светились, вспыхивая и угасая, таинственные камни — еще одна загадка природы неизвестной планеты, которая на каждом шагу готовила путешественникам новые и новые приключения...

ЧТО ТАКОЕ ИНФРАРАДИЙ

Все плыло и качалось перед полуоткрытыми глазами Николая Петровича. Будто бы он в ракете, будто бы возле него Сокол, тревожно поглядывающий на него. И Гуро... но что делает Гуро, зачем он тянет руки Николая Петровича, как-то странно расправляет их?.. А вот и Василий... значит, — он вернулся? Но почему он лежит и тоже так тревожно смотрит?..

— Подождите, — слабым голосом сказал Рындин. — Что это такое? Как я попал сюда? Ведь я же упал там, у скалы... а дальше...

Мысли путались. Однако Рындин опять вспомнил:

— Василий, дружок мой, — воскликнул он взволнованно, стараясь поднять руки и протянуть их к Рыжко. — Вы здесь?.. Значит, все в порядке? Какое счастье, как хорошо!..

Он снова закрыл глаза. Во всем теле чувствовалась такая слабость, такая истома, какие бывают разве что после тяжелой болезни.

Успокаивающий голос Гуро произнес:

— Все, все в порядке, Николай Петрович. Мы с Василием только что возвратились. Встретились в одной пещере, куда он упал.

— А почему ж так долго? — утомленно спросил Рындин. Гуро усмехнулся:

— Там, знаете, были некоторые неприятности. Пришлось немного подраться с одной животинкой. Ну, мы ее одолели и вот вернулись.

Рындин тихо пошевелил концами пальцев. Мягкая усмешка появилась на его утомленном лице.

— И у нас с Вадимом было нечто подобное... и у нас... должно быть, он уже говорил вам об этом пауке...

Василию впервые приходилось видеть старого Николая Петровича в таком состоянии. Юноша забыл про свою боль, забыл про свой бок, который жгло чем дальше, тем сильнее. Он едва одерживал себя, чтобы не броситься к Рындину, так хотелось ему помочь старику, облегчить его положение. Но Василий помнил слова Гуро:

— Как можно меньше разговоров. Николай Петрович очень утомился, такие истории не проходят легко для человека, особенно — такого возраста, как Николай Петрович. Пожалуйста, води себя с ним так, как будто ничего и не случилось.

Гуро говорил это, старательно растирая тело Рындина, уже начавшее проявлять признаки жизни. До этого охотник сурово молчал, энергично делая Николаю Петровичу искусственное дыхание. Василий, лежавший в гамаке, видел, как дрожали руки Сокола, который подавал Рындину по приказанию Гуро кислород из баллона. Лишь по временам Гуро коротко бросал:

— Больше кислорода! Так. Еще! Да, пожалуйста, быстрее. Нужно было раньше думать о возможности этого. Разве я не просил вас не выходить из ракеты без оружия?.. Еще кислорода!

Так продолжалось долго. Казалось, что уже не удастся вернуть Николая Петровича к жизни. Василий боялся дышать, видя перед собою безжизненное лицо академика — синее, с закрытыми глазами. Про свою боль он забывал. Да и что такое была эта боль, когда перед ним лежал человек, который не дышал, который был почти мертв, его любимый Николай Петрович!..

Он помнил, как ему вдруг пришлось собрать все свои силы, чтобы пересилить конвульсивное дрожание подбородка и не дать хлынуть бурным слезам. А зато после, — как захотелось ему вдруг прыгать, танцевать и петь, когда с лица Николая Петровича постепенно начала исчезать зловещая синева, когда впервые пошевелились его губы, едва заметно приоткрылись глаза... Николай Петрович оживает, он почти воскресает!..

Василий помнил, как Гуро, облегченно вздохнув, сказал:

— Довольно кислорода. Хватит!

Еще несколько минут — и вот Николай Петрович заговорил.

Теперь академик спокойно лежал на одеяле. На лице его играла утомленная, но радостная улыбка. Все, все было хорошо. Все живы, здоровы, все здесь. И главное, Василий.

— А я чуть было не задохнулся, товарищи, — произнес наконец он.

Гуро проглотил усмешку. Чуть не задохнулся!.. Это говорит человек, которому почти целый час пришлось делать искусственное дыхание!

— Зато теперь все идет отлично, Николай Петрович, — ответил он и задумался: о чем бы таком нейтральном поговорить со стариком? О таком, что не тревожило бы Николая Петровича, а наоборот, заставило бы его забыть обо всех опасностях и его собственных переживаниях?

Он небрежным движением достал из кармана трубку и зажег. Дым табака на этот раз показался ему необычайно вкусным и приятным. Ничего удивительного: ведь он не курил целые сутки. Сначала не до того было, затем это путешествие под землей, в призрачном свете загадочных голубоватых камней... А, вот она тема для легкого и интересного разговора с Рындиным!

— Николай Петрович, — начал Гуро, с наслаждением попуская трубку и выпуская огромные клубы дыма, — я что-то хочу рассказать вам. Только не утомят ли это вас? А может быть, вам мешает дым?

— Нет, нет, прошу вас. Я охотно послушаю. Мне даже приятно слышать запах вашего табака, он такой ароматичный... — Николай Петрович еще раз улыбнулся: как, в самом деле, приятно вдыхать этот сладковатый дым, слушать голос человека!

— Ну, вот. Когда мы с Василием были в пещере, нас очень удивила одна вещь. Представьте себе, что там, внизу, совсем не темно. Собственно, не везде, а лишь там, где в стене или в почве вкраплены этикие маленькие камешки. Они сияют голубым светом, как вот светляки.

— Флуоресценция, — утомленно произнес Рындин.

— Я тоже так думал. Но Василий обратил мое внимание на одно любопытное явление. Вы знаете, мы время от времени разговаривали друг с другом. И вот, когда кто-нибудь из нас говорил, то камешки во всей пещере, словно отвечая, светились значительно ярче. Мне казалось, что по пещере плывут яркие световые волны. Замолчишь — и волны исчезают. Начнешь говорить — появляются, вся пещера очень хорошо освещается, как будто в стенах ее какой-то искусный электротехник поместил скрытые источники света. Что оно такое — я так и не понимаю, Василий тоже не смог объяснить это явление. А, Василий?

— Факт, — подтвердил Василий и покраснел: как-то оно неудачно вышло. Что за «факт»?

Рындин заинтересованно смотрел на обоих. Не менее заинтересован был и Сокол: что за странное явление?

— Говорите — светилось во время разговоров? Странно, странно, — оживился Николай Петрович. — Это очень своеобразно. Значит... гм...

Он задумался. Камни светились интенсивнее во время разговора. Значит, тогда, когда излучение передатчика на шлеме было наиболее сильным, когда оно было очень активным... Интересно, интересно!

Николай Петрович поглядел на товарищей. Только теперь он обратил внимание на то, что Василий лежит в гамаке. Эта спокойная поза так вообще не соответствовала живому характеру юноши, что Рындин удивился. Да, Василий лежит в гамаке, словно больной.

— Что с вами, Василий? У вас что-нибудь болит?

Гуро беспокойно взглянул на Василия, на Николая Петровича: ну, вот и не вышло нейтрального разговора. Старый академик обязательно разволнуется, узнав о состоянии Рыжко. Нужно немедленно заговорить о чем-нибудь другом. Но он не успел.

— Немного болит бок, Николай Петрович, — ответил Рыжко. — Что-то печет кожу, как огнем... покраснела...

— Это вы ушиблись, падая?

— Нет, Николай Петрович, — отозвался Гуро, — это совсем не от того. Я думаю, что это последствия укуса клеща. Помните, как клещ укусил Василия за ногу? Вероятно, яд распространился и поднялся выше.

Рындин недоверчиво покачал головою:

— Насколько я помню, клещ укусил Василия возле колена. А болит у него не там... Друг мой, идите сюда. Покажите мне это место. Хотя я и не врач, но нам нужно помнить старое морское правило: во время путешествия капитан корабля, в случае надобности, должен быть и врачом, и хирургом. Разве я не капитан нашего корабля? Идите сюда, показывайте.

Рыжко с большим усилием вылез из гамака и захромал к Николаю Петровичу, едва удерживая стон. Боль распространялась шире и шире, словно на боку у юноши лежали горящие угли.

Старый академик внимательно посмотрел на кожу Василия. Она была красной и немного припухла.

— Напоминает следы свежего ожога, — задумчиво сказал он. — Вы твердо помните, друг мой, что вы не ударились этим боком?

— Твердо.

— А где вас укусил клещ?

Василий показал. На этом месте было лишь маленькое темное-красное пятнышко — и больше ничего. Нельзя было и думать о связи странной красной опухоли на боку юноши и этого крошечного пятнышка. Это понял и Гуро.

— Нет, кажется, я ошибся. Догадка про клеща здесь не-кстати, — сказал он.

Лицо Николая Петровича было очень хмурым: как определить эту неожиданную болезнь, чем объяснить ее? Гуро, который давно уже недовольно наблюдал за Рындиным, решил, что пришло время перевести разговор на другие рельсы. Николай Петрович еще слишком слаб, ему нельзя беспокоиться.

— Я хочу вас успокоить, Николай Петрович, — живо заговорил он. — Все это пустяки. Василий показал себя очень мужественным человеком: он не только хорошо дошел до ракеты, но ему даже и в мысль не пришло избавиться от излишнего груза, который он нес с собою. И все это для того, чтобы порадовать вас новинками.

— Какими? — заинтересовался Рындин.

— Да я все про те же камни. Василий набрал их с собой полную сумку, чтобы показать вам и Вадиму. Он убежден, этот самоуверенный юноша, что сделал какое-то открытие в пещере.

— Вы принесли эти камни? — живо спросил Сокол.

Гуро засмеялся.

— Нашего геолога хлебом не корми, только покажи какие-нибудь камни!..

Охотнику, по-видимому, очень хотелось развлечь Рындина, хотя бы с помощью шуток. Но лицо академика не повеселело. Он встревоженно посмотрел на Гуро, на Василия и неожиданно спросил:

— Вы несли эти камни в сумке, Василий?

— Да. В сумке, — удивленно ответил юноша.

— И сумка была на левом боку?

— На левом.

Рындин тяжело поднялся и сел на одеяле, опираясь на одну руку. Другую он поднял и указал ею на бок юноши:

— Ваша боль, друг мой, является последствием резкого влияния какого-то радиоактивного вещества. Тех самых камешков, которые вы несли в сумке. Это было очень неосторожно...

Гуро тихо свистнул: вот как оборачивается дело! Василий удивленно переводил взгляд со своей красной опухоли на Николая Петровича, на Гуро и обратно: значит, он обжегся радиоактивным веществом?..

Внезапно Сокол подпрыгнул и хлопнул себя руками по бедрам. Это вышло так смешно, что даже Рындин не удержался:

— Ой, Вадим, что случилось? Чего это вы прыгаете?

Но Сокол, забыв обо всем, бросился к Василию и Гуро:

— Свет голубоватый? Камешки небольшие? Вкраплены в почву? Каждый отдельно?

Гуро, делая вид, что он перепугался, отступил на шаг и простер к Соколу руки, словно обороняясь:

— Голубоватые, небольшие, в почву, каждый отдельно. Пожалуйста, не подходите ближе, я человек нервный, могу напугаться. Вы, товарищ геолог, кажется, вновь подпали под влияние космических лучей! Успокойтесь!

Но, не слушая больше ничего, Сокол бросился к скафандру:

— Там, в этой пещере... сейчас, сейчас посмотрю! Это обязательно нужно исследовать, это чрезвычайно важно.

— Да подождите, неужели это так спешно? — попробовал остановить его Гуро, удивленно посматривая на геолога.

— А, вы ничего не понимаете, Борис! Не задерживайте. Мне нужно посмотреть самому эти камни. — Сокол уже влезал в скафандр.

— Да подождите вы, сумасшедший! Во-первых, я еще не успел как следует отдохнуть. Кто же пойдет спасать вас?

Сокол отмахнулся от Гуро, как от назойливой мухи.

— Во-вторых, — продолжал спокойным, насмешливым тоном Гуро, — вы невнимательно слушали то, что я рассказывал. Если вам нужны эти камни, то совсем незачем лезть за ними в пещеру. Кило или два этого добра я могу показать вам и здесь.

Сокол, как обожженный, выскочил из скафандра и подскокил к Гуро:

— Где, где, покажите! — взмолился он. Гуро взял сумку Василия, лежавшую на полу, и подал ее Соколу, низко поклонившись:

— Только успокойтесь, только не волнуйтесь. Вы бесспорно настоящий поэт и лирик, вы не владеете своими чувствами...

Сокол схватил сумку, ничего не слушая. Он достал из нее камешки, взглянул на них и, казалось, совсем сошел с ума. Он подбежал к Рындину:

— Николай Петрович, это должно быть он! Он, смотрите!

На его ладонях лежали небольшие зеленовато-серые камешки неправильной формы, как маленькие картофелинки. Ничего замечательного не было в них по внешнему виду. Единственной особенностью был их сравнительно очень большой вес.

Странно, но Николай Петрович тоже заметно волновался. Он через силу поднялся на одеяле, держа обеими руками один из камешков, взятый у Сокола. Осмотрев его со всех сторон, он отдал камень обратно геологу:

— Проверьте, Вадим. Мне кажется, вы не ошибаетесь. Попробуйте сделать разрез и проанализировать.

Гуро и Василий смотрели друг на друга, ничего не понимая. Что за волнение такое вокруг каких-то камней? Правда, они интересны, потому что светятся ночью. Но столько волнения...

Николай Петрович позвал к себе обоих слабым движением руки:

— Друзья мои, не удивляйтесь, вы и сами еще не понимаете, какое замечательное открытие вы сделали. Василий, вы пострадали, вам, вероятно, очень больно, но... но если бы вы знали, ради чего вы пострадали, то это, ручаюсь, утешило бы вас!

— Да что такое, Николай Петрович? — юноша уже горел от нетерпения, он забыл про свою боль, забыл обо всем. Теперь у него было одно желание — узнать, что именно он открыл, и почему так волнуются Рындин и Сокол.

— Сейчас, сейчас я вам все скажу. Вот уже и Вадим.

Сокол в самом деле возвращался. Он нес один из камешков, разрезанный пополам. Сразу бросалось в глаза, что внутри этот камешек был совсем иным. Темно-синий срез, казалось, дрожал и переливался. По нему пробегали, возникали и исчезали мелкие золотистые искорки. Срез медленно затягивался такой же зеленовато-серой пленкой, какою был покрыт и весь камень.

Гуро низко наклонился над камешком: ему очень понравились эти золотые искорки. Но моментально он поднял голову и закрыл глаза, потирая их рукой. Василий удивленно взглянул на него.

— Не знаю, что оно такое и с чем его едят, — сказал охотник, отходя в сторону. — Может быть, это и чрезвычайно ценная находка, но влияет она очень неприятно. У меня сразу заболели глаза, словно в них перцу насыпали.

Николай Петрович на этот раз не обратил внимания на слова Гуро.

— Видите? — взволнованно обратился Сокол к академику. — Это безусловно он.

Николай Петрович радостно засмеялся. Так смеется человек, неожиданно найдя потерянную любимую вещь; так смеется человек, встретив любимого друга, которого давно не видал.

— Приветствую вас, друзья мои, — торжественно сказал он наконец. — Приветствую вас, мои товарищи, нашедшие на Венере тот самый загадочный инфрадий, за которым мы путешествовали сюда!

Инфрадий?.. Это он? Эти камешки — инфрадий?.. Василий и Гуро растерянно смотрели то на Рындина, то на Сокола. Инфрадий? Быть не может, чтобы эти скромные камешки были

могучим и неведомым инфрарадием, который скрывает в себе неисчерпаемые запасы энергии!

— Да, это инфрарадий, — продолжал все так же торжественно старый академик. — Друзья мои, я даже мечтать не позволял себе, что мы так быстро найдем его, да еще в таком количестве. Ведь вы говорите, что там, в вашей пещере, немало таких камней? — спросил он у Гуро.

— Сколько хотите, — подтвердил охотник. Его трубка погасла, но он не замечал этого. Василий все еще смотрел растерянно на скромный камешек, срез которого уже затянулся зеленовато-серой пленкой. Исчезли золотистые искорки. Камень опять стал совсем обыкновенным.

Василию было и радостно, и одновременно чего-то жаль. Чего? Разумеется, очень хорошо, что инфрарадий нашелся так быстро и неожиданно. Первая часть задачи, стоявшей перед ними, выполнена, но... разве это тот инфрарадий, о котором мечтал Василий? Эти неказистые камешки... Ах, каким чудесным, красивым и даже страшным представлялся Василию этот инфрарадий еще когда-то, на старой Земле... Юноша представлял себе:

...они долго, целые месяцы копают шахту. Они пробивают скалы, они в скафандрах проходят через подземные воды, спускаются в подземные озера. И снова копают почву. Сложные приборы показывают, что искатели на верном пути. Постепенно повышается в шахте температура. Вот уже нельзя работать, — такая жара. Должно быть, они приблизились к центрам подземного огня, — только там можно найти загадочный инфрарадий, только там, в глубине недр Венеры, хоронится он от непоседливых людей. А жара, жара... Кто-то падает без сознания. Его выносят из шахты, а Василий не бросает работы. Он знает, что именно он должен держать первенство и показывать образцы отличной, ударной работы. Он обливается потом, в голове у него непрерывно шумит, глаза закрываются от утомления, но он упорно работает! Еще кто-то потерял сознание, Василий остался один, от него и только от него зависит успех дальнейшей работы. Он знает это — и работает. И вот — раздается что-то похожее на взрыв. Золотая расплавленная жидкость, огненная и блестящая, ослепительная и драгоценная, льется по шахте. Это — инфрарадий, который добыл Василий!

Или еще не так: инфрадий может быть и не жидкостью. Пусть! Тогда перед глазами юноши возникала другая картина:

...опять работа в шахте. Обязательно в шахте, потому что загадочный инфрадий должен таиться где-то глубоко в недрах. И опять утомленные товарищи бросают работу, они вынуждены отдохнуть, им не хватает силы, это обязательно: никто не может быть таким упорным и выдержанным, таким крепким и стойким, как он, скромный, но решительный юноша. И разумеется, опять-таки он, Василий, делает последний удар киркой. Открывается большая-большая пещера. И посреди нее, заливая все своим чарующим светом, как гигантский самоцвет, внутри которого буйствуют расплавленное золото и огонь, — играя всеми цветами радуги, лежит яркий и блестящий инфрадий. К нему нельзя приблизиться, он обжигает все, молниями пролетают во все стороны от него синие, зеленые, красные огни... Вот каким должен быть инфрадий.

— Чего вы так грустили, Василий? — обратил на него внимание Рындин. — Не рады, что нашли инфрадий? В чем дело?

Юноше сделалось неловко. Однако, он не привык скрывать свои мысли — особенно от старого академика, своего любимого старшего товарища и друга. Честно и откровенно он рассказал Николаю Петровичу все, что думал. Рындин усмехнулся:

— Совсем необязательно, чтобы наш инфрадий был таким красивым, чарующим и огнеметным, каким вы себе его представляли, Василий. Наоборот, это было бы очень плохо: как тогда мы повезли бы его с собой?

— Николай Петрович, все это, разумеется, так, — искренно согласился Василий. — Но как могут такие вот камешки давать, как вы говорили, энергию целому заводу? Где эта энергия? Откуда возьмется она в этой каменючке?

Рындин опять улыбнулся:

— В этом неказистом камешке скрываются неисчислимые запасы энергии. Некоторые проявления этой энергии вы уже почувствовали на себе, мой друг. Ваш болезненный ожог — результат огромной активности инфрадия. К счастью, вы не особенно долго были под его влиянием, и этот ожог легко будет вылечить.

Вы смажете его маслом и будете лежать в гамаке, по крайней мере, сутки - двое...

— Ой! — воскликнул недовольно Василий. — Даже двое суток?

— Я говорю, — по крайней мере. Возможно, придется по-лежать и больше, потому что ожог от радия — очень небезопасная вещь, — продолжал Рындин, как бы не замечая неудовольствия Василия. — И счастье ваше, друг мой, что вы были в скафандре, когда несли эти камешки. Металлическая сетка, покрывающая его прорезиненную ткань, несколько нейтрализовала влияние инфрарадия... Собственно, даже не инфрарадия, а какой-то его соли, то есть значительно менее активного вещества. Потому что эти камешки, бесспорно, не есть чистый инфрарадий, а лишь его химическое соединение.

— Только соединение?

— Этого нам вполне достаточно. Соединения инфрарадия для нас даже безопаснее, потому что они, повторяю, менее радиоактивны. Я не знаю, каким способом могли бы мы нейтрализовать чистый инфрарадий.

Он умолк, словно обдумывая эту возможность. Но вспомнив про вопрос Василия, продолжал:

— Что касается энергии, то в этих неказистых камешках столько ее, что вы, Василий, просто не можете себе представить. Да зачем, однако, я буду говорить обо всем этом? Лучше показать вам кое-что. Вадим, — обратился он к Соколу, — принесите, пожалуйста, из химического шкафа пробирку со следами радия. Да, да, ту самую, которой мы пользовались во время изучения космических лучей. Давайте ее сюда.

Старый академик с усилием поднялся, опираясь на Гуро. Он взял один из камешков, отделил от него маленькую, едва заметную глазу, крошку и положил ее на мраморную доску.

— Сейчас я, друзья мои, активизирую это химическое соединение инфрарадия при помощи следов обыкновенного радия. Мы поставим их в непосредственную близость. Только... как бы это найти способ моментально разъединить их, если понадобится? Ага, вот что! Борис, вы можете пожертвовать для нашего исследования одним из ваших шомполов? Скажем, вот этим?

Рындин показал на тонкий медный прут.

— Прошу вас, разумеется, Николай Петрович, — с готовностью отозвался Гуро.

— Отлично. Тут, в этой пробирке, даже слишком много остатков радия для нашей цели. Нам хватит и вот чего...

Под заинтересованными взглядами товарищей Рындин погрузил конец медного прута в пробирку со следами радия и сразу же вытащил его обратно.

— Это все. Будьте любезны, Вадим, положите пробирку на место. Не следует оставлять ее тут, в небезопасном соседстве с солями инфрарадия. А мы подождем вас.

Когда Сокол вернулся, Николай Петрович стал как можно дальше от мраморной доски, держа в руке длинный медный прут.

— Внимание, товарищи. Прошу отойти всех подальше.

Подчиняясь ему, все отошли, с любопытством поглядывая на стол, где на мраморной доске лежала загадочная крошечка. Голос Рындина приобрел обычную властность.

— Внимание!

Рындин протянул прут к мраморной доске и приложил конец его к крошке, лежавшей на ней.

Вдруг словно солнце запылало на столе. Сверкающее сияние, как от самой мощной вольтовой дуги, ослепило глаза Василия. Невольно он закрыл лицо руками. Сухой жар, как от расплавленного чугуна, обжег его руки. В воздухе запахло горелым.

— Достаточно, Николай Петрович! — крикнул Гуро. — Смотрите, стол загорается!

Послышался громкий треск: то лопнула мраморная доска, не выдержав жара. От стола поднималась синяя струйка дыма: дерево начало тлеть.

Резким движением Рындин отстранил медный прут. Сияние сразу погасло. Казалось, в каюте вдруг стало темно. Только светился добела раскаленный конец медного прута, с которого стекали расплавленные тяжелые капли, да горячим жаром дышала лопнувшая мраморная доска. Гуро взглянул на термометр. За несколько секунд температура поднялась в каюте на несколько градусов. Охотник удивленно свистнул:

— Вот тебе и шуточки! Вот тебе и крошечка! На девять градусов подняла температуру, а мы не успели и с места сойти... И надолго ее хватит, Николай Петрович, если она будет вот так полыхать, такая крошечка?

Рындин задумчиво ответил:

— Она не горит. Это совсем другая механика. Я не сказал бы даже, что сам инфрарадий разогревается. Возможно, он остается холодным и нагревается лишь механически от вещей, которые раскаляются вокруг него.

— Остается холодным? А эта жара, это сияние?

— Результат освобождения энергии. Под влиянием следов радия инфрарадий начинает разлагаться бурнее, чем обычно. Следы радия активизируют его. И мы видим, как освобождается его внутриатомная энергия. А так как мы приблизили к нему лишь крохотные следы радия, то в данном случае получили лишь скромный световой и тепловой эффект. Если бы мы приблизили большее количество остатков радия, — я не говорю уже про ужасную возможность приблизить чистый радий, то... то, возможно, наша ракета не выдержала бы бурного процесса разложения инфрарадия. Ведь чем теснее будет контакт между инфрарадием и радием, этими двумя радиоактивными элементами, тем активнее инфрарадий будет разлагаться. Что касается вашего вопроса, Борис, то я думаю, что в условиях контактирования с этими

ничтожными следами радия, наша крошка инфрарадия сияла бы вот так лет сто.

Василий не удержал возгласа удивления.

— Да, да, это очень длительный процесс, — спокойно продолжал Рындин. — Ну, довольно экспериментов. Друзья мои, я хочу сказать вам кое-что. Сядем, больше я не буду активизировать ни одной крошечки инфрарадия. Кстати, Вадим, будьте любезны, сейчас же все-таки соберите все эти «каменючки», как их непочтительно называет Василий, и положите их в какой-нибудь из наших свинцовых шкафов. Я вовсе не хочу, чтоб кто-нибудь из вас последовал примеру Василия и был вынужден лечить ожоги.

Все собралась вокруг стола. Василий посмотрел на почерневшую мраморную доску. Ну и сила!..

— Первая часть нашей задачи выполнена, — сказал Рындин. — Инфрарадий нам удалось найти. Приключения, которые пережил Василий, дали неожиданно счастливые результаты. Дело теперь в том, чтобы набрать необходимое нам количество инфрарадия и сложить его в шкафы ракеты. Не хочу скрывать от вас, что все это довольно опасно. Приносить инфрарадий придется в свинцовых ящиках, чтобы нейтрализовать его вредное влияние на человеческий организм. Вполне понятно, что тяжесть свинцовых ящиков значительно усложнит работу. Но иного способа я не вижу. Стекланные окна в шлемах наших скафандров сделаны из свинцового стекла. Это тоже поможет нам. На работу придется надевать добавочные свинцовые перчатки...

— Н-да, не совсем удобно, — заметил Гуро, пыхнув трубкой.

— Ничего не поделаешь. Все это касается собирания инфрарадия. Но не менее опасно и его хранение. Вспомните о том, как интенсивно светились камни во время ваших разговоров в пещере. Это влияли на инфрарадий радиокосебания маленьких передатчиков. Нам придется использовать все способы, чтобы как можно лучше изолировать наши запасы инфрарадия. В противном случае могут иметь место разные неприятные неожиданности. Впрочем, мы преодолеем это. Еще раз поздравляю вас, друзья мои, инфрарадий у нас есть! Быстро ли посчастливится нам найти ультразолото? Не знаю, но уверен, что мы его найдем. Итак, за работу, товарищи. И вот еще одно мое пожелание: давайте в даль-

нейшем будем более осторожными, чтобы не приключались с нами такие случаи, как вот с Василием... Хорошо?

— Есть, — решительно ответил за всех Гуро. — Есть быть осторожнее, есть за работу!..

ПРИКЛЮЧЕНИЕ У СКАЛЫ

Изо дня в день продолжалась теперь упорная, тяжелая работа путешественников. Каждый день с утра, позавтракав, из ракетного корабля выходили три человека в скафандрах — Гуро, Сокол и Василий. К счастью, ожоги на боку юноши зажили неожиданно быстро, и он через два дня уже мог принимать участие в общей работе.

За плечами у людей в скафандрах висели большие кожаные сумки со свинцовыми ящиками. Искатели инфракрасия один за другим спускались в подземный ход, шли там с километр до залежей инфракрасия, добывали из стен и почвы драгоценные камешки, нагружали ими свинцовые ящики и возвращались тем же самым ходом к ракете.

Из-за большой тяжести свинцовых ящиков и самого инфракрасия эта работа затянулась и отнимала у путешественников почти все время. Теперь Василий не один раз вспоминал предусмотрительность Гуро, который уничтожил всех до одного детенышей страшного подземного чудовища. За все время работы ничто не мешало путешественникам, если не принимать во внимание нападений мелких насекомых. Но это даже и не стоило внимания.

Одна мысль оставалась у Василия неразрешенной. Инфракрасий сильно повлиял на него за то короткое относительно время, пока у него на боку была сумка с ним. Но ведь чудовище жило в пещере с целыми складами инфракрасия — и ничего, оно не только не умерло от этого, а даже, вероятно, ничего не чувствовало. В противном случае — разве бы оно выбрало это место для своего логовища? А его детеныши? Ну, допустим, что инфракрасий не влиял на чудовище сквозь его хитиновый панцирь, от которого отлетали даже обычные пули из винтовки, бессильные пробить его толщу. Но ведь детеныши не имели такого панциря, на них была лишь волосатая кожа. Почему же инфракрасий не влиял на них?

Василий поделился своими размышлениями с Гуро и Соколом. Охотник ответил просто:

— А черт их знает! Знаешь, Василий, различные животные так привыкают к условиям жизни, что человеку остается только позавидовать км. Это я замечал не один раз. По-видимому, так и здесь... Приучились — и все.

Василий не был удовлетворен этим ответом: одно дело — разные там условия, хотя бы и самые тяжелые. И совсем иное дело — влияние инфрадия, который как огнем обжигает кожу. Нет, тут что-то не так.

Сокол ответил дополнительно:

— Я думаю, что тут играет роль закон приспособления, — сказал он. — Борис, на этот раз вы были правы. Только у вас это получилось как-то ограниченно. «Приучились» да и все. Этого мало. Если бы мы допустили, что какое-то чудовище зашло случайно в эту пещеру и «приучалось» к условиям жизни в ней, — это звучало бы прямо анекдотично. Нет, приспособление животных протекает не так. Из рода в род большинство животных не выдерживало тех или иных условий, умирало. Оставались наиболее крепкие животные, только они. Из их потомства опять-таки вымирали все, которые не могли выдержать этих условий. И это длилось тысячи и миллионы лет. А в результате такого приспособления к условиям и остались отдельные животные, отдельные породы, свободно переносящие условия, полностью непригодные для большинства других животных.

— Значит, страшилищу там было даже приятно? — спросил, усмехнувшись, Василий.

— Вполне возможно, что было и приятно, и удобно. Известно, может быть, это животное, это чудовище на нынешнем уровне его развития даже требовало того, чтоб какой-то источник тепла подогревал его и его детенышей. И если бы кто-нибудь принудительно перевел наше чудовище в другое логовище, где не было бы инфрадия, то вполне возможно, что и оно, и его детеныши не выдержали бы этого и околели...

— К нашей общей радости, — закончил Гуро.

Это объяснение больше понравилось Василию.

Путешественники складывали инфрадий в центральной каюте и опять шли за ним. Тем временем Николай Петрович тоже работал. Он сортировал инфрадий, переносил его в склады в нижней части ракеты и упаковывал там в свинцовые ящики. Каждый полный ящик он закрывал еще добавочно броней из тех са-

мых листов свинца, что защищали путешественников в межпланетном пространстве от влияния космических лучей. Николай Петрович вполне правильно решил:

— Мы не имеем никаких данных, которые гарантировали бы нам спокойное поведение инфракрасия в зоне наибольшего влияния космических лучей. Кто знает, где граница влияния этих лучей? А что, если они активизируют инфракрасий и вызовут бурное его разложение?.. Это угрожает такой опасностью, которую трудно даже представить себе. Для нашей собственной защиты от космических лучей нам вполне достаточно слоя из трех свинцовых листов. Это мы установили еще там, в межпланетном пространстве. Весь остаток свинца — на изоляцию инфракрасия!

И он старательно бронировал ящики свинцовыми листами.

Собирание инфракрасия занимало все время до обеда. Посла обеда за инфракрасием шли уже только Гуро и Василий. Сокол оставался возле ракеты. По указаниям Рындина он изучал почву и скалы ущелья, в котором лежала ракета, зажатая каменными глыбами. Николай Петрович рассказал товарищам — и опытный геолог Сокол полностью согласился о его соображениях:

— Наше ущелье очень и очень своеобразно. Геологически это трещина в коре Венеры. И много пород, обычно скрывающихся глубоко под поверхностью планеты, тут вышло почти на поверхность. Вполне возможно, что и залежи инфракрасия очутились так неглубоко под поверхностью лишь в результате геологического смещения слоев. Точно так же, я надеюсь, обстоит дело и с ультрафиолетом...

Гуро и Василий слушали старого академика, как зачарованные. В их глазах Рындин был почти волшебником, который раскрывал перед ними удивительные тайны, рассказывая о них своим спокойным голосом, как про самые обычные вещи, почти не заслуживающие внимания. Каждое явление, каждый случай Рындин умел поставить на его место в ряду других явлений и случаев. И получалось, что никаких случаев вовсе и не происходило, что все они были целиком обусловлены предшествующими событиями и просто не могли не случаться. Нужно все предвидеть, быть ко всему готовым — этот лозунг старого академика нигде не мог быть более актуальным, более действенным, чем в условиях пребывания на неизведанной планете.

— А для того, чтобы быть ко всему готовым, нужно стремиться знать как можно больше, не упуская ни одного случая пополнить свои знания, — говорил Николай Петрович. — Вот почему я и делаю у нас выходные дни. Мы отдыхаем от тяжелой физической работы — это необходимо. Но вы уже согласились, друзья мои, что изучение природы Венеры, собирание наших коллекций — прекрасный и интересный отдых. Не так ли?

Возражений не было. Действительно, выходные дни путешественников были самыми интересными. Обязанности распределились почти сами собой. Василий под руководством Рындина изучал растительность Венеры, собирая образцы и составляя редчайший гербарий растений юрского периода, какой только можно было себе представить. Каждый вклад, который делал Василий в гербарий, был вкладом в мировую науку Земли.

Ведь до сих пор наука знала лишь окаменевшие остатки допотопных растений, найденные в глубоких слоях Земли. Теперь — это были настоящие растения, сорванные Василием, настоящие цветы, настоящие листья, настоящие почки. Научная ценность этих образцов была неисчислима. Это понимал и сам Василий. Он относился к своей коллекции с большим почтением, искренне радуясь, когда ему удавалось принести редкостный образец и получить одобрение Николая Петровича.

Сокол, как и следовало ожидать, взял на себя геологическую коллекцию. Образцы разнообразнейших пород из почвы Венеры, найденные им в ущелье, подтверждали предположения Николая Петровича относительно происхождения этого огромного оврага с крутыми склонами. Сокол говорил:

— Собирать такую коллекцию мне очень легко, потому что наше ущелье само по себе является огромной коллекцией. Я прямо-таки не уверен, что где-нибудь еще на Венере можно отыскать какие-нибудь значительные добавления к этой богатейшей геологической коллекции!..

Бориса Гуро больше всего интересовал животный мир Венеры. Однако он был недоволен, ему не удалось за все время отыскать ни одного животного, которое не было бы представителем насекомых, или червей, или чего-нибудь близкого к ним.

— Это просто ужас, — огорчился он. — Уже не стоит и поминать всяких там бронтозавров, игуанодонов и так далее... Но — хотя бы единственное теплокровное животное найти! Хотя бы

одно-единственное для утешения!.. Одни насекомые, одни омерзительные пауки и черви... Неприятная планета эта Венера. Настоящему охотнику здесь нечего делать. Если б мне кто-нибудь на Земле сказал, что я превращусь в охотника за насекомыми, я бы никогда не поверил!

— А вот те подземные чудовища? — спросил у него Василий. — Разве они не стоят тигра или еще какого-нибудь огромного хищника?

— Ты не разбираешься в деле, мальчуган мой. Да, это чудовище было опасным и страшным. Но оно было отвратительно. Огромное, необычайное насекомое, да и только. Разве можно сравнить его с благородным тигром... Фу, как только у тебя язык повернулся оказать такое! Тигр — это красавец, в него влюбиться можно. А это чудовище с его лапами, туловищем, брюхом? Только сумасшедшая природа Венеры могла выдумать этакое, не иначе...

Впрочем, Гуро был, прежде всего, человеком дисциплинированным и аккуратным в своих привычках, в своем отношении к обязанностям. Николай Петрович высказал желание привезти на Землю, вместе с другими коллекциями, и коллекцию образцов животного мира Венеры. И Гуро старательно выполнял это желание. Его коллекция была едва ли не самой богатой из всех. Правда, Василий, лютый враг всех насекомых мира, не мог без отвращения смотреть на эту коллекцию, но это было его частным делом.

Кроме того, ему приходилось так или иначе привыкать к насекомым. Николай Петрович именно на него возложил обязанности главного фотографа экспедиции. Василий должен был снимать все, — каждое растение, каждое животное. Ведь это обеспечивало возможность всегда иметь фактические материалы о природном виде животного или растения, — не в том виде, какой они имели в коллекции, а о настоящем виде живого представителя флоры или фауны Венеры.

Сам Николай Петрович, кроме общего руководства всеми работами, занимался метеорологическими и климатическими наблюдениями. В частности, он был очень рад, когда повторился ливень, не меньший чем тот, который был в первый день их пребывания на Венере. Николай Петрович измерил его.

— На земле не бывает таких дождей, — сказал он затем. — Здешний дождь по количеству осадков превышает едва ли не вдвое все земные максимумы. Его трудно измерять земными способами. Но это хорошо, что тут случаются такие дожди. Они помогают Вадиму и мне делать выводы относительно пород ущелья.

Действительно, громадные водопады, которые бурно проносились по склонам ущелий, смывали громадные слои почвы, перебрасывали гигантские каменные глыбы, которые без этих водопадов можно было бы сдвинуть с места разве что большими взрывами. Водопады открывали новые слои, новые породы. И после каждого дождя Сокол получал богатейший материал для изучения!

Уже неделю тому назад Николай Петрович за ужином сказал:

— Мы имеем все признаки того, что ультразолото должно быть где-то близко. Все эти образцы породы, — показал он на шкатулку, помеченную двумя крестами, шкатулку, где хранились самые интересные и ценные образцы пород, — все они, начиная с того осколка, который Вадим отбил для меня от скалы в день битвы с пауком, свидетельствуют об этой близости. Уверяю вас, товарищи, что это совсем как в детской игре — спрятанная вещь лежит поблизости, почти смотрит на нас и смеется над нами, что мы до сих пор не можем ее найти. Вот так и с ультразолотом. Будем искать, Вадим, будем искать! Нельзя позволять даже ультразолоту издеваться над нашей отважной экспедицией. Это просто нечестно с его стороны, — и мы должны покарать его за это!

Это заявление было покрыто дружными аплодисментами под дирижерством Василия.

Сокол старательно искал. Он составил подробный план залегания пород в ущелье, он проследил все выходы жилко-попутчиков, которые свидетельствовали о тесной близости ультразолота, но драгоценный элемент все еще прятался, не раскрывая своей тайны. Он был где-то здесь, это было ясно. Но где именно?

Иногда из ракеты выходил сам Николай Петрович. После случая с пауком, после этого памятного дня даже Сокол, вообще не очень любивший оружие, выходил из корабля, только захватив с собой, по крайней мере, большой автоматический пистолет с разрывными пулями.

Такой же пистолет висел на поясе под пиджаком у Николая Петровича. Это очень не шло к мирному виду старого академика, к его седым волосам. Но — что поделаешь? Опасность новой встречи с каким-нибудь неведомым чудовищем все время чувствовалась в воздухе. Ежеминутно из зарослей могла выпрыгнуть какая-нибудь неизвестная свирепая тварь.

Правда, с того времени, когда ракета так понравилась громадному пауку, путешественникам не доводилось видеть возле корабля ни одного большого чудища. Но это не было гарантией на будущее, потому что непроходимые чащи с их неизвестными обитателями близко окружали ракетный корабль.

Вот почему Сокол, даже увлекшись работой, иногда тревожно оглядывался. И он чувствовал себя лучше, если возле него был кто-нибудь из товарищей.

На этот раз Николай Петрович вышел из люка, посмотрел на Сокола и крикнул ему:

— Вадим, я пошел к складу. А Гуро и Василий должны скоро вернуться из пещеры. Вы пока что остаетесь здесь один. Имейте это в виду.

Сокол обернулся к академику и красноречиво показал ему на свой заряженный пистолет.

— Будьте спокойны!

Николай Петрович пошел. Люк закрылся за ним, Сокол вернулся к работе. Сегодня, казалось, геолог почти поймал за хвост таинственное ультразолото. Оно было совсем близко, оно должно было быть просто за несколько шагов от искателя. Жилка породы-спутника указывала прямо на большую каменную глыбу, свисавшую на склоне ущелья. Ультразолото должно было находиться где-то под ней, Сокол был уверен в этом.

Сокол задумался. Разумеется, легче всего было бы взорвать глыбу. Правда, осколки ее легко могли бы повредить стенки ракеты. Взрывать глыбу отдельными кусками? Слишком долго, да и неизвестно, на какой именно глубине скрываются под нею загадочные элементы. А должно быть, придется все-таки так и сделать.

Вздыхнув, Сокол опять взялся за кирку. Вполне возможно, что самородки ультразолота найдутся где-то тут, возле подножья глыбы. А что ультразолото должно попадаться именно в виде са-

мородка — Сокол тоже был уверен. Об этом говорил ему весь опыт бывалого геолога.

Он успел сделать всего несколько ударов киркой, как вдруг почувствовал какую-то неуверенность. Что-то связывало его движения. Ему казалось, что кто-то подстерегает каждый его жест, словно позади него кто-то стоял, и внимательно, назойливо смотрел ему в спину. Сокол сказал раздраженно:

— Что это за мода, прийти и стоять молча?

И сразу у него мелькнула мысль: что-то чересчур скоро возвратились они из пещеры!.. А так как на его слова не последовало никакого ответа, Сокол нетерпеливо оглянулся. И окаменел.

Неправдоподобная, ужасная голова чудовищного дракона смотрела на него на расстоянии всего метров пятнадцати. Сокол невольно отшатнулся и оперся спиной о глыбу. На него смотрели холодные прозрачные глаза, вставленные в коричневый панцирь головы. По сторонам медленно извивались длинные желтые щупальцы, ощупывавшие скалы спереди и по сторонам чудовища. Гигантские челюсти, как две кривые, острые сабли, готовы были схватить и разрезать надвое первую попавшуюся жертву.

Сокол вздрогнул, узнав в страшилище того самого дракона, о котором рассказывал Василий, когда они все только что потеряли сознание после падения на Венеру. Того самого, который, по-

сле рассказа Василия и высказанного Соколом сомнения, еще раз заглянул к ним в окно.

Да, нигде и никогда палеонтология не находила в слоях юрского периода подобного животного. Однако, разве все другие чудовища, до гигантского паука включительно, были предусмотрены палеонтологией для юрского периода вообще и в частности для Венеры?..

Откуда он взялся тут, этот дракон? Направление его движения раскрывало эту загадку. Очевидно, он полз из зарослей, чем-нибудь заинтересовался в ущелье. Полз бесшумно и медленно, охотясь за своей жертвой. Кто был этой жертвой?

На добрый десяток метров за чудовищем тянулось его тело, как у фантастической змеи. Но у змеи нет ног. А тут на теле, составленном из многих сегментов, извивалось множество ног. Тело чудовища медленно подвигалось, усы извивались в воздухе, и челюсти словно нацеливались, раскрываясь шире и шире.

И наконец Сокол понял, что это за чудовище. Оцепеневшими пальцами отстегивая крышку кобуры, в которой у него был автоматический пистолет, геолог прошептал:

— Сколопендра... Гигантская сколопендра...

Да, это была гигантская многоножка, одна из самых ядовитых тварей, убивающая жертву одним укусом своих кривых челюстей. Так вот какое чудовище видел Рыжко из окна ракеты, вот какой дракон заглядывал к ним в тот вечер!..

Сколопендра двигалась к Соколу. Она не спешила, но и не меняла направления. Казалось, что ее широко раскрытые челюсти все время нацеливаются, чтобы вернее схватить человека. Сокол вытащил, наконец, пистолет.

Опершись спиной о скалу, которая лишала его возможности отступления, он попробовал прицелиться прямо в голову страшилища. Но никогда в жизни не был он приличным стрелком, никогда не увлекался стрельбой, и даже постоянные напоминания Гуро не исправили его. Особенно не годился он в стрелки теперь, когда мешало волнение, когда дуло пистолета танцевало перед его глазами.

Сокол подпер правую руку левой, чтобы остановить ее дрожание. Но не помогало и это. Тогда он, не целясь далее, с отчаянием нажал спуск пистолета. Он забыл, что это автоматиче-

ское оружие стреляет безостановочно, как пулемет, выпуская пули одну за другой, когда нажат его спуск.

Частая дробь выстрелов прозвучала в ущелье. Было ли этих выстрелов десять или пятнадцать, — Сокол не знал. Он опомнился лишь тогда, когда пистолет не отвечал уже выстрелами, как бы конвульсивно ни нажимал Сокол на его спуск.

— Что я наделал... ведь больше нет зарядов! — с новым приступом отчаяния подумал Сокол. Пистолет в его руке был теперь бесполезной игрушкой. Он не мог помочь.

Геолог беспомощно обернулся. Некуда бежать. Большая глыба преграждала дорогу. Она опускалась со всех трех сторон, она замкнула Сокола своей выгнутой каменной поверхностью. Только внизу оставалась узкая щель, куда можно было залезть, спрятаться, как прячется от человека перепуганный червяк. Впрочем, разве не найдут его и там острые, кривые челюсти сколопендры?..

Чудовище медленно приближалось. Его длинное блестящее тело извивалось, по нему словно проходили плавные волны, поднимавшие по очереди сегменты, от далекого хвоста, который заканчивался двумя острыми отростками, до широкой плоской головы со страшными челюстями. Глаза не отрывались от человека, они следили за ним, словно пытаясь загипнотизировать его. Так поступает удав со своей жертвой, гипнотизируя несчастного кролика...

Сокол плотнее прижался к углублению глыбы, стараясь врасти в нее, раствориться в скале. Он почувствовал, как трется металл его шлема о камень, и одновременно он ясно услышал, как со скрежетом лязгнули и вновь раздвинулись челюсти чудовища метра за два от него.

— Да что же делать?.. Где спасение?.. — шептал Сокол, сжимая свое единственное оставшееся оружие — кирку. Но если это оружие и было пригодно против гигантского паука с его мягким телом, то что могло оно сделать с гигантской сколопендрой, одетой в панцирь из хитина?..

Челюсти страшилища опять сдвинулись и разошлись, описывая в воздухе широкую дугу. Сколопендра словно проверяла свое отвратительное и ужасное оружие. Ее отделяло от Сокола всего лишь полтора метра.

Геолог еще раз осмотрелся по сторонам, посмотрел вверх. Над ним свисала скала. И вдруг он, не веря своим глазам, увидел на этой скале фигуру человека в скафандре, которая медленно наклонялась вниз, держа руку высоко поднятой. Кто это?..

— Ложитесь! Ложитесь! — услышал он звонкий голос Василия. Зачем ложиться?.. Но раздумывать было некогда, потому что челюсти чудовища еще раз лязгнули в воздухе у самой головы геолога. Сокол, как мертвый, упал на землю и втиснулся в узкую щель под скалою.

Секунда грозной тишины — и громкий взрыв встряхнул его тело. И опять стало тихо. Нет, не тихо: вот совсем близко, у головы Вадима, опять послышалось зловещее щелканье ужасных челюстей. Ничто не помогло. Сейчас сколопендра схватит его!

— Конец! — молниеносно подумал Сокол.

Но ничто не дотрагивалось до него. Он неожиданно услышал радостный, взволнованный голос Василия:

— Конец! Вылезайте, товарищ Сокол! Вылезайте! Конец!

И опять щелканье челюстей. Сокол ничего не понимал. Вот, совсем возле него, корчится гигантская сколопендра, а Василий зовет его вылезать?

Василий настаивал:

— Да вылезайте же, наконец! Или вы потеряли сознание?

Сокол насилу принудил себя высунуть голову — и тотчас опять отшатнулся. Прямо перед ним была голова чудовища, живая и грозная. Челюсти ее то и дело смыкались и раздвигались. Но — удивительно! — они ни на миллиметр не подвигались к нему. И глаза чудовища смотрели уже не на него, как раньше, а куда-то в сторону.

Осторожно, боком, чтобы не зацепить страшных челюстей, не попасть в них, Сокол выполз из щели, поднялся, все еще держась за глыбы. И только теперь понял все.

Гигантское тело чудовища корчилось за несколько метров от него. Вместо головы на конце туловища была широкая рваная рана, из которой медленно вытекало что-то противное и тягучее. Оторванная голова чудовища лежала поодаль от него. Чудовище не издохло сразу, хотя метко брошенная граната и оторвала ему голову. Туловище его с бесчисленными ногами жило своей жизнью, голова — своей. Не останавливаясь ни на миг, дергались ноги, извивалось длинное тело, ломая папоротник и мелкие деревья.

И также безостановочно лязгала острыми и кривыми огромными челюстями голова, словно еще и сейчас пытаюсь схватить, убить и растереть между челюстями жертву, на которую она охотилась еще минуту назад.

— Вот живучая тварь! — опять раздался голос Василия, спускавшегося по склону ущелья к Соколу. — Смотрите, голову ей оторвало, а она живет. И голова живет, и туловище... Только вы не подходите близко, товарищ Сокол. Ишь, как она разевает рот... Сейчас нужно ее сфотографировать, это будет чудесное фото для нашей коллекции! Эх, жаль, что не было времени снять страшилище целым и неповрежденным! Ну, и дракон, ну, и чудище!..

Но Сокол уже не смотрел на чудовище. Он увидел: там, где кончалась оторванная голова, где раньше она соединялась с телом, граната вырвала из скалы большой кусок. Скала треснула, развалилась надвое. Часть ее, у самого подножия, рассыпалась большими и маленькими обломками. И среди этих обломков что-то матово поблескивало, — какие-то вкрапленные камни, выпуклые и, казалось, металлические куски. Их было немало. Как будто раньше они лежали все вместе, а теперь, после взрыва, рассыпались во все стороны. Металлические куски.

Забыв обо всем, о сколопендре, о ее челюстях, обо всем, что только что случилось, Сокол бросился туда, к загадочным металлическим кусочкам.

— Осторожнее... осторожнее... голова! — крикнул Василий.

Голова сколопендры, словно делая последние усилия, подпрыгнула вверх и повернулась челюстями назад, туда, где наклонялся к земле Сокол. Челюсти еще раз лязгнули в воздухе, пытаюсь схватить человека. Напрасное усилие. Своим молниеносным движением они смогли лишь сжать рукоятку кирки и выхватить ее из рук геолога.

Послышался резкий треск. Челюсти перегрызли, как спичку, дубовую рукоятку кирки, и она упала на землю. А затем они замерли. Сокол растерянно посмотрел на голову, на кирку, словно впервые видя сколопендру. Но взгляд его опять упал на металлические куски. Он свирепо воскликнул:

— Моя кирка! Она сломала ее!

Он наклонился к самым челюстям головы и схватил кирку с отгрызенной рукояткой. Затем обернулся назад и выбил киркой из скалы один из матовых металлических кусков.

— Да, что с вами, наконец? — удивился Василий.

Но Сокол не слышал ничего. Он растирал между пальцами кусочек металла, счищал с него пыль, перекладывал его из руки в руку. Вот он обернулся в ту сторону, где было светлее, и начал внимательно разглядывать металл, который поблескивал желтоватым светом.

— Вадим, что случилось? — услышал Василий голос Рындина. Николай Петрович вышел из корабля и удивленно смотрел на Сокола.

Геолог не слышал. Он влюбленно смотрел на металлический кусок.

— Вадим, что с вами? Очумели? — раздался голос Гуро, который успел подойти с сумкой за плечами. Он снял сумку, положил ее на землю, посмотрел на убитое чудовище, бесчисленные ноги которого все еще корчились, и сказал Василию:

— Вижу твою работу, мой мальчик. Это ты ее гранатой? Хорошо, хорошо попал... Кажется, это тот самый дракон, которого мы тогда видели? Вадим, теперь у вас уже кажется нет никаких оснований уверять нас, что дракон лишь почудился нам. А тебя, Василий, еще раз поздравляю. Это прекрасно сделано!

Василий смутился. Ему всегда делалось неловко, когда его хвалили за что-нибудь, сделанное им, хотя бы он и сам знал, что хвалить было за что.

К счастью, Сокол освободил его от необходимости отвечать. Он быстро бросился к Рындину, восклицая:

— Николай Петрович! Ультразолото! Это должно быть оно! Я уверен, что это оно!

Экспансивный геолог окончательно забыл обо всех тех страхах, которые он только что пережил. Он не обращал внимания на убитое чудовище, он просто перепрыгнул через его длинное тело и двинулся к Рындину. Старый академик удивленно смотрел на него. Он, разумеется, не слышал ничего, что говорил Сокол. Но он видел металлический кусочек в руке геолога. Этого было достаточно для Рындина. Он знал, что именно искал Сокол и чем можно объяснить его увлечение. Еще миг — и он наклонился над рукою геолога.

Гуро посмотрел на Василия, подмигнул ему:

— Смотри, какая новость! Жаль, что Николай Петрович ничего не слышит. Ведь он не в скафандре.

— Да он и без этого понимает.

— Наверное! А интересно все-таки. Пойду, посмотрю на эту находку. Василий, а ты захвати, пожалуйста, мою сумку, когда сфотографируешь это созданище, — сказал охотник, увидев, что Рыжко достает свой фотоаппарат.

— Ладно.

Гуро быстро двигался по ущелью к ракете. Василий остался возле убитого чудовища, наводя на него аппарат. Он слышал взволнованный голос Сокола. Геолог совсем забыл, что Рындин не слышит его слов, и радостно доказывал академику:

— Смотрите, ведь это самородок! И ясно, что это не обыкновенное золото, а что-то иное. У какого же еще металла может быть такой вид? Оно здесь, под скалой, как мы и думали. Я еще сегодня утром установил направление жилки-спутника. Вот сейчас, сейчас я побегу в корабль, проанализирую, чтобы окончательно определить...

И вдруг Василий встревоженно поднял голову. Ему послышалось, что где-то за скалами вновь раздается тот странный рокот, который они слышали в первый день пребывания на Венере, в зарослях над ущельем. Звук, который напоминал рокот многомоторного самолета.

Этот рокот приближался из-за скал, он усиливался, словно бы и в самом деле откуда-то из-за леса летел мощный самолет.

Василий не успел ничего сказать, не успел ничего решить, как из-за высоких скал вылетело что-то огромное, окруженное странным серебристым сиянием. Как будто быстрые взмахи крыльев, прозрачных, длинных, сверкали и серебрились в воздухе.

Одно мгновение — и странное, кошмарное существо, которое вылетело из-за скал, из-за зарослей, остановилось уже над ракетным кораблем. Это его оглушительное жужжание напоминало рокот самолета. Кошмарное существо плыло в воздухе, делая громадный круг. У него было длинное тело, большая голова с огромными глазами и большие, прозрачные, сетчатые крылья, которые быстро мелькали в воздухе, сливаясь в одно серебристое сияние.

— Стрекоза! Гигантская стрекоза! — закричал Василий.

Стрекоза, жужжа, пролетела над самой ракетой и помчалась дальше. Люди замерли от неожиданности. Тело стрекозы было длинной, по крайней мере, в четыре метра. Размах ее крыльев достигал метров пяти-шести. Крепкие сухие лапы с острыми когтями висели под нею.

Вот стрекоза пролетела совсем низко, обвевая Василия ветром от своих блестящих проворных крыльев. Василий отшатнулся и схватился за винтовку. Но стрекоза молниеносно пронеслась над ним. Она летела опять к ракетному кораблю, опять описывала широкий круг. Василий прицелился в нее, но дуло его винтовки несколько секунд беспомощно пыталось следовать за силуэтом стрекозы, потому что быстрое существо легко изменяло направление и исчезало из-под мушки.

Один выстрел,

другой... И вот стрекоза, не уменьшая скорости, как камень, упала сверху вниз. Ее громкое жужжание заглушило все остальные звуки.

— Неужели попал? — забилося сердце у юноши. Он опустил вниз винтовку.

Стрекоза, падая, выпустила, протянула длинные свои лапы. Только теперь Василий заметил, что стрекоза падает прямо на Бориса, который быстро бежал к ракете.

— Товарищ Гуро, берегитесь... Она падает на вас! — крикнул во весь голос Рыжко. Но было уже поздно.

Стрекоза упала вниз, как чудовищный коршун. Она не была ранена, она падала не потому, что ее задела пуля Рыжко. Стрекоза бросалась на добычу, выбрав себе одинокую фигуру человека, бежавшего по склону ущелья.

Упав сверху на Гуро, стрекоза схватила его поперек туловища своими сильными лапами, подтянула к себе и молниеносно взвилась в воздух, неся охотника с собой и радостно, победно жужжа, наполняя ущелье нестерпимым шумом.

Василий приложил винтовку к плечу, стараясь прицелиться, убить стрекозу, спасти Гуро. Но как мог он это сделать? Разве можно было стрелять? Ведь пуля легко могла попасть и в охотника, повисшего под туловищем стрекозы...

— Ах, проклятая!.. — со злобой простонал юноша, опуская винтовку вниз.

Широко раскрытыми глазами, не двигаясь, люди снизу смотрели в небо. Стрекоза медленно превращалась в маленькую черную точку. Еще мгновение — и она исчезла за скалами, за зарослями. И только могучее ее жужжание еще долго долетало до путешественников, постепенно стихая.

Наконец, затихло и оно.

НАД ЗАРОСЛЯМИ ВЕНЕРЫ

— Винтовка... моя винтовка осталась возле ракеты! — это было первое, о чем вспомнил Гуро.

Схваченный сильными, жилистыми лапами за талию, он висел под самым туловищем стрекозы. Руки и ноги его были свободны. Он мог двигать ими — совсем как человек, которого подвесили бы за пояс к потолку комнаты. Гуро делал руками и ногами неуверенные движения пловца, как бы пытаясь сохранить равновесие. Разумеется, это было ни к чему; стрекоза крепко держала его. Немного спустя это сообразил и Гуро.

Как случилось, что стрекоза схватила его без какого бы то ни было отпора? Гуро честно сознался сам себе: он не ожидал подобного поведения от летучего хищника. Ему думалось, что стрекоза просто пролетит над ущельем и опять исчезнет. Затем эти выстрелы Василия... Охотник решил, что юноша попал в стрекозу, и она падает, раненая. Вышло же вовсе не так!

Он понял свое положение лишь тогда, когда увидел сверху ракетный корабль, который быстро отдалялся от него, ущелье, красное знамя на высокой скале, товарищей — в виде маленьких черных точек. Ветер дул ему навстречу, он знал это, слыша беспрерывный свист в микрофоне шлема, свист, который смешивался с надоедливym жужжанием стрекозы. Хищник все время пел какую-то, ему самому лишь понятную, песню победы.

Все это произошло так молниеносно, так неожиданно... Удар лапами по плечам, затем что-то рывком дернуло его вверх и все. Гуро лишь в воздухе понял все, он, известный своей инициативностью, своей способностью быстрее всех реагировать на опасность.

Страшная злоба охватила Гуро. Его, опытного, бывалого охотника и путешественника, схватила как волк овцу гигантская стрекоза, это несчастное насекомое, и несет теперь в воздухе как мертвую куклу, как свою будущую закуску!.. Это произошло на глазах у всех товарищей. Позор!.. Что будут делать они без него? Кто защитит их при неожиданном приключении, если Гуро не сумел защитить сам себя?..

Задыхаясь от гнева, Гуро проверил свое оружие. Кинжал был с ним, его короткий, широкий кинжал. На поясе висели две гранаты, в кобуре остался маленький автоматический пистолет, заряженный разрывными пулями. Вот он!

Быстрым движением Гуро выхватил пистолет. Первой его мыслью было выпустить несколько пуль в туловище и голову стрекозы, но тотчас же он сообразил, что этим он немедленно лишил бы жизни самого себя. Убить стрекозу можно, если не убить, то по крайней мере напугать выстрелами так, что она выпустит из своих лап добычу. Но...

Он взглянул вниз. Под ним медленно проплывали верхушки высоких деревьев, густые чащи тропических растений. Вот из зарослей показалась острая скала, еще, еще... Стрекоза летела, вероятно, на высоте около двухсот метров. Упасть с такой высоты вниз без парашюта, — нет, на это он не согласен.

Гнев исчезал, сменяясь тем холодным спокойствием, которое всегда проявлялось у Гуро, когда он чувствовал настоящую и серьезную опасность. Мозг напряженно работал, отмечая все малейшие перемены положения его тела, все малейшие движения хищника.

Охотник чувствовал, как время от времени сжимаются лапы стрекозы, словно хищник проверял, жива ли его добыча. Ничего не поделаешь. Нужно ждать. Главное, чтобы стрекоза не очень интересовалась им во время полета. Сядет же она когда-нибудь, наконец! Тогда... о, тогда Гуро не замедлит поговорить с ней как следует. А пока что — нужно сохранять полное спокойствие, не раздражать хищника, выдавать себя за почти мертвое тело.

Гуро свободно опустил руки и ноги. Он не шевелился. Вся жизнь его, вся энергия переключились на работу мозга.

Хотелось еще раз посмотреть на ракету, на товарищев. Но корабля уже не было видно, он исчез среди скал глубокого ущелья. Только красная точка знамени еще виднелась вдали. Гуро невольно вздохнул: удастся ли ему увидеть еще раз это знамя? И тотчас он упрекнул сам себя: это была неподходящая мысль. Никакого ослабления воли, никакого упадка духа! Только при этих условиях можно думать о спасении.

Самое ущелье Гуро видел хорошо. Он узнавал его по высоким скалам, торчавшим вверх, как пять растопыренных пальцев.

Так вот как оно тянется, это ущелье... Настоящее русло высохшей реки, глубокое и неровное.

Ущелье извивалось среди леса. Оно образовывало неправильный полукруг. Высокие нагроможденные скалы закрывали один его конец. За скалами сверкающим серебром блестела большая река. Она текла почти рядом с ущельем. Дальше, справа, река впадала в большое озеро. Сюда же спускались крутые склоны ущелья.

Неожиданная смелая мысль мелькнула в голове Гуро. Он даже присвистнул:

— Вот такая картина!.. Ну, ладно, посмотрим!

Рука охотника подвинулась вдоль тела, нащупывая широкий карман на груди скафандра. Там лежал его маленький фотоаппарат. Гуро осторожно достал его и, не поднимая к глазам, направил объектив назад, в сторону ущелья, реки, озера, нажал на спуск. Провернул пленку, еще раз нажал. Так. Это уж будет верно. Спрятал аппарат. И вполне своевременно.

Лапы стрекозы теснее прижали его, подтягивая ближе к гигантской голове. Гуро не сопротивлялся, внимательно наблюдая сквозь стеклянные окна шлема, как медленно поворачивалась к нему голова стрекозы. Вот он увидел сжатые зубы хищника, несколькими острыми резцами сходящиеся к отверстию рта. Вот голова еще повернулась. Стрекоза хотела рассмотреть свою добычу.

Лапы ее подвинули человека вперед, еще ближе к голове. Гуро увидел, как повернулся к нему огромный, зеленый и прозрачный глаз. Собственно, это был даже не глаз, а множество маленьких глазок, выпуклых и ярких, в каждом из которых отражался его блестящий шлем. Все глазки, составленные как соты, образовывали один гигантский глаз.

Стрекоза поворачивала голову направо, налево, рассматривая Гуро. Казалось, она была изумлена странным видом своей добычи. Ведь никогда еще в ее лапах не было человека, да еще одетого в скафандр с круглым металлическим шлемом.

— Эх, если б я тебе был так же не по вкусу, как ты мне, — тихо произнес охотник, смотря прямо в глаза хищника, — вероятно, ты тогда бы и не дотронулась до меня!..

Но этим и ограничилось его реагирование на движение стрекозы. Руки и ноги охотника, как и раньше, неподвижно свиса-

ли вниз; он выжидал. Он твердо помнил: никакой борьбы в воздухе.

Большие прозрачные сетчатые крылья быстро махали над ним. Стрекоза увеличивала скорость.

— Неужели же ей не тяжело нести меня, мои семьдесят кило? — подумал охотник.

Под ним все также проплывали леса и заросли, кое-где прорезанные реками и озерами. Одно пятно внизу обратило на себя внимание Гуро. Среди сплошного зеленого покрова, одевавшего поверхность Венеры, было странно видеть это темное, почти черное пятно. Это было похоже на следы пожара, но как мог произойти тут пожар? Разве что молния ударила... Да и то, это не совсем напоминало следы пожара. Ведь тогда пятно было бы черным. А теперь Гуро ясно видел коричневые стволы деревьев, даже с ветвями. Станный цвет зависел только от того, что эти деревья были, пожалуй, без листьев.

— Гм... интересно было бы посмотреть, — подумал охотник.

Внезапно Гуро был вынужден прервать свои наблюдения, потому что к его ногам что-то прикоснулось. Не двигаясь, охотник взглянул.

Стрекоза все теснее притискивала его к себе, она сжимала человека еще одной парой лап.

Неожиданно умолкло опротивевшее жужжание, остался только неустанный свист ветра.

— Стрекоза что-то надумала, — решил Гуро.

И действительно, стрекоза медленно подтягивала шлем Гуро к своей голове. Гуро увидел, как широко раскрылся ее рот и растянулись его зубчатые края. Стрекоза старалась втянуть шлем в рот, желая, по-видимому, полакомиться человеком еще в воздухе.

— Э, нет, это не входит в мои планы! — громко заметил Гуро. Сжавшись, как пружина, он дернул головой. Зубчатые края рта скользнули по шлему, не схватив его, и сомкнулись над ним. Стрекоза опять раздраженно зажужжала.

Но дальнейших попыток попробовать добычу она не делала. Можно было подумать, что хищник удивлен необычным поведением и видом существа, которое он нес в лапах. Гуро опять за-

мер, не делая ни одного движения. Больше ему ничего не было нужно.

Стрекоза резко изменила направление, сделала большой полукруг над лесом и начала снижаться, выбирая подходящее место, чтобы сесть.

Гуро почувствовал, как сильно забилося его сердце: приближалось время решающей борьбы. Он опять осторожно положил руку на кобуру пистолета. Однако, через несколько секунд он подумал:

— Что даст мне выстрел? Стрекоза — это насекомое. Даже если я ей попаду в голову, она все так же крепко будет держать меня лапами. Ее конечности подчиняются не голове, совсем не голове. Нервные центры насекомых лежат где-то в груди. Смотри-ка, как засело в мозгу то, чему когда-то учился в школе. Ладно, теперь это пригодится!

Оставив пистолет в левой руке (охотник стрелял левой рукой не хуже, чем правой), Гуро осторожно достал из ножен свой короткий и широкий кинжал.

Стрекоза тем временем нашла себе место. С победоносным жужжанием она опускалась на вершину большого старого дерева, которое возвышалось над лесом, как гигантская свеча. Теперь охотника держали опять лишь две передние лапы. Две задние пары вытянулись вниз, готовые схватиться за дерево. Крылья почти неподвижно повисли в воздухе, создавая над Гуро сказочный прозрачный шатер, блестящий всеми цветами радуги.

Напрягшись, подобрав все мускулы, охотник ждал. Ясно, что стрекоза не сделает с ним ничего, пока не сядет. Внимание! Внимание!.. Вершина дерева приближалась, приближалась, охотник опускался на нее как в колыбели.

И вот стрекоза легко села на вершину. Задние ее лапы схватились за ветви. Они закачались под тяжестью гиганта. Стрекоза несколько раз переступила лапами, умяв их удобнее. Ветви перестали качаться. Стрекоза сидела удобно и цепко.

Ее голова опять повернулась правым глазом к Гуро. Хищник нацеливался, как ему удобнее начать пожирать добычу. Рот его медленно раскрывался. Передние лапы, все так же цепко державшие Гуро, слегка повернули его и начали поднимать вверх головой ко рту стрекозы.

Прямо над собою Гуро видел грудь хищника, покрытую прозрачным слоем хитина. Отдельные сегменты и пластинки хитина соединялись тонкими полосками кожи, позволявшими им двигаться. Как раз над ним была такая полоска. Под тонкой кожей что-то ритмично двигалось, переливалось.

Настало время действовать. Шлем охотника был уже под самым ртом хищника, подтягиваемый все ближе и ближе.

Отчаянным, молниеносным движением Гуро неожиданно перевернулся в лапах стрекозы. Теперь он словно лежал на спине, повернувшись грудью к телу хищника. Стрекоза, удивленная неожиданным движением, закрыла рот, но тотчас же опять раскрыла его и опять потянула человека к своей пасти.

Кожа между двумя толстыми пластинками хитина была теперь прямо перед глазами Гуро. Охотник еще раз быстро прицелился — и сильным ударом вонзил кинжал в эту кожу. Лезвие легко проткнуло ее и вошло глубоко в тело. Руку Гуро обдал поток зеленоватой жидкости, но он все так же быстро повернул кинжал в ране и резким взмахом руки распорол грудь хищника надвое.

В тот же самый миг он почувствовал, как содрогнулись лапы, державшие его.

Очевидно, он повредил нервные центры. Крылья стрекозы бешено забились, поднимая сильный ветер. Стрекоза подпрыгнула, жужжание оборвалось, превратилось в хриплое булькотание. Хищник еще раз подпрыгнул. Это было то самое, чего Гуро имел основание бояться больше всего. Стрекоза пыталась опять полететь, не выпуская человека из лап.

— Нет, на это я не согласен! — воскликнул он.

Быстрым движением левой руки он поднял пистолет и выпустил подряд несколько пуль в хищника, в его распоротую грудь, в голову, в туловище. И каждый выстрел отвечал ему коротким взрывом. То разрывались внутри стрекозы разрывные пули. Теперь Гуро уже ничего не видел. Стеклообразные окна его шлема были залеплены зеленоватой массой, вылетающей после каждого взрыва разрывных пуль из разорванной груди хищника. Но лапы все еще цепко держали охотника.

И вот они опять содрогнулись. Одна из них бессильно повисла. Гуро остался прижатым к чудовищу только одной лапой. Вот разогнулась и эта. Перевертываясь в воздухе, ничего не видя,

но сжимая в одной руке кинжал, а в другой пистолет, — Гуро катился вниз, катился по густым ветвям гигантского дерева, ниже и ниже.

Густой зеленый мрак поглотил его. Он слышал треск ломавшихся ветвей, чувствовал удары об ветки, но не мог ничего сделать, даже не мог ни за что ухватиться, потому что окна его шлема были затемнены зеленоватой кровью стрекозы. Еще удары, уже мягче. Послышался уже не треск, а сочный хруст, словно бы лопались арбузы или тыквы. Еще миг — и падение остановилось. Охотник лежал на чем-то мягком и влажном.

Первым своим движением Гуро спрятал кинжал в ножны, а пистолет в кобуру. В этом вновь проявились его привычки и рефлексy бывшего путешественника и охотника. Что бы там ни было, а прежде всего нужно беречь оружие.

Потом он одну за другою тщательно проверил, перещупал свои конечности. Все было, к счастью, в порядке. Ни одного перелома, ни одного вывиха. Только болело плечо — видимо, от сильного удара о какую-нибудь ветку.

На ощупь Гуро нашел какие-то широкие, мягкие листья и протер ими стекло шлема. Теперь он видел.

Густые заросли папоротника. Мягкий, влажный грунт. Отдельные столбы деревьев погружались в сплошные тучи зеленой листвы, — настолько густой, что сквозь нее почти нигде не было видно неба. Раненая, если не убитая, стрекоза осталась где-то там, наверху. Здесь, внизу, было тихо и спокойно. Гуро был свободен, он мог возвращаться домой.

Это легко было сказать. Как возвращаться, куда? Никакой компас не мог помочь охотнику. Проклятая стрекоза несколько раз меняла направление полета. Гуро мог быть теперь на расстоянии всего двух-трех километров от ущелья, где лежал ракетный корабль. Но это расстояние могло быть и значительно большим. Однако, не самое расстояние усложняло дело, не оно было главным препятствием.

Куда идти, вот вопрос. Всюду одинаковые заросли, всюду лес. Связаться с товарищами по радио? Но маленький передатчик в шлеме Гуро обеспечивал связь на расстоянии пятисот-шестисот метров, не больше. Однако, Гуро попробовал все-таки отозваться:

— Товарищи! Слышите ли вы меня?

Как и следовало ожидать, никто ему не ответил.

Гуро сел удобнее, собираясь о мыслями. В самом деле, что делать? Куда бы он ни пошел, какое бы направление ни выбрал, все равно, в девяносто девяти случаях из ста он не нашел бы ракеты. Ждать здесь? Чего, кого? Кто найдет его здесь, кто пойдет за ним? Кто знает, куда именно понесла его стрекоза? Сидеть и ждать помощи было бессмысленно.

Новая мысль прорезала мозг Гуро — и это было всего страшнее; на сколько еще времени ему хватит кислорода? Наморщив лоб, охотник припоминал:

— Он переменял резервуар с оксилитом сегодня утром. После этого он даже не снимал шлема. Впрочем, нет. Снимал, когда обедал. На обед ушло еще с час. Теперь — он взглянул на часы — половина пятого. Началась работа в десятом. Значит, пять с половиной часов он расходовал запасы своего кислорода. Оставалось еще шесть с половиной часов дыхания. Немного, совсем немного в его положении!

— Шесть с половиной часов, а затем — конец, — вполголоса произнес Гуро. — Хорошо было бы покурить...

Положение было безнадежным, Гуро рассеянно следил за тем, как покачивались перед ним кружевные листья папоротника. И в ущелье, где лежит ракетный корабль, листва папоротника покачивается так же безразлично, как и здесь. Какая бессмыслица!.. Спаситься от опасности, вырваться из когтей гигантской стрекозы, прямо, можно сказать, выбраться из ее челюстей, — чтобы погибнуть здесь, в зарослях, задохнуться от недостатка кислорода?.. И это тогда, когда им удалось уже полностью выполнить свою задачу: найдены и инфрарадий, и ультразолото?.. Бессмыслица!

Лучше чем кто-нибудь другой, Гуро понимал, что такие размышления ничего не дают, только вредят, потому что отнимают драгоценное время. В особенности это было плохо в его положении, когда время его дальнейшего существования целиком зависело от количества кислорода в резервуаре скафандра. Каждая минута дыхания забирала какую-то часть кислорода — окончательно и бесповоротно. И когда он не расходует эту минуту дыхания разумно, осмысленно, не использует ее для опасения, — он сам отнимает у себя жизнь.

Гуро понимал все это.

— Стоп, товарищ, — сказал он себе. — Стоп, нельзя расходовать время и кислород на никчемное самокопание. Это самоубийство! Нужно решать, что делать...

Разумеется, нужно. Но — что именно? Допустим, человек заблудился в лесу. Он может попробовать определить, где у него юг и север, восток и запад, сделать отсюда выводы и двигаться, куда нужно. Что мог делать Гуро? Разве он знал, в каком направлении лежит ракетный корабль? Нет, он не знал ничего. Юг был для него тем же самым, что и север, что и восток, и запад. Всюду было неведомое, угрожающее, неверное, враждебное. Эти гигантские деревья, пальмы, папоротники, это непрестанное жужжание бесчисленных насекомых — все было чуждым, странным, все подчеркивало его оторванность от товарищей, друзей.

Даже привычные ему вещи, с которыми он свыкся как с самим собой, — теперь раздражали его, издевались над ним.

Вот взгляд Гуро упал на его ручные часы. И минутная стрелка, словно она только и ждала этого взгляда, начала быстро бежать по циферблату. Никогда, никогда в жизни ока не мчалась так! Никогда в жизни Борису Гуро не хотелось так, чтобы она замедлила свой бег, чтобы она застыла на месте!.. Каждое деление циферблата — частица истраченного кислорода, частица прожитой жизни, отбираемая автоматически от тех шести с половиной часов дыхания, которые еще остались ему. Нет, уже не шести с половиной, а шести с четвертью!.. Проклятая стрелка, куда ты спешишь? Остановись!

Гуро со злобой смотрел на часы. Где его быстрый и гибкий ум, который умел до сих пор находить выход из любого труднейшего положения? Почему теперь охотник стал таким беспомощным, почему он не способен ничего придумать для собственного спасения?.. Никого ему не нужно сейчас вытаскивать из беды, никому не нужно помогать, кроме самого себя. И он бессилен помочь самому себе!..

Да, он всегда находил выход из критических положений. Но разве мог он сейчас опереться на что-нибудь надежное? На товарищей, хотя бы они были и близко? Вообще, на людей, которые могли помочь ему чем бы то ни было... Раньше были люди, люди вокруг него, а теперь — он один. И никого. И ничего. Одиночество!

Большая сине-красная бабочка покружилась вокруг его головы и села на лист папоротника. Ее нежные крылья дрожали, несравненный рисунок их вобрал в себя самые лучшие краски с палитры природы. Бабочка медленно подвигалась вдоль листа, словно чего-то ища. Гуро молча смотрел на нее несколько секунд и вздрогнул. Ему показалось, что из-за дерева, которое образовало глубокий коричневый фон для нежных красок бабочки, что-то выглянуло. Охотник спохватился. Его правая рука лежала на расстегнутой кобуре пистолета, левая нащупывала кинжал. Что там такое?..

За деревом не было ничего. Должно быть, случайное движение папоротника под порывом ветра обмануло охотника. Испуганная резким движением человека, бабочка поднялась с папоротника и полетела. Гуро проследил за ней, пока бабочка исчезла за деревьями, и криво усмехнулся.

— Нервы, товарищ, у вас не в порядке, — сказал он сам себе. — Вам уже начинает мерещиться всякая чертовщина... Спокойнее, товарищ, так вы себе не поможете...

И опять его охватила злость. Нет, будь что будет, а он найдет выход. Он докажет, что он разумный человек. Не может быть, чтобы он погиб здесь, не может этого быть! Это было бы бессмысленно!

Гордый, уверенный в себе человек кричал сам на себя:

— Ты не смеешь сдаваться, ты должен найти выход! Ты — сильный, крепкий человек, иди, ищи! Бессмысленно сидеть тут дольше. Понимаешь, бессмысленно?

Но этот гордый, уверенный в себе человек, отвечал самому себе иначе, отвечал насмешливо и наперекор:

— Да, бесспорно, это будет бессмысленно. Двигайся, человек, двигайся. Но — почему же ты не идешь? Сделай одолжение, дорога свободна, иди куда угодно. Ракета может быть и прямо перед тобой, и позади, и слева, и справа. Двигайся — и помни, что каждый твой шаг почти наверняка будет отдалять тебя от твоей действительной цели, — от корабля, от товарищей. Хотя нет, разве такова твоя действительная цель? Разве это то, что тебя ожидает? Нет, твой действительный путь — к смерти от удушения. Иди куда угодно, все равно ты пойдешь, независимо от направления, именно этим верным, настоящим путем, единственным, который

тебе остается. Уважаемый товарищ, это будет вашей последней прогулкой, идите, — сделайте одолжение, идите!..

Закрыв глаза, Гуро изо всех сил стукнул себя кулаком по шлему, пытаясь хоть этим заглушить голос насмешливого, безжалостного человека. Напрасные усилия! Голос продолжал — и ему ничего не мог противопоставить первый голос гордого, уверенного в себе человека. Голос продолжал:

— Идите, сделайте одолжение! Идите, товарищ Гуро! Не задерживайтесь, все равно ничего не поможет... ничего... смерть от удушья — вот что вас ожидает...

— Проклятый! — воскликнул Гуро, сжимая руками шлем. Он хотел заткнуть руками уши, чтоб не слышать. Но руки его сжимали только металл шлема. Спокойный насмешливый голос шептал ему на ухо дальше и дальше. Это было почти сумасшествием. Это было нестерпимо. Голос то издевался, то приобретал искренние дружеские интонации, словно маскируясь, чтоб через какое-нибудь мгновение опять насмеяться. Гуро уже не владел собой. Он бросался от дерева к дереву, слушая этот изменчивый и насмешливый голос, звеневший у него в ушах.

— Идите, идите, сделайте одолжение, товарищ Гуро! Вас никто не задерживает, вам никто не мешает... никто не беспокоится о вашей судьбе... беспокоимся, беспокоимся, беспокоимся... идите, все равно кислорода не хватит... потому что может не хватить кислорода... мы беспокоимся... все равно вас никто не услышит, не услышит... и вы никого не услышите, не слышите... слышите ли вы, товарищ Гуро, слышите?.

Этот голос, маскируясь, сделался похожим на голос Василия. Нет, он окончательно сошел с ума!..

— Слышите ли вы нас, товарищ Гуро?.. Прислушайтесь, прислушивайтесь, мы беспокоимся, потому что у вас может не хватить кислорода... прислушивайтесь, идите к нам. Мы поможем вам найти дорогу... Мы уверены, что вы спаслись, товарищ Гуро...

Всякому сумасшествию бывают границы. Почему этот голос, тихий и проникновенный, утратил теперь свою насмешливость, звучит так встревоженно?.. Да что это, наконец? Вот он, тихий голос Василия. Он здесь, совсем близко:

— Мы ждем вас, товарищ Гуро! Пеленгируйте нас, пеленгируйте. Нам удалось наладить мощный радиопередатчик корабля, мы ищем вас по радио, товарищ Гуро...

Что? Это не мерещится? Это не сумасшествие? Это действительно говорит Василий?

Обняв обеими руками ствол дерева, склонив бессильно голову, Гуро прислушался. Он почувствовал, как капли пота стекают по его лбу, он ощутил, какими влажными стали вдруг его глаза — и ему не было стыдно этого. Он забыл уже про сумасшедшие мысли, он весь превратился в слух. Пеленгировать ракету? Мощный передатчик?

— У вас в шлеме, товарищ Гуро, есть рамка. Ее надо вытащить и поставить так, чтобы ее плоскость была направлена прямо вперед, куда смотрят ваши глаза. Тогда поворачивайтесь, поворачивайтесь медленно. Мои слова будут звучать то тише, то громче. Найдите такое направление, когда мой голос будет наиболее громким, — и идите на него, чтобы он все время звучал громко. Это будет то самое направление, в котором вам нужно возвращаться домой. Я буду говорить все время, все время вы будете иметь возможность проверять направление. Не забывайте проверять направление, товарищ Гуро, потому что нужно идти лишь тогда, когда мой голос будет наиболее громким. Идите быстрее, потому что мы боимся, что у вас не хватит кислорода. Товарищ Гуро, слышите ли вы нас? Мы ждем вас, товарищ Гуро. Пеленгируйте нас, пеленгируйте нас...

Все таким же встревоженным голосом Василий продолжал говорить, вызывая Гуро, не зная, слышит ли он его, или не слышит...

Гуро усмехнулся и выпрямился. Нервности его как не бывало. Исчезло все. Исчезли призраки, исчезла борьба голосов в его ушах. Он глубоко вздохнул, наощупь нашел на шлеме маленькую выдвижную рамку.

Так. Он поставил ее прямо перед собою. Начал медленно поворачиваться. Голос Василия сначала стал тише, затем опять начал делаться громче. Дальше, дальше, вот оно направление!

Теперь голос Василия звенел прямо возле ушей. Этот, милый, родной, взволнованный голос остроумного и ловкого юноши. Дорогой Василий! В тот раз тебя спас Гуро; теперь ты спасаешь охотника!

— Пеленгируйте нас, пеленгируйте! Я буду говорить все время, все время вы можете проверять направление. Спешите, потому что мы очень беспокоимся за вас, хотя в уверены, что вы спаслись от стрекозы...

Да, он спасся от стрекозы: это было очень просто по сравнению с дальнейшим. Он поспешит, чтобы успокоить товарищей, чтобы расцеловать милое и родное лицо юноши, который держит в руках тоненькую ниточку, вытаскивающую охотника из диких зарослей тропического леса!.. Держи эту нитку, Василий, держи!

— Мы ожидаем вас, товарищ Гуро, спешите!.. Пеленгируйте нас все время, пеленгируйте!..

Вперед! Кажется, все так, как нужно. Голос Василия слышно так лучше всего. Ошибки быть не может.

Чащи смыкались плотным кольцом вокруг человека в скафандре, дикие растения преграждали ему путь, насекомые с жужжанием пролетали сзади него, стараясь обратить на себя внимание. Папоротники путались между ногами, мешали идти. Но Гуро шел вперед и вперед, ни на что не обращая внимания.

Он спешил. Все мысли его были направлены на голос Василия, он следил за его беспокойными интонациями, он шел вперед.

И только раз за полчаса он остановился. Он увидел ту самую сине-красную бабочку, которая прилетала к нему вовремя того сумасшествия. Бабочка летела перед ним несколько минут, затем опять села на лист папоротника. И на этот раз Гуро свернул со своего пути, чтобы не испугать свою знакомую.

— Будь здорова, милая! Вряд ли мы еще встретимся с тобой, ты обо мне, наверное, не вспомнишь. А я о тебе и о твоих цветистых крыльях буду помнить всю жизнь, будь уверена. Потому что такие минуты не забываются. Всего!..

И размахивая кинжалом, Гуро двигался далее быстрой походкой, выбирая себе путь между папоротниками и стволами деревьев и все время прислушиваясь к беспокойному голосу Василия, который звал его и указывал ему дорогу.

Гуро спешил. Только бы хватило кислорода...

Лес казался бесконечным; да разве не был он таким и в действительности? В этом Гуро убедился еще тогда, когда летел над ним в когтях гигантской стрекозы. Сколько километров он пролетел над необозримыми девственными зарослями?..

Лес надвинулся на охотника со всех сторон, лес смотрел на него тысячами глаз своих невидимых обитателей, лес был полон неожиданностей и тайн, подстерегавших человека, преграждавших ему путь, затруднявших, задерживавших его на каждом шагу.

Большие деревья, увенчанные буйными зелеными шапками листьев, сами по себе не очень мешали Гуро. Он легко обходил их, все время проверяя направление, которое указывал ему голос Василия. Но часто лес воздвигал перед охотником настоящие заграждения. Цепкие ползучие растения переплетались сложным кружевом, сотканным из живых крепких канатов. Они свисали с огромных деревьев, перекидывались с одного на другое, перепутывались... Такие преграды тянулись на сотни метров, превращаясь в сплошную непролазную стену. Обходить их было бы слишком долго, и охотнику приходилось разыскивать скрытые под большими толстыми листьями лазейки, перерубать тонкие растения своим кинжалом, ужом пролезать сквозь узкие проходы, чтобы через несколько минут очутиться перед новой такой же преградой.

Гуро то поднимался на крутые холмы, на которых гордо высились прекрасные пальмы и кипарисы, то с трудом передвигался по вязким трясинам, засасывавшим ноги и словно обувавшим их в свинцовые сапоги...

Вот путь ему преградило неширокое, но длинное озеро. В нем была жизнь. Какие-то диковинные твари то и дело вспрыгивали из мутной воды в погоне одна за другой, опять погружались в воду, барахтались в ней. Вот плывет огромный черный жук; за ним тянется длинный желтоватый хвост, поднятый вверх и заканчивающийся кривым жалом, как у скорпиона. Вот зеленая жаба величиной с человеческую голову... Но вместо широкого жабьего рта — у жабы твердый клюв между большими круглыми глазами.

Коричневая гадина с маленькими ножками и большим, высоким гребнем, извиваясь, выпрыгнула на поверхность и стрелой упала на зеленую жабу. Она обвила ее широкую шею и в ту же секунду ужалила в спину. Жаба с визгом перевернулась на спину, дрыгая лапами...

Гуро на минуту даже забыл, что у него нет времени для наблюдений. Он спохватился: нельзя, ни на миг нельзя задерживаться! Но как пройти дальше? Обходить кругом?.. Это потребо-

вало бы слишком много времени. Попробовать перейти озеро вброд?.. А все эти твари?.. Ведь они могут напасть...

— Ну, пусть попробуют!..

Охотник смело вошел в воду и двинулся вперед. Вода поднималась все выше. Вот она уже доходит до талии, до груди... Но еще несколько шагов — и дно опять начало подниматься.

— Товарищ Гуро, мы ждем вас! Спешите, товарищ Гуро, мы очень беспокоимся, что у вас не хватит кислорода... — напоминает охотнику взволнованный голос Василия.

Да, только бы хватило кислорода!..

ЕГО ПЛАН

— Мальчик не хочет отходить от микрофона, Николай Петрович. Говорит: я еще могу подежурить. Так и поел, не отходя от микрофона. И вот опять сидит.

Сокол указал рукой на Василия. Рындин только отмахнулся:

— Пусть дежурит, это все-таки дает какую-то иллюзию помощи Борису. Когда я слышу этот голос, мне кажется, что Борис еще может вернуться. Словно бы какая-то связь с ним. Хотя я почти уверен, что это только иллюзия, но... мне думается: если Василий замолчит, то...

Он бессильно опустил голову. И столько страдания было в его словах, что Сокол не нашел ответа. Он молча надел скафандр и вышел: так или иначе, времени терять было нельзя. Наилучший способ забыть про горе — это работать. Сокол хорошо помнил это правило.

А работы было еще много. Правда, запасы инфрарадия были уже сделаны. Однако, ультразолота — потому что найденный Соколом металл был именно ультразолотом, — было еще мало. Геолог только начал приносить в ракету первые самородки.

Залежи ультразолота, как определил Сокол, были очень значительны. Скала, которая расселась от взрыва гранаты, раскрыла богатейшее гнездо. Словно кто нарочно приготовил здесь огромное количество самородков ультразолота. Гнездо это было длинное, оно исчезало дальше под скалой. Сокол собрал все самородки, оказавшиеся снаружи, и теперь готовил щель, чтобы подорвать скалу дальше. Тогда останется только собирать самородки, выбивая их из породы киркой или лопатой.

Василий сидел у окна каюты. Перед ним, прикрепленный к раме, висел микрофон. Вот уже шесть часов подряд юноша повторял свои призывы к Гуро. Слышал ли его охотник? Василий твердо верил в это. Иначе не могло быть. Он, Василий, поможет Гуро найти путь к ракете. И юноша не отходил от микрофона, он не хотел позволить никому занять его место,

— Товарищ Гуро уже привык к моему голосу. Не нужно, не нужно, я посижу еще, я выдержу, — отвечал он товарищам.

Николай Петрович хмуро работал, приводя в порядок склад для ультразолота. Старый академик механически, как машина, переставлял ящики, освобождал место, складывая первые само-родки. Но все это он делал безжизненно, вяло, неэнергично.

Впервые за все время путешествия он упал духом. Он чувствовал это сам. И в то же время Рындин хорошо знал, что этого никак нельзя было показывать. Он старался быть бодрым, даже пробовал, силился шутить. Николай Петрович отвечал, когда к нему обращались, спрашивал о чем-то сам. Но это не был тот бодрый Рындин, который до сих пор заряжал всех верой и уверенностью в успехе. Потеря чудесного товарища и помощника, унесенного гигантской стрекозой, выбила Николая Петровича из колеи, сильно повлияла на него.

Он хотел, он горячо желал, чтобы Борис Гуро спасся. Самую мысль о его гибели Рындин отгонял от себя. Но он, всегда трезвый и вдумчивый, хорошо понимал, как мало шансов было за то, что им доведется еще раз увидеть Бориса. Он не останавливал Василия, он сам с надеждой прислушивался к его вызовам. Минутами он не менее горячо, чем Василий, верил, что Гуро слышит; верил, что охотник поспешает к ракетному кораблю в направлении, которое указывает ему радио. Но это было только минутами.

Вот и сейчас — как завидовал старый академик этому юноше с его неисчерпаемой верой в возвращение Гуро! Стоило лишь прислушаться, как произносит Василий эти слова, как смотрел он в окно на знакомый ему пейзаж. Василий верил в возвращение Гуро, что бы там ни было. Опять и опять он повторял:

— Мы поджидаем вас, товарищ Гуро. Спешите, потому что мы очень тревожимся за вас!..

В тысячный, в десяти тысячный раз юноша повторял эти слова, а глаза его неотрывно следили через окно за близким горизонтом, на котором вырисовывались скалы ущелья. Он следил за каждым кустом, словно ожидая появления Гуро. Василий был уверен: вот еще минута, две, три — и Гуро выйдет из-за кустов. Ведь именно в этом направлении понесла его стрекоза. Только бы не помешали сумерки, только бы успеть до ночи. Счастье, что день на Венере такой длинный!..

Николай Петрович огорченно покачал головой: можно было лишь уважать в юноше такую любовь к товарищу, такую уверенность в его силах, в его благополучное возвращение. И опять

он подумал: какая чудесная пора — юность! Как она горяча, как непоколебима! И как жаль, что он, Рындин, не может быть таким, как Василий. Он не может быть человеком одних эмоций. Он должен смотреть на вещи трезво. И, чтобы доказать это, он бросит сейчас это безнадежное ожидание, он пойдет в склады. Нужно работать, черт побери, нужно что-то делать, чтобы забыться, чтобы не стояла перед глазами дорогая и такая далекая фигура Бориса.

Рындин уже повернулся, чтобы выйти из каюты, как вдруг услышал за собою громкий возбужденный возглас Василия:

— Вот! Вон он! Идет!

Николай Петрович не успел ничего спросить, как Василий уже выскочил за двери. Слышно было, как быстро пробежал он по коридору. Затем стукнул внешний люк, и стало тихо.

Схватившись рукой за грудь, где бешено стучало сердце, готовое вот-вот выпрыгнуть, Николай Петрович подошел к окну. Он боялся верить, чтобы не разочароваться. Ведь нет ничего горче, чем неожиданно разбитая радость!..

Вот он, близкий пейзаж ущелья. Ничего не видно. Может быть — это лишь почудилось Василию? Мальчик слишком долго сидел у окна, он утомился, он изнервничался вконец, ему примешилось?.. А сердце все еще стучало, глаза все еще всматривались в каждый куст, с горячим желанием увидеть знакомую фигуру.

— Нужно успокоиться. Я слишком волнуюсь, — подумал Николай Петрович. Но оторваться от окна он не мог. Ведь Василий видел, видел охотника, сумасшедший Василий побежал навстречу охотнику, даже не надев скафандра... он впервые не выполнил категорического приказа командира корабля. Но — что же он увидел? Ничего, ничего нет за окном...

И вдруг Николай Петрович без сил упал в кресло, стоявшее у окна. Ноги его дрожали, он радостно смеялся и чувствовал, как из глаз его бегут, смачивая усы, горячие слезы радости.

Там, далеко, где уже смеркалось, на высоком гребне ущелья, — он заметил наконец маленькую фигурку. Да, да, это был человек в скафандре, человек в шлеме, это был Гуро. Борис возвращается, это он, он идет к ракетному кораблю живой, он спасен!..

Слезы катились по щекам Николая Петровича — и он забывал вытирать их. Борис возвращается, летучий хищник не причинил ему вреда, Борис спасся... Да разве можно было сомневаться в этом? Разве Николай Петрович хотя бы на минуту терял веру в возвращение Бориса, такого отважного, такого смелого и решительного Бориса?

Однако — почему он шатается? Почему он не идет ровно? Он почти падает... Так утомился?..

Николай Петрович догадался: охотнику не хватает кислорода в его резервуарах. Он задыхается, задыхается Борис, уже совсем почти возвратившийся домой. Ужас, безумие — задохнуться за несколько сот метров от корабля, от товарищей!..

Вцепившись руками в раму окна, Рындин видел, как Гуро упал. Он упал на склоне и едва удержался, чтоб не покатиться вниз. По-видимому, он был почти в обмороке. Ноги его спотыкались, как у пьяного. Руки его цеплялись за камни. Вот он сел, опираясь руками о землю. Старается подняться... опять падает... его шлем качается сбоку на бок, словно у Гуро не хватает силы даже сидеть.

— Он задыхается, задыхается!.. Вадим! Василий!..

Снизу медленно (или, может быть, это

только отсюда казалось, что медленно) поднимался к Гуро Василий. Юноша был без скафандра. Он спешил, он карабкался на крутой склон, чтобы сберечь время, не расходовать его на обходный путь, где не было так круто. А еще ниже поднимался вдогонку Василию Сокол — в скафандре и в шлеме.

Успеют ли они? Гуро задохнется, пока они приблизятся к нему и принесут его в ракету...

Гуро упал опять. Нет, поднимается. Опирается на руки. Голова его склонилась. Он уже не шел, он полз, полз на четвереньках к большой скале. Еще через полминуты он был возле нее, сел, оперся на нее спиной. Неверными движениями начал снимать с себя шлем. Что это значит?..

— Так, так, Борис! — прошептал Николай Петрович. — Даже углекислотный воздух Венеры будет сейчас лучше для вас, чем ядовитые газы внутри шлема...

От Василия до Гуро оставалась не больше, чем метров двести. Правда, эти двести метров приходились как раз на крутизну.

Гуро, наконец, снял шлем. Он положил его около себя и глубоко вдохнул воздух широко открытым ртом. Он видел приближавшуюся к нему помощь. Он обессиленно махнул рукой навстречу Василию. Казалось, он что-то хотел крикнуть, но видно было, что у него не хватает силы. Вот он поднялся, взял шлем в руку и опять двинулся вниз. Он все еще шатался, он хватался свободной рукой за скалу, но пошел.

Василий что-то кричал ему снизу, махал рукой. Гуро не отвечал.

— Скорее, скорее, Василий... — шептал Николай Петрович.

И вот Гуро опять упал. Его насыщенный углекислотой организм требовал свежего воздуха, требовал кислорода. Кислорода не было. Организм отказался работать. Гуро неподвижно лежал на скале. Голова его бессильно свесилась.

Еще мгновение — и его безжизненное тело скатится вниз, на острые скалы, разобьется...

Николай Петрович до боли закусил губы.

— Да неужели же... неужели же...

Сокол нагонял Василия, уже наклонившегося над Гуро и пытавшегося поднять его. Вот Сокол взял неподвижное тело охотника за ноги, Василий за плечи. Они понесли его вниз к ракете.

Теперь Николай Петрович не смотрел больше в окно. Он устилал пол одеялом, приготовил подушку, чтобы было куда немедленно положить Гуро. Он принес в кабину запасной цилиндр с жидким кислородом, трубку, через которую кислород пойдет в рот, в легкие Гуро. Время от времени он выглядывал в окно — далеко ли еще?

Нет, они были совсем близко. Уже стемнело — быстро, как всегда на Венере. Теперь Николай Петрович видел в окно одни силуэты, больше ничего.

Стукнул наружный люк. Тяжелые шаги послышались в коридоре. Открылись внутренние двери.

— Скорей, скорей сюда! Я приготовил все!

Первым вошел Василий. Лицо его посинело, он тяжело, прерывисто и глубоко дышал, хватая воздух широко открытым ртом, как рыба, только что вытщенная из воды. Он нес на плечах Гуро.

— Сюда, сюда, на одеяло!

Голова Гуро безжизненно смотрела в потолок каюты. Закрытые глаза, сжатый рот — все это не предвещало ничего хорошего. Но Николай Петрович не терял зря времени. Он поднес к губам Бориса трубку от цилиндра с кислородом. Вставил ее в губы. И с радостью заметил, что губы едва заметно пошевелились.

Все еще тяжело дыша, Василий высоко поднял и опустил руки Гуро: он хорошо помнил, что именно делал когда-то Гуро возле почти мертвого тела Николая Петровича!

Грудь Гуро поднималась и опускалась в зависимости от широких и медленных движений Василия. Сокол стоял у цилиндра с кислородом и регулировал его. Николай Петрович стоял около, подавал трубку. Губы охотника неуверенно ловили струю кислорода, с легким шипением вытекавшую из трубки.

Так проходили минуты. Все молчали. Слышно было только тяжелое дыхание Василия и шипение струи кислорода. Наконец новый звук присоединился к этому.

Это впервые вздохнул Гуро. С лица его медленно сбегала зловещая синева. Глаза раскрылись и сейчас же опять закрылись. Что-то вроде улыбки появилось на его лице. Гуро жив, Гуро пришел в чувство, Гуро улыбался!..

Больше того, вот он сделал попытку сесть. Не раскрывая глаз, он напрягался, опирался руками о пол.

— Нет, нет, не нужно, Борис! — взволнованно сказал Николай Петрович.

Железный организм охотника оживал значительно быстрее, чем можно было надеяться. Через минуту Гуро сел, не обращая внимания на уговоры друзей. Рука его нашла холодную от волнения руку Василия, глаза его с любовью остановились на юноше.

Через силу выговаривая слова, Гуро сказал:

— Мальчуган мой... мы поквитались... ты спас меня...

Он утомленно умолк — и после паузы добавил:

— Если бы не ты... я не нашел бы... дороги назад.

Василий сконфуженно молчал, пожимая широкую руку охотника. Николай Петрович обнимал за плечи Сокола и шептал:

— Опять все вместе... опять!..

Опираясь на Василия, Гуро поднялся. Он, пошатываясь, подошел к столу, сел в кресло. Силы возвращались к нему с каждой минутой, с каждым новым вдоханием.

— Покурить хочется, — улыбаясь сказал он. — Почти целые сутки не курил... некогда было...

С двух сторон к нему придвинулись трубка и спички: трубку подавал Василий, спички — Сокол. Каждый хотел показать охотнику, как он рад его возвращению.

— Благодарю, благодарю, — с мягкой улыбкой ответил Гуро. — Честное слово, я и сам уже все могу. Впрочем, к тебе, Василий, у меня есть просьба. Дай мне листок бумаги... Да не очень маленький! И карандаш.

Он с наслаждением закурил. Голубоватый ароматный дым его трубки повис в воздухе. Николаю Петровичу казалось, что ничего и не случилось: вот сидит, как всегда спокойный, уверенный Борис Гуро, он курит свою трубку, от нее плывут душистые волны дыма... ничего и не случилось, не было никаких забот, никто никуда не исчезал, ни у кого не лились горячие слезы радости... Как привыкли все эти люди друг к другу, как сроднились они!.. Николай Петрович на минутку отдался этим мыслям. Было приятно почувствовать успокоение после всех треволнений, после всех тревог, которые заполнили эти тяжелые сутки.

А перед Гуро уже лежал большой лист бумаги. Василий сидел против охотника и смотрел на него влюбленными глазами. Гуро задумчиво взял в руки карандаш, повертел его в пальцах:

— Переходим к следующему пункту нашего порядка дня, — улыбнулся он. — Возникла у меня одна мысль, товарищи. — Он глубоко затянулся из трубки. — Как будто бы все у нас теперь в порядке. И инфрарадий мы нашли, и ультразолото. Не так ли, Вадим?

— Не только нашли, но уже и начали складывать его в ракету, — с гордостью ответил Сокол.

— Так. Можно сказать, не даром сражались со всякими страшилищами, не даром волновались за каждого из нас по очереди. Не хватает лишь юрских игуанодонов и археоптериксов.

Сокол пожал плечами:

— А вам, Борис, и с ними хотелось встретиться? Еще недостаточно с вас того, что успели повидать? С меня, по крайней мере, хватит!

Николай Петрович искренне рассмеялся:

— Опять заспорили! Вот теперь я вижу воочию, что все в порядке! Уж если Борис и Вадим опять начали грызться, я вполне уверен, что все напасти остались позади!

Гуро тем временем продолжал:

— Я думаю, нам пора уже подумать всем о возвращении на старую Землю. Что вы так смотрите на меня? Честное слово, я не сошел с ума. Так далеко дело не зашло. Я прекрасно помню, что наш корабль застрял в скалах, что у нас нет способов освободить его, и так далее. Об этом все мы немало говорили. Но у меня есть новая мысль.

— Возвратиться без ракеты?

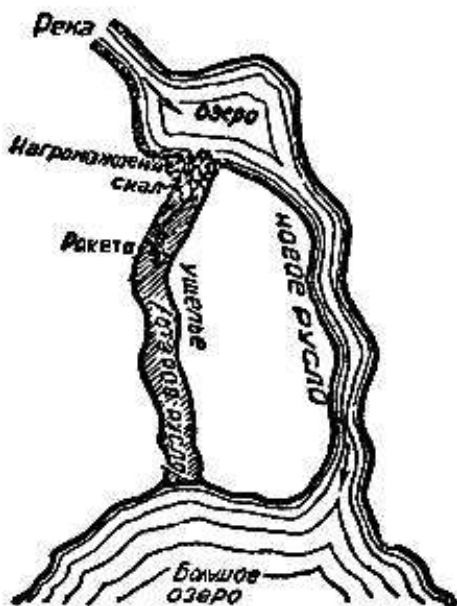
— Нет, Вадим, нет, в ракете. Вот, прошу, посмотрите.

Карандаш в руке Гуро рисовал какую-то грубую карту, какой-то план. Все внимательно следили за ним, наклонив головы.

— Вот — наше ущелье, — говорил спокойно Гуро, попыхивая трубкой. — Оно тянется вот таким полукругом и заканчивается здесь нагромождением скал, видите? С другой же стороны оно делает еще два колена, вдоль него протекает небольшой ручей... Я думаю, так, километра за три от того места, где находимся мы с вами. И этот ручей вливается в большое озеро. Я могу нарисовать тут лишь край его, потому что озеро чересчур велико даже для твоего большого листа бумаги, Василий.

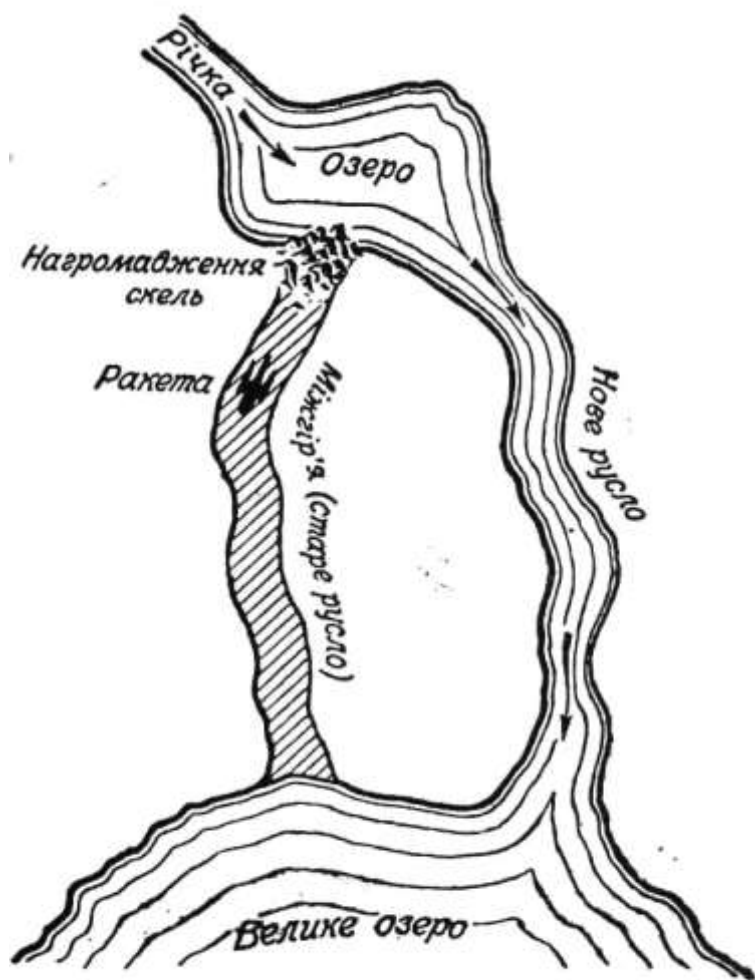
Карандаш Гуро начертил большой полукруг. Три пары глаз удивленно посмотрели на него: откуда он может все это знать? Но никто не высказал этой мысли. Неизвестно, заметил ли Гуро эти слегка недоверчивые взгляды, но он спокойно продолжал:

— Это еще не

все. В это же самое озеро впадает большая бурная река. Очень интересно, знаете ли: ее русло параллельно нашему ущелью. Оно, это русло, тянется вот так...

Карандаш охотника начертил и русло.

— В этом месте, где начинается наше ущелье, реку отделяет от него только вот то нагромождение скал, возникшее там, я думаю, в результате землетрясения. Больше того, я имею основание думать, что наше ущелье, эта геологическая трещина, и было когда-то старым руслом вот этой реки. Только после землетрясения, нагромоздившего вон там скалы, пресекавшие речке путь, — она повернула и потекла другим путем.

Рындин, до сих пор внимательно слушавший Гуро, вдруг положил руку на бумагу. Глаза его вопросительно смотрели на охотника:

— Борис, если все то, что вы рассказали нам и начертили на этой бумаге, верно...

— Все верно, до последней черточки, на этом плане, — улыбаясь, ответил Гуро.

— Тогда мы свободны! Тогда... — Николай Петрович не находил слов.

Василий, все еще ничего не понимая, удивленно поглядывал на него.

— И я так думаю, Николай Петрович. Вот почему я решил рассказать вам все это, — весело подтвердил Гуро.

Рындин выхватил у него карандаш:

— Достаточно лишь уничтожить вот эту преграду, — он перечеркнул карандашом нарисованное Гуро нагромождение скал у вершины ущелья, — и вода из реки хлынет в ущелье. Она пойдет своим старым руслом, она наполнит наше ущелье, она вынесет нас отсюда, мы очутимся на озере и...

— И дадим старт нашей ракете, — закончил за него Гуро. — Именно так я и думал, Николай Петрович.

— Борис, вы необыкновенный человек. Я просто не знаю, до чего ж это прекрасно! Друг мой, разрешена последняя задача, стоявшая перед нами. Друзья мои, понимаете ли вы? Понимаете ли вы, что мы полетим? А?

Николай Петрович поворачивался ко всем по очереди. Глаза его сияли, с лица не сходила радостная улыбка. Старый академик забыл обо всех неприятных переживаниях, обо всем, что произошло с путешественниками за последние дни, радовался и смеялся, как ребенок.

Гуро в последний раз затянулся из трубки и положил ее на стол.

— Ну, рад ты, мальчуган? — Спросил он Василия.

— Да разве ж вы не видите сами? — радостно ответил Василий, сжимая руку охотника.

— Одну минутку, Борис, — недоверчиво сказал Сокол, внимательно рассматривавший карту. — Я не понимаю лишь одного. Кажется, почти все время мы были вместе...

— Хорошо, что вы не забыли вот этого «почти», — заметил Гуро.

— Ни одной разведки мы не организовывали, — продолжал Сокол. — Откуда вы разузнали и об этом озере, и о реке, и о нагромождении больших скал у вершины нашего ущелья?. Разумеется, я очень рад был услышать обо всем этом. Но я человек практический и не понимаю, не представляю себе тех источников, которыми вы пользовались, рисуя этот план.

— А вы подумайте, Вадим, — усмехнулся Гуро.

Василий тоже задумался: действительно ведь — откуда Гуро мог разузнать обо всем этом? Даже Николай Петрович с сомнением посмотрел на охотника:

— Я надеюсь, вы не шутили, Борис? — встревоженно спросил он.

— Нет, нет, — весело возразил Гуро. — Я охотно объясню все. Только вот, может, Сокол догадается сам? Ну-ка, Вадим, докажите свою догадливость. Это же так просто, что нельзя не догадаться.

— Мне нечего доказывать. Я не знаю. Кажется, тут на Венере нет еще осведомительных агентств, где вы могли бы расспросить обо всем этом. И карт Венеры я в продаже еще не видел. Даже не уверен, что их успел тут кто-нибудь сделать до нашего прилета сюда...

Гуро громко засмеялся:

— Так, так. Я думаю, что вот эта карта, — он положил руку на свой план, — пока что первая. Так-таки и не знаете? Могу объяснить.

Он обвел насмешливым взглядом всех товарищей и сказал:

— Что ж, по-вашему, я понапрасну летал в когтях стрекозы? Мне все равно нечего было делать в воздухе. А когда человек свободен, он всегда ищет развлечения. Вот и я занялся тем, что разглядывал с птичьего... или, извините, стрекозиною полета, с высоты двухсот-трехсот метров, все, что было внизу. Кругозор,

сами понимаете, у меня был более широкий, чем до этого. Ну, я и видел и ущелья, и скалы, и озеро, и реку. А из этого сделал, как вы видите, некоторые выводы...

Он лукаво усмехнулся и добавил:

— Не мог же я, в самом деле, не использовать такого чудесного наблюдательного пункта! Честное слово, это было бы злодеянием!..

ЧЕРТОЧКА ИСЧЕЗАЕТ В ТУЧАХ

Проходили дни — и никогда еще за все время путешествия и пребывания на Венере путешественники не работали с таким упорством. Добывание ультразолота отняло всего три дня. Сокол с помощью Гуро взорвал большую каменную скалу дальше и раскрыв все гнездо самородков ультразолота. Тут его было даже больше, чем могли увезти с собой путешественники.

Так же, как прежде Вадим и Гуро были мобилизованы на добывание инфрарадия, так и теперь они вместе работали на залежах ультразолота. Работа значительно облегчалась еще и тем, что ультразолото не приходилось носить издалека. Залежи его были почти около самого ракетного корабля.

Николай Петрович тем временем проверял вычисления Гуро. Но этого было недостаточно. Нужно было изучить реку, уровень воды в ней, все природные условия каменной преграды, не дававшей до сих пор воде течь по ущелью. Оставался неразрешенным главный вопрос: хватит ли в реке воды, чтобы поднять ракету и вынести ее в большое озеро?

Через четыре дня вооруженный отряд двинулся в поход к верхней части ущелья, к его началу. Совет аргонавтов, как шутя назвал общее совещание путешественников Василий, решил:

— Не откладывая, изучить нагромождение скал у вершины ущелья и, если условия будут благоприятными, немедленно сделать в скалах скважину для прототротила. В течение недели должны быть закончены все работы и сделаны взрывы. В противном случае взаимное положение двух планет — Земли и Венеры — будет уже неблагоприятным для старта.

Наблюдения Николая Петровича свидетельствовали о том, что в этом поясе Венеры вскоре должен был начаться период дождей. Смена времен года на этой планете, по-видимому, напоминала смены под земными тропиками. Приближалась пора ливней, когда из ракеты нельзя будет выйти, не рискуя жизнью.

Каждый день небо покрывалось тяжелыми серыми тучами, уже несколько раз проходили небольшие грозы.

Конечно, на дне ущелья никакая молния не достала бы ракету. Однако Николай Петрович все-таки беспокоился:

— Каждая молния — это не только красивое, эффектное зрелище. Каждая молния — это сложное и грозное электрическое явление. Самой молнии я не опасюсь. Но во время грозы появляются свободно блуждающие электрические заряды. Они проносятся в воздухе и могут вызвать неприятные неожиданности. Ведь наш склад, товарищи, полон инфрарадия.

— А ваша ультразолотая броня, Николай Петрович? — спросил Гуро.

— Лишняя осторожность никогда не мешает, Борис, в особенности, когда мы не знаем вполне всех свойств наших новых элементов. Разве мы можем предвидеть, что скажет нам наш инфрарадий в зоне наибольшего влияния космических лучей? Нет! Итак, нужно принять все меры.

Ультразолотая броня была последней идеей старого академика. Рындин решил, что этот тяжелый металл может не хуже свинца защищать от вредного влияния космических лучей. А так как ультразолото по природе своей было очень мягким, то соответствующая обработка его не представляла для путешественников никаких затруднений.

Возле корабля была установлена небольшая наковальня, к электрическим молоткам приделаны широкие наконечники. Каждый самородок ультразолота разбивался, расплющивался молотком, превращался в широкий блин. И Николай Петрович обкладывал этими блинами шкатулки с инфрарадием, дополнительно бронировал опасный элемент. Теперь космические лучи должны были пройти сквозь толстый слой ультразолота, слой обработанного электричеством свинца — и лишь после этого могли достигнуть инфрарадия. Несомненно, это значительно уменьшало опасность активизации инфрарадия в межпланетном пространстве.

Первое путешествие на вершину ущелья дало самые лучшие результаты. Прежде всего, путешественникам посчастливилось не встретить на своем пути ни одного страшилища, если не принимать во внимание встречу с гигантским дождевым червем, который сам очень испугался и поспешил убежать от неведомых и странных существ в скафандрах. Путешественники не мешали ему...

Гуро не ошибся, его мысль была правильной.

Действительно, путь большой и бурной речки преграждало нагромождение скал. Давнишнее землетрясение образовало в этом месте гору, она рассыпалась на куски — и запрудила речку. Но воде нужно было найти для себя дальнейший путь. И река, сделав большой полукруг и образовав широкое озеро, миновала высокую преграду из каменных глыб. Лишь они, эти глыбы, удерживали реку, принужденную вместо старого глубокого русла течь стороной, пробиваясь между невысоких гор.

Василий впервые видел на Венере такое количество воды. Он сидел на берегу глубокого озера и смотрел, глубоко задумавшись, на кристально чистую воду. Даже на какой-то вопрос Гуро он ответил невпопад, чем очень удивил охотника,

— Что с тобою, мальчуган? О чем ты задумался?

Как мог объяснить Василий, что вид этой воды, этого широкого озера вызвал у него нестерпимое желание выкупаться, поплавать, вспомнить время, когда он завоевывал первенство на школьных соревнованиях пловцов!.. Он опустил голову и молчал. Гуро рассмеялся.

— Ну, нечего тут скрывать! Мне и самому хотелось бы поплавать. Но придется потерпеть до возвращения на Землю. Здесь нельзя.

— Почему нельзя?

— Мальчуган мой, после того как я видел в небольшом водоеме всяких чудищ, мне всюду видятся страшилища. Кто знает, какие существа скрываются под этой серебристой поверхностью!.. Пойдем, пойдем! Посмотри, как работает Вадим.

Сокол старательно выбрал места для зарядов прототротила. Три скважины сделали путешественники в самом подножье скал. По расчетам Сокола, мощные заряды прототротила должны были разбить скалы на мелкие куски.

— Именно на мелкие, — подчеркнул он. — Эти скалы очень тверды, видите, с каким трудом берет их перфоратор? Значит, они окажут большое сопротивление прототротилу. А он отвечает на сопротивление увеличением взрывчатой силы. Таково свойство этого взрывчатого вещества. Далее. Все это только на пользу нам. Потому что после взрывов вода хлынет здесь с огромной силой. Она понесет с собой все обломки, все остатки скал. И эти каменные снаряды будут биться о нашу ракету. Види-

те, какая неприятная перспектива? Мы окажемся под бомбардировкой!..

— Но тогда... тогда камни могут пробить стены ракеты, — испугался Василий.

— Нет, не пробьют. Я же сказал, что прототротил раздробит скалы на мельчайшие обломки. И это наше счастье, потому что иначе, разумеется, какая-нибудь глыба, брошенная на наш корабль бурным потоком, могла бы очень повредить его. А маленькие обломки не угрожают ничем. Вывод? Нужно не жалеть прототротила!

Николай Петрович, выслушав потом эти соображения, целиком согласился с ними.

Второе путешествие к вершине ущелья проходило в условиях чрезвычайной осторожности. Каждый из путешественников нес за плечами металлические цилиндры с прототроилом. Это был опасный и грозный груз.

Василий вполне доверял Николаю Петровичу, который успокаивал их перед выходом. Прототротил, говорил Рындин, можно взорвать только электрической искрой. Иначе взрыв невозможен. Никакие толчки и удары не были опасными. Никакие... до известной степени. Недаром же, соображал Василий, в ракетном корабле запасы прототротила были изолированы от толчков особыми резиновыми подушками. А тут это ужасное вещество путешествовало за плечами Василия в металлическом цилиндре. И как ни доверял Василий Рындину, — все же он не мог отделаться от неприятного ощущения.

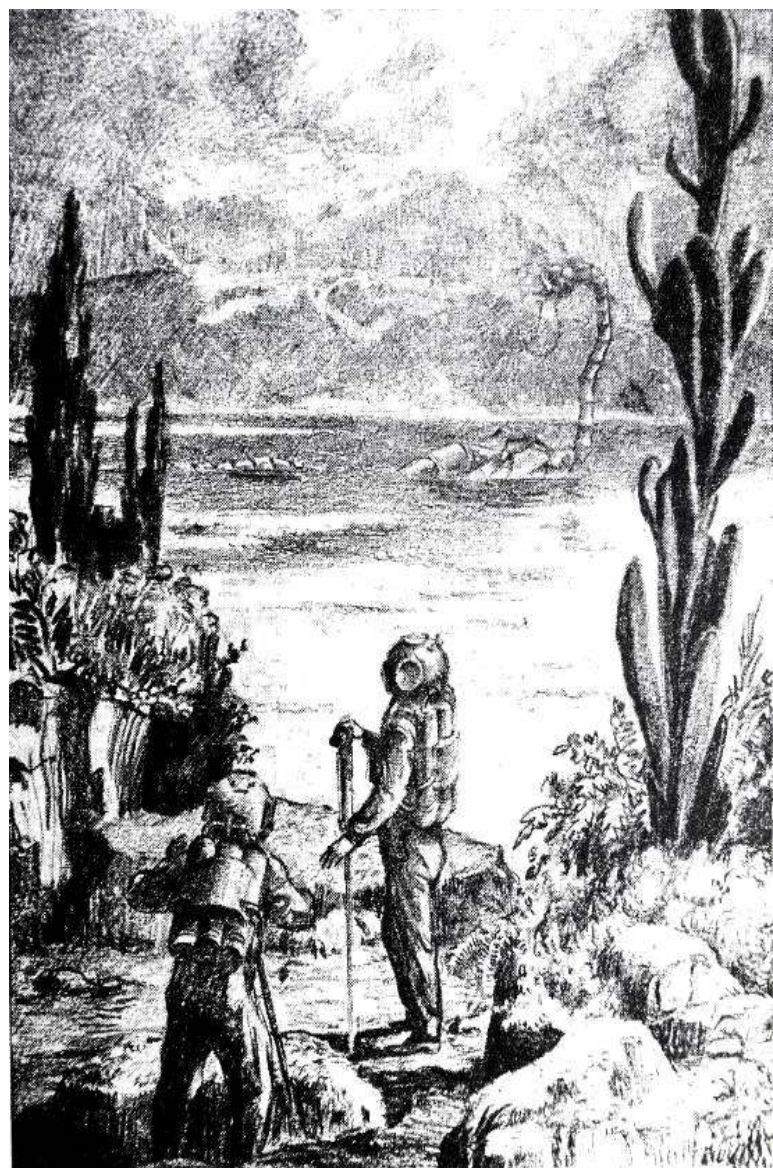
Да и Сокол все время, пока они несли цилиндры с прототроилом, был не в своей тарелке. Только Гуро, как и всегда, весело шутил и подбадривал товарищей, даже не забывал подсмеяться над Соколом, частенько спотыкавшимся и после этого еще больше хмурившимся.

— А у вас замечательно получается, Вадим, — смеялся Гуро. — Мне даже кажется, что вы это нарочно делаете. Хотите доказать, что вы безразлично относитесь к вашему грузу...

Сокол хмуро огрызался.

— Легкомыслие никогда не было мне свойственно. Вы ошиблись адресом, Борис...

— Вижу, вижу. Василий, отойди немного дальше. Это Вадим намекает на тебя. Видишь, как плохо быть легкомысленным?

Однако, даже Гуро с облегчением вздохнул, положив наконец цилиндр с прототритилом возле скалы:

— Фу... Скажем, не скрывая: не совсем приятный груз.

Сокол молча проверил скважины. Он взял перфоратор, чтобы расчистить их в последний раз. Василий сидел, отдыхая, на берегу озера и смотрел на его зеркальную поверхность. Обрамленное высокими скалами, придававшими местности дикий и суровый вид, озеро было спокойно, ни одной волны не появлялось на его поверхности. Странно было думать, что это — та самая бурная река, которая кипит и мчит свои воды между горами. В этой широкой луке незаметно было даже течение.

Василий думал: неужели же и под этой серебристой поверхностью живут какие-то чудовища? Неужели и вода на Венере населена неправдоподобными и ужасными страшилищами? Какой это страшный, непонятный мир!

Красивая бабочка пролетела над его головой, трепеща в воздухе широкими разноцветными крыльями. Василий следил за ее полетом. Бабочка покружилась у берега, словно не отваживаясь вылететь на озеро. И потом полетела все-таки над водой, то поднимаясь выше, то спускаясь почти к самой воде. Она летела дальше и дальше. Вот она стала уже едва заметной.

— Красивое создание! — произнес Василий, глядя вслед бабочке. И внезапно он выпрямился. Ему показалось, что там, далеко от берега, где летела едва заметная бабочка, на воде появилась рябь. Что такое?

Разбрызгивая воду, над озером появилась плоская голова с рогом между глазами. Она молниеносно выпрыгнула из воды, щелкнула в воздухе челюстями — и бабочка исчезла.

— Товарищи! — крикнул Василий. — Товарищи!

Вадим Сокол был около скважины. Он обернулся, не выпуская из рук перфоратора, которым работал. Гуро был ближе к берегу. Моментально у него в руках очутилась винтовка. Тихо звякнул ее затвор.

Громадное существо плыло по озеру. Длинная-длинная шея, состоявшая как бы из отдельных колец. Широкое туловище, спрятанное под водой, где у конца этого туловища что-то словно бурлило. Чудище плыло спокойно, осматриваясь вокруг себя своими большими глазами. Тонкий хвост с отростками поднимался время от времени над поверхностью воды. Да еще можно было

заметить широкие плавники, твердые и толстые, которыми чудиче помогало себе.

Винтовка Гуро медленно поднималась. Но Сокол, подскочив, схватил охотника за руку:

— Не нужно, Борис, не нужно стрелять!

— Почему?

— Наша работа подходит к концу. Осталась только проводка. Неизвестно, — может быть, ваш выстрел вызовет из воды еще каких-нибудь тварей... это помешает нам... не даст кончить сегодня... не стреляйте, пускай оно плывет себе!

Сокол был прав. Гуро положил винтовку на скалу. Глаза его с сожалением следили за странным созданием, которое неторопливо плыло дальше и дальше. Хороший объект для охоты. Хороший!.. Но Сокол был прав. Если можно избежать столкновения с чудовищем — это самое лучшее.

Диковинное существо исчезло. Гуро обратился к Василию:

— Так что, мальчуган: выкупаемся? Поиграем с этими симпатичными созданиями? — рука его указала на озеро.

Сокол закончил расчистку скважины. С помощью товарищей он заложил в них цилиндры с прототритилом и забил отверстия каменными пробками. Только черный просмоленный шнур, в котором скрывались тоненькие провода, выходил из отверстий и, извиваясь между скалами, показывал путь к цилиндрам.

Толстый шнур, вобравший в себя тонкие, тянулся по дну ущелья километра на полтора, до самого ракетного корабля. Этот шнур проходил внутрь ракеты и кончался у пульта управления — командирского места академика Рындина.

Только одна ночь отделяла теперь путешественников от ответственной минуты, которая могла принести им освобождение или же окончательно похоронить ракету под водой. Об этой возможности Николай Петрович честно предупредил товарищей.

— Я не хочу ничего скрывать от вас, — сказал он вечером. — Разумеется, я надеюсь, что вода вынесет ракетный корабль на себе, и мы выплывем в озеро. Ракета легче воды, скалы не так крепко сжимают ее, чтобы вода не подняла нашего корабля. В особенности — первый, самый мощный, толчок гигантской волны, которая хлынет в ущелье. Все это так...

Три пары глаз смотрели на старого академика с немым вопросом: так что же?.. И Николай Петрович почувствовал эти

взгляды, почувствовал всю свою ответственность, когда заканчивал мысль:

— Но не исключена, строго говоря, и другая возможность. Возможность того, что вода не сможет выбросить на поверхность наш корабль. Мы останемся внизу, под водой. Тогда... тогда очень плохо... придется, должно быть, в скафандрах взрывать скалы, которые держат ракету.

Он умолк. Общее молчание нарушил звонкий голос Василия:

— Хуже не будет, Николай Петрович! Мы не имеем других способов освободиться. Нужно рисковать... Факт!..

Этот «факт» заставил всех улыбнуться. Гуро закончил беседу:

— Василий правильно сказал. Факт! Нам нечего больше выжидать. Николай Петрович, мы с вами!

Но еще долго никто из путешественников не мог заснуть в эту ночь. Каждый думал о своем. Соколу представлялись далекие пейзажи старой Земли — те самые пейзажи Иван-озера, которыми он любовался с вышки перед стартом. А еще — чье-то милое лицо мелькало перед ним, лицо, которое ждет его на Земле. Ну, пусть это опасная попытка освободиться из каменных объятий ущелья, пусть это риск. Однако, это приближает их к возвращению, к возможности увидеть опять Землю, встретиться с теми, кого они покинули на Земле!.. Скорее бы проходила ночь, скорее бы утро!

Гуро почему-то вспоминал свой невеселый полет в когтях гигантской стрекозы, — полет, который дал ему возможность вернуться с этим рискованным планом освобождения ракеты.

А Василий? Василий обдумывал целую научную проблему. Уже не раз он возвращался к мысли, которая целиком овладела им. И сейчас именно она не давала ему спать. Наконец, он кашлянул и обратился к Гуро:

— Товарищ Гуро, — несмело спросил он, — я хотел бы кое о чем вас спросить. Можно? Разумеется, если вы не очень хотите спать.

— А о чем именно?

— Вот, мы не раз говорили про животный мир Венеры. Мы все надеялись встретить здесь допотопных страшилищ: игуанодонов, бронтозавров и тому подобных. Одним словом, похожих на вымерших земных. А вышло не так.

— Совсем не так, паренек.

— Вместо животных юрской эры мы встретили страшных и фантастических сколопендр, стрекозу, дождевого червя, всяких насекомых. Именно насекомых — и ничего другого. Так?

— Ну, да, так. Дальше?

— Даже и эта тварь, которая выплыла из озера, и она была огромным насекомым. Это не был ящер...

— Правильно, Василий, вовсе не ящер, — подтвердил и Сокол, прислушивавшийся к разговору.

— Вот я и думаю, почему это на Венере растительность совсем такая, какая была на Земле во времена юрского периода, а животный мир такой своеобразный и непохожий на земной? Это прямо научная проблема!

— Которую не так легко разрешить.

— А я кое-что надумал. Честное слово, надумал!

— Интересно. Товарищи, — голос Гуро звучал торжественно, — слово предоставляется практическому исследователю, товарищу Рыжко. Внимание!

— Нет, я не шучу, товарищ Гуро, я серьезно.

— И я серьезно. Мы слушаем, товарищ Рыжко.

— Я думаю, что все это от углекислоты...

— Что?

— В результате того, что в воздухе Венеры слишком много углекислоты...

— Да объясни, будь любезен, как следует!

— Ну, вот. Тут слишком много углекислоты в воздухе. Так много, что этим воздухом не могут свободно дышать теплокровные животные. Не можем дышать мы — следовательно, не могут дышать и другие животные. Ведь так?

— Пока что правильно. Дальше.

— А дальше вот что. Я когда-то видел и сам делал такие исследования... это когда еще мальчиком был... мы клали в банку с углекислотой мышь и таракана. Мышь умирала, а таракан жил. Он делался немного вялым, но все-таки жил и не умирал. Они, эти насекомые, могут жить в воздухе, где слишком много углекислоты для мыши или какого-нибудь еще животного. Это факт!

— Хм... начинаю понимать. Ну, заканчивай.

— Вот я и думаю, что излишек углекислоты в воздухе Венеры не позволял свободно развиваться животным вообще, кроме

насекомых, многоножек и им подобных. Они, наоборот, развивались хорошо, приспособлялись... как вот то чудовище под землей приспособилось к инфракрасию. Насекомые плодились, пожирали друг друга, сильнейшая часть разрасталась. Ну, вот они и приобрели такие размеры. А может быть, им углекислотный воздух даже полезен? Мы же этого не знаем... Ну, вот и все!

Теперь Василий окончательно сконфузился: а что, если он напутал и наболтал чепухи?.. Однако, он опять услышал голос Сокола:

— Знаете, Борис, парень правильно рассуждает. Ведь иных объяснений этому странному явлению у нас нет. И, как гипотезу, я соглашаюсь принять эту остроумную теорию нашего молодого исследователя.

Гуро засмеялся:

— Принимайте, принимайте, Вадим. По крайней мере, пока вам ее дают, эту теорию. Но вы должны признать, что Василий построил ее самостоятельно, без чьей-либо помощи. Честь открытия принадлежит ему — и никому больше. Не пытайтесь даже войти в компанию. Потому что в моей особе Василий имеет живого свидетеля своего открытия. Ой, Василий, Василий, быть тебе когда-нибудь академиком!..

Но Василий, окончательно переконфуженный, уже спрятался под одеяло. И не заметил, как заснул. Ему снилось, что он бодро и спокойно идет по Венере. Все страшилища — и виданные им, и невиданные — выглядывают из-за деревьев, с почтением смотрят на него. Ни одно из них не осмеливается выйти и напасть на него. Он идет гордо и уверенно, он показывает рукою на животных и определяет:

— Ты насекомое, и тебе полезен воздух с углекислотой. Ты — многоножка. Ты дождевой червь. Ты — сколопендра, и знай свое место. Хоть ты и выросла очень большой, но все равно остаешься только сколопендрой. А ну, кто там еще, выходите, я посмотрю!

Он, Василий, видный ученый. Его уважают и чтят все — даже эти животные. На груди у него блестит красный с золотом орден — награда за его научные достижения. Он идет и командует животным:

— Выходите, выходите! Ближе! Сейчас я всем вам скажу, кто вы такие, откуда взялись и почему выросли такие большие.

Вылезайте, вылезайте, мне некогда! Вылезайте!..

Но — кто это мешает ему? Чей это голос повторяет:

— Вылезайте! Вылезайте из гамаков, друзья мои! Вставайте! Время не ждет!

Василий раскрывает глаза. Утро. Около него стоит Николай Петрович. Он командует:

— Скорей завтракать, друзья мои! Сегодня решается наша судьба. Скорей, скорей! Василий, не прятаться под одеяло! Ну, ну, вылезайте!..

Завтрак прошел в торжественном молчании. Василий по-сматривал в окно на привычные уже скалы, папоротники, пальмы. Ему вспоминалось, с каким изумлением он смотрел на этот пейзаж в день прилета. Как тогда все было ново, непривычно, интересно! А теперь... теперь хотелось как можно скорее выбраться с этой планеты чудовищных насекомых!..

Завтрак окончился. Голос Николая Петровича прозвучал особенно торжественно, когда он сказал:

— По гамакам, друзья мои! По гамакам! И прошу привязаться как можно крепче.

Затем он добавил, так мягко и нежно, как мог говорить один он, старый Николай Петрович Рындин:

— Не знаю, что ожидает нас через несколько минут. Но с какой радостью я встречу освобождение вместе с вами, мои дорогие друзья!

Его внимательный взгляд еще раз проверил все в центральной каюте: все ли на месте, все ли привязано и закрыто. Затем он в последний раз взглянул на товарищей и вышел в навигаторскую рубку.

Путешественники молчали. Прямо перед Василием был широкий экран перископа. Сквозь него были видны скалы, кусочек неба, пальмы, покачивавшиеся под порывами ветра, два больших кипариса... и знамя, их красное знамя на высоком древке...

И вот послышался легкий скрип. Подчиняясь автоматическому механизму, который заставил действовать Рындин, окна закрывались металлическими ставнями. Крепкие стальные щиты выдвигались из стен и закрывали стекла. В каюте стало темно. Только большой экран перископа светился в центре потолка перед глазами путешественников.

Изображение скал на экране передвигалось. По-видимому, Николай Петрович передвигал перископ. И вот изображение застыло. Василий узнал эти скалы. Вершина ущелья, откуда должна была придти громадная волна воды...

— Внимание! Включаю ток! — прозвучал суровый и серьезный голос академика.

Зазвенел сигнальный звонок. Начинается!

Но было все так же тихо. Ни одного звука, ни одного дви-

жения. Глаза путешественников, не отрываясь, смотрели на экран. Василий невольно считал про себя:

— Раз, два, три... пять... восемь... двенадцать...

И, хотя этого все ожидали, — как-то совсем сразу, внезапно над скалами появилась черная туча. Она быстро расходилась во все стороны, закрывая небо. Василий догадался: это были дым и пыль от взрыва прототротила.

Юноша не успел произнести и слова, как между скалами, там, где ущелье сворачивало направо, — блеснула вода, яркая, как серебро. Почти вертикальная водяная стена выросла в ущелье от одной стороны до другой.

Эта стена на мгновение замерла на ближнем горизонте — и вдруг ринулась к ракетному кораблю, ринулась с невероятной быстротой. Василий бросил считать. С замиранием сердца он смотрел на экран. Вот верхняя часть водяной стены, метров в десять-пятнадцать вышиной, обвалилась кипучим водопадом вниз. Но не успела первая волна водопада упасть и до середины водяной стены, как эта стена опять выгнулась вперед и с еще большей скоростью прыгнула, казалось, прямо на экран.

— Ой! — не удержал возгласа Василий.

Мощный удар тряхнул ракетный корабль. Словно бы кто-то ухватился за его хвост и непрерывными сильными рывками старался поднять ракету, поставить ее торчком, на голову. Уже ничего не было видно на экране. Дрожащий туман затянул его.

Ракетный корабль весь дрожал. Резиновые тросы, державшие гамаки с путешественниками, толстые амортизаторы то растягивались, то укорачивались. Гамаки выписывали в воздухе сложные линии. Из буфета в стене выпала и покатилась бутылка. А корабль шатался, он словно напрягался, пытаясь прыгнуть...

— Неужели не вытянет? — подумал Василий.

И вот послышался неприятный тягучий скрежет. Ракетный корабль медленно двинулся с места. Он терся металлическими боками о скалы, он продирался сквозь них. Порывисто останавливаясь и опять двигаясь, ракета медленно ползла. Прекратились резкие толчки снизу вверх, вместо них появились иные — сзади вперед.

Внезапно корабль остановился. Оглушительный скрежет перешел в стук. Ракета не продвигалась дальше. Она дрожала,

каждая вещь в каюте вибрировала и звенела. Вода не вытащила корабля, он опять лежал, зажатый скалами...

— Под водой... под водой... — звенело в ушах у Рыжко.

И опять тяжелый удар. Что-то грохнуло по стене ракеты — где-то у боковой дюзы. Этот удар громким звоном прозвучал в каюте — и стих.

Василий услышал встревоженный голос Сокола:

— Ударил все-таки какой-то обломок скалы!..

Ракетный корабль опять качнулся. Должно быть, сильный удар сдвинул ракету с места. Опять послышались медленные толчки сзади. Толчок, остановка, опять толчок... словно живое существо, скрежеща металлом о камни, ракета ползла между скалами, как бы ища себе путь в воде. Внезапно она резко дернулась вперед, еще раз остановилась. А затем все смешалось перед глазами Василия.

Каюта перевернулась, потолок ее внезапно сделался полом. Гамак вырисовывал плавную дугу. Затем Василий почувствовал, что он висит вниз головой и вверх ногами. Ракета повернулась хвостом вверх. Секунду она стояла так, как бы выжидая чего-то, — и тяжело упала вновь, уже на спину. Теперь ее несло хвостом вперед, постепенно раскачивая больше и больше.

На экране перископа что-то блеснуло. Мелькнул свет.

— Небо! Небо! — радостно воскликнул Василий.

Да, это было серое, хмурое небо. Невысоко над водою проносились тяжелые, словно свинцовые тучи, из которых готов был с минуты на минуту хлынуть ливень. Но это все-таки было настоящее небо. Ракета освободилась из каменных объятий скал, она плыла по поверхности новой бурной реки, катившей кипучие свои волны по старому своему руслу — ущелью, в котором еще недавно лежала ракета.

— Ура! Ура! Ура! — кричал Василий, не помня себя от радости.

Его возгласы были так веселы, так непосредственны, что из двух других гамаков через несколько секунд тоже раздалось:

— Ура! Ура! Ура!

Это Сокол и Гуро отвечали Василию, который выкрикивал дальше:

— Плывим, плывем, по реке плывем! Николай Петрович, плывем!

Качка ракеты начинала уменьшаться. Корабль покоился на поверхности реки. Василий почувствовал, что его грудь распирает бешеная радость. Ему нужно было найти выход, нужно было что-то сделать. Он не выдержал.

Забыв о строгих приказах Рындина, о стальной дисциплине на ракете, приверженцем которой он всегда был, — Василий отстегнул ремни, привязывавшие его к гамаку, прыгнул вниз, на пол и, едва сохраняя равновесие, широко расставляя ноги, как делают это матросы на палубе парохода во время сильной качки, бросился в навигаторскую рубку, выкрикивая свое «ура»!

Вслед ему летели возгласы удивленных Сокола и Гуро:

— Василий, куда вы?

— Мальчуган, ты что, с ума сошел?

Но Василий не слышал ничего.

Как пуля влетел он в навигаторскую рубку, подбежал к удивленному Рындину, который пытался сделать строгое лицо, обхватил его шею обеими руками и крепко поцеловал академика в обе щеки горячими, громкими поцелуями. Рындин, усмехаясь, покачал головою.

— Ой, шалун! Ой, недисциплинированный мальчишка! Вот я тебе... — Но у него самого глаза сделались влажными. Вместо того, чтобы прочесть юноше нотацию, он обнял его шею свободной рукой и вместе с ним смотрел на экран перископа, где быстро проплывали незнакомые скалы и кручи берегов, увенчанные зелеными пятнами зарослей, кружевными листьями папоротников и невиданными раскидистыми деревьями.

Вот берега начали расходиться в стороны. Река, казалось, расширялась.

Ракетный корабль, тихонько покачиваясь, плыл уже по поверхности огромного озера, серебро которого сливалось с далеким горизонтом.

Мягкие волны бились в бок ракеты, которая плыла вперед и вперед, гордо поднявши нос. Дюзы ее смотрели под углом в воду. Ход ракеты заметно замедлялся. И вот она остановилась окончательно, почти неподвижно.

Рындин повернул к себе взволнованное лицо Василия:

— Мальчуган мой, иди в каюту. Скажи товарищам, что я даю старт. Я не знаю еще, в какую сторону мы поднимемся, на север или на юг, на запад или на восток. Все равно, тучи слишком

густы, даже инфракрасный экран не сможет показать нам, где сейчас Солнце. Мы не сможем даже выполнить наше обещание и отправить на Землю третью ракету-письмоносца. Глянь, какие тучи!

Он показал на небо. Непроницаемое темно-серое одеяло покрыло его от конца до конца.

— Ничего, Николай Петрович, мы выпустим письмоносца из межпланетного пространства, сейчас же, как вылетим с Венеры! — бодро ответил Василий.

— Ладно, ладно, там посмотрим. Так вот, иди в каюту. Скажи товарищам, что мы поднимаемся вслепую. Будем искать наш путь уже там, будем ориентироваться над тучами в ясном межпланетном пространстве. Иди в каюту, мальчуган! Мы начинаем наше путешествие на Землю.

Он поцеловал Василия в лоб и слегка оттолкнул его от себя.

— Иди!

А когда Василий отошел на шаг и оглянулся в дверях, — академик Рындин уже сидел у пульта, опять такой же сосредоточенный и непоколебимый, как было это перед спуском на Венеру. Его стройная фигура свидетельствовала о силе и энергии. И только седые волосы доказывали, что в кресле, перед пультом управления ракетным кораблем, сидит не юноша, не молодой, полный свежих сил человек, а старый академик.

Медленно, с легким скрипом, открылись, отодвинулись в бок, спрятались в стене металлические ставни. В окна ударил лиловатый свет Венеры — призрачный свет таинственной планеты, населенной фантастическими страшилищами. Последний ли раз заглянул этот мир в ракетный корабль?..

Голос академика Рындина прозвучал сурово и строго:

— По гамакам, друзья мои, по гамакам. Через минуту даю первые взрывы!

— Николай Петрович, попрощаться нужно с планетой, — заметил Гуро. — Увидим ли мы ее еще когда-нибудь?

— Если не увидим мы, увидят наши товарищи. Наше путешествие не последнее, а первое. Наше красное знамя осталось на скале. Планета Венера открыта советской экспедицией, на ней развевается наше родное, советское знамя. Путь к Венере открыт

— и этим путем полетят десятки межпланетных кораблей, — ответил Рындин. — По местам, товарищи!

Руки Николая Петровича лежали на рычагах и рукоятках пульта управления. Все было готово, чтобы ракетный корабль двинулся в полет.

— Вы готовы? Внимание, друзья мои...

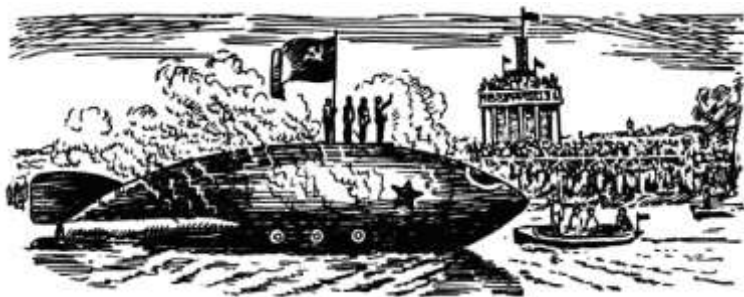
Николай Петрович взглянул в последний раз на серое, тяжелое, пасмурное небо Венеры. Его пальцы сжали рычаги:

— Даю старт!

...Встревоженная громоподобными взрывами, раздавшимися над большим озером, обеспокоенная волнами, буйно бившимися о берега, — над вершинами вечнозеленых деревьев, над девственными зарослями поднялась плоская голова диковинного чудовища.

Большими глупыми глазами голова посмотрела на озеро, взглянула на небо, бессмысленно посмотрела на маленькую черную черточку, молниеносно мчавшуюся по небу, зарываясь в свинцовые тучи, — и, ничего не поняв, спряталась опять за деревья, в заросли, в темноту и влажность первобытного леса...

ЭПИЛОГ

(Дополнение из второго издания романа 1939 года)

Земля ждала...

Астрономы всего земного шара не выходили из обсерваторий, отрываясь от телескопов только для того, чтоб погрузиться в вычисления, отрывались от вычислений только для того, чтобы опять припасть к окулярам телескопов. Со дня на день, с часу на час, с минуты на минуту в поле зрения телескопов и рефлекторов могли появиться блестящие очертания межпланетного корабля Николая Петровича Рындина, победоносного космического корабля, возвращавшегося из чудесного, неслыханного путешествия.

Не только ученые, но и все, кто интересовался судьбой экспедиции Рындина, все читатели газет и журналов — помнили каждое слово из писем, полученных на Земле от старого академика и его товарищей.

Три ракеты-письмоносца достигли Земли из четырех. Одна из них, последняя, или не успела долететь до Земли, или исчезла, затерялась где-нибудь в межпланетном пространстве. Но и без нее человечество знало: корабль академика Рындина вылетел в обратный путь, он теперь приближается к Земле, он везет неизвестные чудесные элементы, за которыми отправлена была экспедиция.

Делом чести каждого астронома, каждого наблюдателя небесных пространств — было заметить первым блестящую точку среди неподвижных звезд. Вот почему астрономы не отходили от телескопов, вот почему вновь и вновь проверяли они вычисления.

И еще одно хотел знать каждый: где опустится ракетный корабль? Можно ли будет увидеть этот спуск, посчастливится ли увидеть, как откроются двери ракеты, как появится в них знакомая фигура Рындина, седая шапка его волос, фигуры его товарищей — и среди них тот юноша, который очутился неожиданно в ракете и стал настоящим участником экспедиции, перенес вместе с экспедицией все трудности полета и пребывания на незнакомой планете?

Человечество ожидало.

И в этом напряженном ожидании как выстрел прозвучало первое известие. Говорила мощная московская станция имени Коминтерна:

— Алло, алло! Слушайте все, слушайте все! Крымская обсерватория при помощи нового большого телескопа нашла в небесном пространстве межпланетный корабль академика Рындина. Корабль замечен только в самые мощные телескопы. Он приближается к Земле. По расчетам обсерватории, корабль должен начать спуск на Землю через двенадцать дней. Слушайте все! Через двенадцать дней корабль академика Рындина должен начать спуск на Землю!

И на протяжении двенадцати дней не было человека, который бы еженощно не смотрел вверх, не старался бы увидеть в темном небе новую блестящую движущуюся звездочку. Разумеется, это было невозможно, все знали это, но вновь и вновь смотрели в небо, опять и опять искали.

Проходили дни. Ежедневно радио извещало:

— Корабль академика Рындина приближается. Он замечен уже в нормальные телескопы. Крымская обсерватория все время наблюдает его приближение. Вполне возможно, что корабль начнет спуск несколько ранее, потому что астрономы заметили взрывы, которые он делает, очевидно, с целью ускорить возвращение на Землю. За последние дни скорость корабля увеличилась. Главный астроном Крымской обсерватории, товарищ Рыжко, утверждает, что корабль начнет спуск на два дня раньше, чем предполагалось.

И каждый знал, что за приближением корабля академика Рындина неотрывно следит при помощи самого мощного в мире советского телескопа не кто иной, как астроном Рыжко, мать того самого юноши, о судьбе которого было столько разговоров. Она

не сводит глаз с крохотной блестящей звездочки, которая мчит ей назад ее сына, ее дорогого, любимого сына Василия.

Новое сообщение:

— Корабль академика Рындина уже близко к Земле. По всем наблюдениям, корабль начинает торможение. Он делает первый эллипс вокруг земли, тормозясь о земную атмосферу. Наблюдайте межпланетный корабль Рындина, превратившийся теперь в спутника Земли. Корабль можно видеть еженощно в следующие часы...

Радио извещало о времени, когда корабль приближался к Земле, когда он опять удалялся и вновь приближался, описывая свои тормозные эллипсы. Теперь корабль видело уже много людей. Каждый, у кого была хоть небольшая астрономическая труба, даже хорошая подзорная труба, — мог найти его на небе, пользуясь указаниями обсерватории.

Далеко-далеко, словно среди звезд, двигалась в небе маленькая блестящая черточка. Она медленно проплывала по небосклону. Она была едва заметна вблизи горизонта. Затем она поднималась выше и выше, к зениту — и все время становилась ярче. В зените ее можно было заметить даже в хороший бинокль. А затем она опускалась к противоположному горизонту, затемнялась, делалась постепенно менее и менее приметной, чтобы наконец и совсем исчезнуть за горизонтом.

Межпланетный корабль уменьшал скорость. Его тормозные эллипсы укорачивались. И пришел день, когда радио известило:

— Эллипсы корабля Рындина превратились в круги. Корабль облетает Землю по ровным правильным кругам. С минуты на минуту можно ждать снижения.

Теперь оставался один вопрос: куда именно спустится корабль? Сможет ли старый академик выбирать место, или ему придется садиться куда-нибудь среди океана?.. Ведь это будет самый безопасный спуск! Но тогда никто его не увидит в безграничных просторах Атлантического или Великого океанов!..

Астрономы говорили:

— Нельзя допустить иного предположения. Рындин опустится только в океан. Другой способ был бы слишком опасным.

Астрономы не учитывали того опыта управления ракетным кораблем, который приобрел его командир, академик Рындин!

Вечером этого же самого дня радио взволновало всех неожиданным известием;

— Получено радиосообщение от академика Рындина. Николай Петрович сообщает, что он сделает посадку межпланетного корабля на том же самом месте, откуда он стартовал, на поверхности большого Иван-озера. Возможность этого объясняется тем, что погода позволяет академику Рындину очень хорошо видеть Землю и выбирать желательное место для посадки. Корабль пойдет на посадку завтра около десяти часов утра. Можно надеяться, что он очутится на поверхности озера около одиннадцати часов утра.

Поезда не имели возможности вместить всех, желавших в эту ночь выехать к Иван-озеру. Дороги были покрыты непрерывными рядами автомобилей. Казалось, вся страна двинулась в эту ночь, чтобы к утру очутиться на берегах славного Иван-озера. Со всех сторон, как к центру громадной звезды, мчались сюда люди. Летели автомобили, мотоциклы, мчались поезда, летели в воздухе самолеты и дирижабли. Стратосферные самолеты приносили людей из далеких концов Советского Союза, из Сибири, Средней Азии, Хабаровска и Камчатки. Быстроходнейшие ракетные самолеты молниями неслись из Нью-Йорка, из Парижа, Лондона.

Лучи утреннего солнца озарили берега большого Иван-озера, покрытые десятками тысяч людей. Берега изменили свой обычный вид. Не осталось желтого цвета песка, не осталось зеленой травы. Были только человеческие массы, взволнованные, возбужденные; и над ними реяли в воздухе, раскрывались там и здесь красные цветы знамен.

Вожди народов Советского Союза, руководители партии и советского правительства прилетели из Москвы на быстроходных автожирах в девять часов утра. Автожиры опустились на плоскую крышу большого сооружения на берегу, того самого сооружения, из которого в свое время выводили на поверхность Иван-озера ракетный корабль. Любимые народом великие руководители трудящихся прошли к высокой трибуне на крыше сооружения, встреченные радостными приветственными возгласами, пролетевшими над всей озером.

Торжественное ожидание продолжалось. Напряженно стучали сердца, взволнованные мысли возникали у людей: не слишком ли рискует академик Рындин, выбирая для посадки поверх-

ность Иван-озера? Не лучше ли было бы ему все-таки выбрать бескрайнюю поверхность океана?.. Каждый понимал, что Николай Петрович хотел опуститься в пределах Советского Союза, приветствовать этим спуском трудящихся Советского Союза, каждый радовался этой мысли — и каждый тревожился: как-то управится Рындин с этой ответственной посадкой?

В чистом синем небе не было ни облачка. Золотое расплавленное солнце недвижимо висело над серебристою поверхностью озера. Едва заметная прозрачная рябь набегала на берег и исчезала на нем. Корабль Рындина уже начал посадку. Но — где он? Откуда он появится? Если принять во внимание знакомое уже движение маленькой звездочки, которая ночью медленно плыла в темном небе, то корабль должен появиться с востока. Тысячи глаз следили за горизонтом на восточной стороне озера, ища малейших перемен в небе.

Но небо было все еще чистым. Ничего не появлялось в его синеве.

Где же корабль? Где он?

И вдруг все вздрогнули. Загудела сирена. Это означало — корабль замечен. И одновременно с сиреной напряженный вздох всколыхнул человеческую массу. Вон он, корабль Рындина!

Крошечная темная черточка появилась далеко-далеко в небе, едва заметная над восточным горизонтом. Она с секунду неподвижно висела, словно застыла над далекими лесами, а потом все ясно увидели, что черточка начала подниматься. Она взлетала выше и выше, казалось, она вот-вот исчезнет в небе. И вместе с тем она медленно увеличивалась. Значит, она не отдаляется, а, наоборот, приближается?.. Впрочем, это было уже ясно и без догадок.

Черточка остановила свой подъем в небо. Она изменила направление и теперь мчалась по какому-то невидимому склону к озеру. Вот уже видно, что это не черточка, а маленькая сигарка... только — что это тянется за нею? словно бы несколько маленьких треугольников... Да, да, это парашюты, которыми Рындин тормозит корабль! Все в порядке.

Сигарка приближалась. И опять люди вздохнули. Они взволнованно смотрели, как сигарка словно перевернулась в воздухе. Теперь она приближалась хвостом вперед. Зачем это? Неужели авария?..

Нет, это последнее торможение. Тучки дыма окружили сигару; прорезая их, корабль Рындина мчался к озеру, к его спокойной поверхности. Новые взрывы, новые тучи дыму, уже больше, уже темнее. И каждому было заметно, как уменьшилась скорость корабля. И все-таки — как быстро он падает!

Еще миг — и вместе с последними взрывами корабль скрылся в воде. Он упал в нее, как падает бомба с тяжелого самолета, и сразу исчез под поверхностью озера. Озеро подбросило в воздух высокий столб воды, гигантский фонтан, поднявшийся в воздухе и медленно рассыпавшийся на мелкие брызги, падавшие назад, в озеро. Где же корабль?

Фонтан на несколько секунд привлек общее внимание. Люди не сразу заметили, что корабль уже плыл по поверхности озера, покачиваясь и разбивая волны в мельчайшие брызги. От него поднимался пар, весь он был окутан паром. Вода вокруг него кипела. Корабль был горячий, он разогрелся от трения о воздух.

Заметно замедляя ход, корабль описал на воде широкий полукруг. Он приближался к берегу, он плыл к большому сооружению с трибуной на крыше. Он остановился, горячий, окутанный тучей белого пара, словно утомленный.

Загремела музыка. Медные могучие звуки неслись над озером. Но их заглушили буря радостных возгласов, шторм рукоплесканий, которыми люди встречали корабль. А он покачивался у берега, от него все еще поднимался пар, его круглые окна смотрели на берега, как глаза гигантской рыбы.

И вот на спине этой гигантской металлической рыбы что-то зашевелилось. Это открывался верхний люк. Люди на берегу умолкли. Лишь радостная торжественная музыка неслась в воздухе. Сейчас... сейчас появятся участники экспедиции!

Люк открылся. Но из него никто не появлялся. Люди на берегу замерли. Стихла музыка. Стало тихо — так тихо, что слышно было, как бьются волны о металлические бока корабля.

И перед удивленными глазами десятков тысяч людей из верхнего люка ракетного корабля быстро выдвинулось высокое раздвижное древко. Оно поднималось, выше, выше... Для чего это?... Что это будет?..

Широкое красное полотнище медленно поплыло вдоль древка вверх. Большое красное советское знамя с золотыми серпом и молотом зареяло над ракетой, ветер развернул его во всю

ширину. Ветер показал всем это радостное знамя, на котором было написано:

— Привет Советской земле!

Опять буря возгласов и рукоплесканий пронеслась вдоль берегов, сразу же замирая. Взмолвленные люди забыли про знамя. Они увидели другое.

Над люком появилась так знакомая всем седая голова Николая Петровича Рындина. Ветер трепал его волосы. Рындин поднимался на крышу корабля с поднятою в знак приветствия рукой. А за ним появились его спутники и товарищи: Сокол, который нервно поправлял очки, пытаясь скрыть волнение, неизменно спокойный Гуро и сияющий Василий Рыжко с радостным веселым лицом.

И теперь уже ничего нельзя было услышать, — ни музыки, напрасно старавшейся прорваться сквозь ураган возгласов и рукоплесканий, ни самих приветственных возгласов — ничего! Все смешалось, все гудело, все слилось в один сплошной могучий крик радости.

Советская земля встречала своих героев, отважных победителей космоса, завоевателей Венеры, встречала достойных сынов Советского народа, смелых, бесстрашных аргонавтов вселенной!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Роман В. Владко «Аргонавты Вселенной» относится к категории научно-фантастических произведений. События, описываемые в нем, никогда не происходили; более того, надо подчеркнуть, что современное состояние развития техники не позволяет реально поставить вопрос о совершении большого межпланетного путешествия в течение ближайших лет. Космический перелет человека с планеты на планету был и остается до сих пор смелой мечтой ученых и писателей-фантастов.

Почему же эта мечта возникает вновь и вновь не только в произведениях мировой художественной литературы, но и в многочисленных научных трудах выдающихся ученых? Научно-фантастические романы Жюль Верна «От Земли до Луны» и «Вокруг Луны»; Уэллса — «Первые люди на Луне», «Борьба миров»; Богданова — «Красная звезда» и немало других произведений многих писателей; научные произведения русского ученого-революционера Кибальчича, советских ученых Циолковского и Рынина, иностранных ученых Годарда, Валье, Оборота, Гомана и других — все это посвящено проблеме межпланетных перелетов.

Бесспорно, это объясняется не только захватывающей красотой смелой мечты о межпланетном путешествии. Главная причина заключается в том, что непрерывное развитие мировой науки каждый год приближает человечество к полному решению этой сложной проблемы. Мы сказали, что современное развитие техники не позволяет в ближайшие годы осуществить межпланетное путешествие. Но вовсе не исключена возможность того, что многие из наших молодых современников станут свидетелями (а некоторые и участниками) первых космических перелетов. Для такого утверждения есть все основания.

Со всей ответственностью можно сказать, что уже теперь проблема звездоплавания решена в своей основной части. Мы имеем в виду не техническую сторону дела, а механическую и физическую.

Многочисленные научные работы, опыты и вычисления окончательно доказали теоретическую возможность межпланетных перелетов. Более того, почти окончательно выяснены и прин-

ципы действия космических кораблей. Нет сомнения, что в основе такого корабля будет лежать ракетный двигатель.

И дело реального, практического осуществления первого межпланетного путешествия задерживается теперь только с технической стороны. В этом отдельном случае мировая техника очень и очень отстала от теории. А это отставание, в свою очередь, заставляет считать межпланетное путешествие на сегодня только смелой, очаровательной мечтой. Поэтому техникам придется еще немало поработать, чтобы поставить выводы теоретических рассуждений на практическую почву.

Но — вспомним! — разве не такой же мечтой еще лет пятьдесят назад была авиация, которая успела за это время стать для нас повседневной действительностью? Нет никакого сомнения, что наше будущее превратит в такую же действительность и межпланетные перелеты. Придет день, когда человечество увидит в небе ракетные космические корабли, которые понесутся к дальним мирам, как полетел в романе В. Владко пока что фантастический межпланетный корабль академика Рындина и его спутников.

Проблема межпланетных сообщений решалась в различных научно-фантастических произведениях по-разному; и зависело это, главное, от того состояния развития науки и техники, согласно условиям которого тот или иной писатель писал свое произведение. Наука продвигалась вперед, написанные сочинения оставались позади. Научные мнения и предположения авторов, хоть и интересные, но которые были направлены в неверном направлении, становились неудовлетворительными, нереальными. Современная же наука, как мы уже говорили выше, твердо наметила пути, которым должна идти техника, чтобы решить практически проблему межпланетных сообщений.

Автор «Аргонавтов Вселенной» использовал для своего романа выводы современных теоретиков межпланетных сообщений. Следует тут же оговорить, что в романе есть ряд спорных предположений автора, но об этом речь будет дальше.

Межпланетный корабль академика Рындина построен, учитывая все самые интересные предложения таких ученых, как Циолковский, Валье, Годард. В его оборудовании находим немало остроумных приборов, начиная с фантастических миниаккумуляторов и инфракрасного экрана и кончая достаточно научно обоснованным использованием огромной разницы температур осве-

щенной солнцем и теневой сторон ракеты. Конечно, такой гигантский межпланетный корабль может вылететь в космическое пространство только с помощью невероятной силы взрывчатого вещества; и автор принужден был создать фантастический прототип, новое взрывчатое вещество. Но это вполне допустимо.

Следует отметить и то, что В. Владко нашел интересную мотивацию межпланетного перелета своих героев на Венеру. Советская научная экспедиция отправляется на Венеру не случайно (как отправлялись в космос герои предыдущих романов, посвященных этой теме). Советская экспедиция имеет и теоретические, и практические задачи: найти на Венере и привезти на Землю нужные социалистическому строительству новые элементы — ультразолото и инфрарадий. Это сразу придает межпланетному путешествию академика Рындина реальный характер.

Читатель научно-фантастического романа всегда требует от автора научной обоснованности. Читатель вполне законно хочет доказательств того, что автор ведет его верным с научной точки зрения путем. И только имея такие доказательства, читатель начинает доверять автору, приходит к выводу, что предположения автора имеют основания и не остаются голым фантазированием, а, наоборот, могут осуществиться в будущем. Это вполне закономерный процесс восприятия научной фантастики.

Ультразолота и инфрарадия не существует. Это — вымышленные автором химические элементы. Но для читателя они могут существовать, ибо автор романа расширяет таблицу Менделеева и находит для них более-менее логичное место. Межпланетный корабль — пока что техническая мечта; но для читателя он становится реальным, потому что автор использовал для его создания вполне реальные с научной точки зрения предположения и проекты известных теоретиков этого дела. Современная наука не имеет данных о жизни на Венере, тем более, она не может дать ответ на вопрос о характере этой жизни. Но читатель верит, что Венера населена огромными насекомыми, так автор подводит его к этой мысли через ряд научных фактов и научно обоснованных предположений (сравнительно молодой возраст Венеры, большее, если сравнивать с земной, количество углекислоты в атмосфере Венеры и тому подобное).

Такая система мотиваций и доказательств свидетельствует о постоянном желании автора оставаться все время на научной

почве, не увлекаясь излишним фантазированием и не теряя этим доверие читателя, который воспринимает даже спорные предположения автора, как нечто вполне вероятное. Например, можно спорить и не соглашаться со взглядами автора «Аргонавтов Вселенной» относительно влияния космического излучения на человеческие организмы. Мировая наука давно уже изучает природу космического излучения, так называемого лучей Миликена. Правда, это лучи, происхождение которых и источник до сих пор остаются для науки загадкой; но никогда никто из исследователей не отмечал какого-либо влияния космического излучения на нервную систему человека. Научных данных здесь нет. Однако, нельзя отнять у Владко права предоставить космическому лучу такие свойства, в частности в межпланетном пространстве, где воздействию лучей Миликена ничто не мешает.

Таким же спорным является и мнение Владко о технике радиосвязи Земли с межпланетным кораблем. Бесспорно, слой Хевисайда должно мешать такой связи и даже прекращать ее. Но вряд ли возможно с технической стороны «пробить» слой Хевисайда с помощью фантастической «стратостатной антенны». Слой Хевисайда будет преодолен в будущем, наверное, не механическим способом, а электрическим.

Мы могли бы привести еще несколько спорных с научной точки зрения мест в романе В. Владко, таких как принципы распространения космического излучения, продолжительность суток на Венере, возможность роста бактерий, даже при особых условиях атмосферы Венеры, до гигантских размеров, и тому подобное. Но следует подчеркнуть, что все эти места всего лишь только спорные. С автором можно спорить относительно его выводов и предположений; однако, научная база Владко даже в таких спорных предположениях остается реальной.

Автор использовал свое выгодное положение писателя, который писал роман о межпланетном путешествии уже после многих предыдущих произведений. Именно это дало ему возможность избежать многих ошибок, которые допустили в своих талантливых произведениях авторы более ранних фантастических произведений про межпланетные путешествия. Немало таких ошибок заметил и объяснил читателям известный популяризатор идеи межпланетных сообщений Я. Перельман.

Для тех, кто желал бы глубже познакомиться с историей, современным состоянием и перспективами решения проблемы межпланетных сообщений (а таких читателей немало, как это можно установить из писем к автору), — мы приводим ниже список научно-популярных и научных произведений, посвященных этому вопросу.

Список этот составлен с расчетом на читателя, который, начиная с самых легких для восприятия книг, переходит далее к более сложным, чтение которых требует уже определенной подготовки. Именно в таком порядке размещены упоминаемые произведения в нашем списке

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, ПОСВЯЩЕННАЯ ПРОБЛЕМЕ МЕЖДУПЛАНЕТНЫХ СООБЩЕНИЙ

Я. Перельман. «Ракетой на луну».

Я. Перельман. «Межпланетные путешествия».

К. Э. Циолковский. «На луне».

К. Э. Циолковский. «Тяжесть исчезла».

М. Валье. «Полет в мировое пространство».

Проф. Н. А. Рынин. «Мечты, легенды и первые фантазии».

Проф. Н. А. Рынин. «Космические корабли».

Проф. Н. А. Рынин. «Лучистая энергия».

Проф. Н. А. Рынин. «Теория реактивного движения».

Проф. Н. А. Рынин. «Ракеты».

Проф. Н. А. Рынин. «Суперавиация и суперартиллерия».

Проф. Н. А. Рынин «К. Э. Циолковский. Его жизнь, работа и ракеты».

Проф. Н. А. Рынин. «Теория космического полета».

Проф. Н. А. Рынин. «Астронавигация».

